

БРЕНДОН САНДЕРСОН

Звезды
НОВОЙ
ФЭНТЕЗИ



ТОМ 2

ДАВШИЙ КЛЯТВУ

АРХИВ БУРЕСВЕТА

✦ ————— КНИГА 3 ————— ✦

Звезды новой фэнтези

Брендон Сандерсон
Давший клятву. Том 2

«Азбука-Аттикус»

2017

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Сандерсон Б.

Давший клятву. Том 2 / Б. Сандерсон — «Азбука-Аттикус»,
2017 — (Звезды новой фэнтези)

ISBN 978-5-389-20259-7

Предсказанная Буря бурь обрушилась на мир, вызвав новое Опустошение и вынудив человечество еще раз столкнуться с древним врагом – Приносящими пустоту; их жажду мести подпитывает злобное божество. Теперь будущее зависит только от Далинара Холина, чьи измученные сражениями войска нашли приют в древнем городе Уритиру. Но в стенах оплота Сияющих рыцарей хранятся мрачные секреты, а кровавые тайны прошлого самого Далинара мешают остальным властителям поверить в благородство его помыслов. Час нового испытания близок, однако прежде героям предстоит совершить немало странствий по просторам Рошара и выстоять в битве с темной стороной собственной души.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-20259-7

© Сандерсон Б., 2017
© Азбука-Аттикус, 2017

Содержание

Часть третья	6
58. Тяготы	7
59. Узокователь	12
60. Ветра и клятвы	23
61. Воплощенный ночной кошмар	29
62. Изыскания	38
63. По ту сторону зеркала	46
64. Скрывающий богов	53
65. Вердикт	59
66. Стратег	69
67. Мишим	75
68. Целиться в солнце	83
69. Бесплатная еда, никаких обязательств	90
70. Великий маршал Азур	96
71. Признак человечности	102
72. Камнепад	109
73. Как разбираться в историях	117
74. Спрен проворства	125
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Брендон Сандерсон

Архив Буресвета. Книга

3. Давший клятву. Том 2

Brandon Sanderson

OATHBRINGER.

BOOK THREE OF THE STORMLIGHT ARCHIVE

Copyright © 2017 by Dragonsteel Entertainment, LLC

All rights reserved

Публикуется с разрешения автора и его литературных агентов, JABberwocky Literary Agency, Inc. (США) при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия).

Иллюстрация на обложке Майкла Уэлана

Иллюстрации Дэна Дос Сантоса, Бена Максуйни, Миранды Микс, Келли Харрис, Айзека Стюарта Заставки Айзека Стюарта, Бена Максуйни и Говарда Лиона Карты Говарда Лиона и Айзека Стюарта

© Н. Г. Осояну, перевод, 2018

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

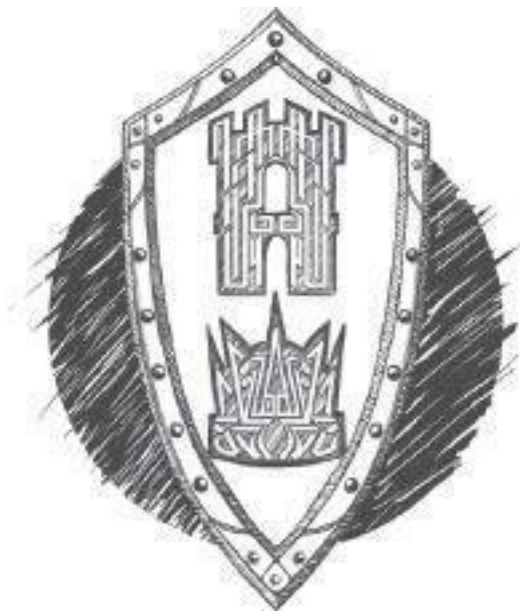
Часть третья
Истине дерзая, возлюбите истину
Далинар – Шаллан – Каладин – Адолин



58. Тяготы

Будучи камнестражем, я всю жизнь стремлюсь к самопожертвованию. Я тайне боюсь, что это путь труса. Легкий способ уйти.

Из ящика 29–5, топаз



Облака, которые обычно собирались у основания плато Уритиру, сегодня отсутствовали, что позволило Далинару спокойно разглядывать бесконечные скалы, над которыми взгромоздилась башня. Он не увидел земли; скалы тянулись, словно уходя в бесконечность.

И даже так князь с трудом представлял, насколько высоко в горах они находятся. Письмоводительницы Навани могли измерять высоту, каким-то образом используя воздух, но их цифры не утолили его жажду. Далинар хотел увидеть. Неужели они на самом деле выше облаков, простирающихся над Расколотыми равнинами? Или облака здесь, в горах, летели ниже?

«На старости лет ты стал весьма склонен к размышлениям», – удивился он, ступая на одну из платформ Клятвенных врат. Навани держала его за руку, а Таравангиан с Адротагией неспешно поднимались по уклону позади них.

Пока они ждали, Навани посмотрела ему в глаза:

– Тебя все еще тревожит последнее видение?

Он думал не об этом, но все равно кивнул. В самом деле, князь беспокоился. Вражда. Пусть Буреотец и вернулся к прежнему самоуверенному поведению, Далинар не мог выкинуть из головы воспоминания о том, как могучий спрен скулил от страха.

Навани и Ясна внимательно выслушали его отчет о встрече с темным богом, но решили, что не будут делать его достоянием широкой публики.

– Возможно, – сказала Навани, – Честь каким-то образом запланировал и это событие.

Далинар покачал головой:

– Вражда был настоящим. Я действительно с ним общался.

– В этих видениях можно взаимодействовать с людьми. Просто не с самим Всемогущим.

– Это потому, что, согласно твоей теории, Всемогущий не сумел создать полноценное подобие бога. Нет. Навани, я видел вечность... божественную беспредельность.

Далинар содрогнулся. Они решили на время отказаться от видений. Кто знает, с какой опасностью можно столкнуться, перенеся чей-то разум и тем самым открыв его для воздействия Вражды?

«Ну а кто знает, на что он способен повлиять в реальном мире?» – осознал Далинар и вновь вскинул голову: в бледно-голубом небе полыхало раскаленное добела солнце. Странно, что, оказавшись над облаками, он не стал видеть дальше.

Таравангиан и Адротагия наконец-то прибыли, за ними следовала странная, коротко стриженная связывательница потоков, Малата. Охранники Далинара поднялись последними. Риал отдал ему честь. Опять.

– Сержант, не надо салютовать каждый раз, когда я на тебя смотрю, – сухо проговорил Далинар.

– Сэр, просто я очень стараюсь. – Темнокожий солдат с обветренным лицом отсалютовал еще раз. – Не хочу получить выговор за неуважение.

– Риал, я не упомянул твоего имени.

– Да все поняли, светлорд.

– Надо же.

Риал ухмыльнулся, и Далинар взмахом руки велел ему открыть большую флягу, а потом принялся – не пахнет ли алкоголем?

– На этот раз все чисто?

– Безусловно! Вы же меня в прошлый раз отчитали. Просто вода.

– А спиртное ты держишь...

– Во фляжке, сэр, – доложил Риал. – В правом кармане брюк. Но не переживайте. Он застегнут на все пуговицы, и я совершенно забыл, что фляжка там есть. Обнаружу ее случайно, когда дежурство закончится.

– Не сомневаюсь.

Далинар взял Навани под руку, и они пошли следом за Адротагией и Таравангианом.

– Мог бы поручить кому-то другому охранять тебя, – прошептала Навани. – Этот жирный солдат... выглядит неуместно.

– На самом деле он мне нравится, – признался Далинар. – Напоминает одного друга из былых времен.

Пункт управления в центре платформы выглядел так же, как остальные, – мозаика на полу, «замочная скважина» механизма в изогнутой стене. Но под ногами – узоры в виде глифов Напева Зари. Это здание было идентичным тому, что располагалось в Тайлене – и механизм врат, будучи задействованным, должен был поменять их местами.

Десять платформ здесь, десять – рассеяны по миру. Глифы на полу указывали, что существовал какой-то способ перемещения из одного города в другой напрямую, без визита в Ури-тиру. Они еще не разобрались в этой системе, и пока что каждые ворота работали только в паре с соответствующим двойником, для чего сперва их надо было открыть с обеих сторон.

Навани отправилась напрямик к контрольному механизму. Малата присоединилась к ней, наблюдая, как Навани возится с замочной скважиной; та располагалась в центре десятилучевой звезды на металлической пластине.

– Да, – пробормотала Навани, заглянув в какие-то заметки. – Механизм такой же, как тот, что на Расколотых равнинах. Поворачивать надо вот это...

Она что-то передала в Тайлен через даль-перо, а потом вынудила всех снова выйти наружу. Миг спустя здание вспыхнуло – бурсвет разошелся от него кольцом, словно послеполночь горящей головы, которой взмахнули в темноте. Потом из двери показались Каладин и Шаллан.

– Сработало! – пылко воскликнула Шаллан, выскочив наружу. В противовес ей Каладин вышел спокойным и твердым шагом. – Перенос контрольных зданий, а не платформ целиком должен сэкономить нам буресвет.

– До сих пор, – объяснила Навани, – мы для каждого переноса запускали Клятвенные врата в полную силу. Подозреваю, это не единственная ошибка, которую мы сделали в связи с этим местом и его устройствами. Так или иначе, теперь, когда вы двое открыли тайленские врата на том конце, мы сумеем ими пользоваться, когда захотим, – с помощью Сияющего, разумеется.

– Сэр, – обратился Каладин к Далинару, – королева готова к встрече с вами.

Таравангиан, Навани, Адротагия и Малата вошли в здание, а Шаллан начала спускаться по уклону, чтобы вернуться в Уритиру. Далинар взял Каладина за руку, когда тот направился следом.

– Полет впереди бури прошел хорошо? – спросил Далинар.

– Сэр, никаких проблем. Уверен, это сработает.

– Значит, со следующей бурей отправляйся в Холинар, солдат. Я рассчитываю, что ты и Адолин убережете Элокара от опрометчивых поступков. Будь осторожен. В городе происходит что-то странное, а я не могу позволить себе потерять тебя.

– Да, сэр.

– Пока будете лететь, помаши землям вдоль южного рукава реки Смертоносной. Возможно, паршуны их уже завоевали, но, вообще-то, они принадлежат тебе.

– Э-э... сэр?

– Каладин, ты осколочник. Это дает тебе по меньшей мере четвертый дан, то есть титул с земельными владениями. Элокар подыскал тебе красивый участок у реки, что вернулся к короне в прошлом году в связи со смертью светлорда, у которого не было наследников. Не такой большой, как некоторые, но теперь он твой.

Каладин выглядел потрясенным.

– Сэр, на этой земле есть деревни?

– Шесть или семь; один город, достойный внимания. Река одна из самых полноводных в Алеткаре. Она не пересыхает даже в Средмирье. И там проходит хороший караванный маршрут. Твоей родне там понравится.

– Сэр. Вы же знаете, я не хочу этих тягот.

– Если ты хотел жить, будучи ничем не обремененным, не стоило произносить клятвы, – напомнил Далинар. – Нам такие вещи выбирать не приходится. Просто позаботься о хорошем управляющем, мудрых письмоводительницах и каких-нибудь надежных мужчинах пятого и шестого данов, чтобы руководить городами. Лично я сочту нас – включая тебя – счастливыми, если в конце концов мы по-прежнему будем иметь в своем распоряжении обременяющее нас королевство.

Каладин медленно кивнул:

– Моя семья в Северном Алеткаре. Теперь, после того как я отработал полеты с бурями, смогу отправиться за ними, когда вернусь из миссии в Холинар.

– Открой эти Клятвенные врата, и в твоём распоряжении будет столько времени, сколько пожелаешь. Лучшее, что ты можешь сделать для своей семьи прямо сейчас, – это уберечь Алеткар от падения.

Согласно донесениям, полученным через даль-перья, Приносящие пустоту медленно продвигались на север и захватили большую часть Алеткара. Релис Рутар пытался собрать оставшиеся силы аleti в сельской местности, но Сплавленные сильно его потрепали и отбросили к Гердазу. Однако гражданских Приносящие пустоту не убивали. Семья Каладина была в относительной безопасности.

Капитан побежал вниз по уклону, а Далинар проводил его взглядом, размышляя о собственном бремени. Когда Элокар и Адолин вернутся из миссии по спасению Холинара, надо будет разобраться с указом Элокара о назначении великого короля. Он все еще об этом не объявил, даже великим князьям.

Часть Далинара знала, что ему просто следует пойти до конца, назначить Адолина великим князем и отречься от престола, но он тянул. Это обозначило бы окончательный разрыв между ним и его родной землей. По крайней мере, сперва он поможет вернуть столицу.

Далинар присоединился к остальным в контрольном здании, потом кивнул Малате. Она призвала осколочный клинок и вставила в скважину. Металл пластины сдвинулся, потек, повторяя форму клинка. Они проводили испытания: хоть стены зданий были тонкими, острие осколочного клинка не высовывалось по другую сторону. Оружие плавилось, превращаясь в часть механизма.

Малата надавила сбоку на рукоять клинка. Внутренняя стена контрольного здания повернулась. Пол под мозаикой начал светиться и сделался похожим на витражное стекло. Она остановила клинок в нужном положении, и после вспышки бурсвета они прибыли на место. Далинар вышел из маленького здания на платформу в далеком Тайлене – порту на западном берегу большого южного острова вблизи Мерзлых земель.

Здесь платформу вокруг Клятвенных врат превратили в сад скульптур, но большинство из них теперь разбили или сбросили с постаментов. Королева Фэн ждала возле подъема на платформу со своими прислужниками. Наверное, Шаллан посоветовала ей ждать там, на случай, если перемещение только комнат не работает.

Платформа располагалась в высокой части города, и у Далинара перехватило дыхание от представшей его взору картины.

Тайлен расположился в горах, как и Харбрант, упираясь задней частью в горный хребет, который защищал его от Великих бурь. Хотя Далинар никогда раньше здесь не бывал, он изучал карты и знал, что вблизи от центра Тайлена есть участок, который называют Древним округом. У этой приподнятой части была особенная форма, которую скалам придали резчики тысячелетия назад.

С той поры город рос вокруг Древнего округа. Район под названием Низкий округ ютился около камней у основания стены на западе – широкой и приземистой, идущей от скал по одну сторону от города к предгорьям по другую сторону.

Выше и позади Древнего округа город расширялся, выстраивая серию ярусов, похожих на ступеньки. Это были Верхние округа, которые завершались величественным Королевским округом на самой макушке – он включал дворцы, особняки и храмы. На этом уровне располагалась и платформа Клятвенных врат – на северном краю города, близко к утесам, у подножия которых простирался океан.

Когда-то это место выглядело потрясающе благодаря своей великолепной архитектуре. Сегодня Далинар замер по другой причине. Десятки... сотни зданий были повреждены. Целые районы превратились в руины, когда Буря бурь развалила высокие строения и обрушила на соседние дома. Один из самых славных городов Рошара – известный своим искусством, торговлей и отличным мрамором – был разбит, словно обеденное блюдо, которое уронила нерадивая горничная.

По иронии судьбы, множество более скромных зданий в основании города – в тени стены – выстояли под натиском бури. Но знаменитые тайленские доки находились за пределами этого укрепления, на маленьком западном полуострове перед городом. Этот район некогда был плотно застроен – скорее всего, складами, тавернами и лавками. Все из дерева.

Все строения полностью сдуло ветром. Остались только исковерканные обломки.

«Буреотец...»

Неудивительно, что Фэн противилась его отвлекающим призывам. Большую часть этих разрушений вызвала первая, самая сильная Буря бурь; Тайлен был особенно уязвим, поскольку стихию, пришедшую с запада через океан, не ослабила никакая земля. Кроме того, многие дома выстроили из дерева, особенно в Низких округах. Роскошь, доступная местечку вроде Тайлена, который до сих пор ощущал Великие бури лишь в слабой степени.

Буря бурь приходила вот уже пять раз, хотя ее последующие появления были, к счастью, слабее первого. Далинар медлил, обозревая вид, прежде чем повести своих людей туда, где на уклоне ждала королева Фэн с толпой письмоводительниц, светлоглазых и охранников. Также присутствовал ее принц-консорт Кмакл, пожилой тайленец с усами и бровями, одинаково ниспадающими вдоль лица. Он был в жилете и шапке, а в качестве письмоводительниц его сопровождали две ревнительницы.

– Фэн... – негромко проговорил Далинар. – Мне жаль.

– Похоже, мы слишком долго жили в роскоши, – ответила королева, и он на миг изумился ее акценту. В видении его не было. – Помню, ребенком я тревожилась, что люди из других стран узнают, как у нас хорошо, с мягким климатом проливов и ослабленными бурями. Я полагала, что однажды нас поглотит поток иммигрантов.

Она повернулась к своему городу и негромко вздохнула.

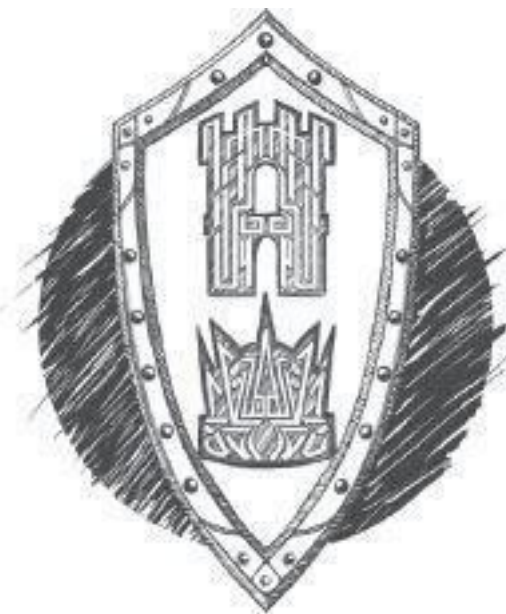
Какой же была здешняя жизнь? Далинар попытался представить себе, каково жить в домах, которые не напоминают крепости. В строениях из дерева, с широкими окнами. С крышами, которые нужны лишь в качестве укрытия от дождя. Он слышал шутки о том, что в Харбранте надо повесить снаружи колокольчик, чтобы узнать, когда начнется Великая буря, потому что иначе ее можно пропустить. К счастью для Таравангиана, его город был расположен слегка к югу, и это предотвратило подобный масштаб разрушений.

– Что ж, давай прогуляемся. – Фэн взяла себя в руки. – Думаю, несколько мест, на которые стоит поглядеть, еще целы.

59. Узокователь

Если это сохранится навсегда, то я хочу сберечь запись о моем муже и детях. Взмал – лучший мужчина, о любви к которому женщина может только мечтать. Кмакра и Молинар – истинные самосветы моей жизни.

Из ящика 12–15, рубин



– Храм Шалаш, – сказала Фэн, взмахнув рукой, как только они вошли.

Далинару это место казалось очень похожим на прочие, которые она им показала: огромный зал с высоким потолком и массивными жаровнями. Здесь ревнители жгли тысячи охраненных глифов для людей, которые умоляли Всемогущего о милосердии и помощи. Дым собирался под куполом, прежде чем просочиться наружу через дыры в крыше, как вода через решето.

«Сколько молитв мы сожгли, обращаясь к божеству, которого больше нет? – подумал Далинар с внезапной тревогой. – Или кто-то получает их вместо него?»

Далинар вежливо кивал, пока Фэн в подробностях рассказывала о древнем происхождении этого здания и перечисляла монархов, которых здесь короновали. Она объяснила значение замысловатых узоров на задней стене, а потом провела их вдоль боковых стен, чтобы рассмотреть барельефы. Он с сожалением увидел несколько статуй со сбитыми лицами. Как же буря добралась до них здесь?

Закончив, Фэн повела их обратно в Королевский округ, где ждали паланкины. Навани легонько пихнула Далинара локтем.

– Что? – тихо спросил он.

– Перестань хмуриться.

– Я не хмурюсь.

– Ты заскучал.

– Но ведь... не нахмурился.

Она подняла бровь.

– Шесть храмов? – спросил Далинар. – Город практически в руинах, а мы рассматриваем храмы.

Впереди Фэн и ее консорт забрались в паланкин. Пока что роль Кмакла в их экскурсии заключалась лишь в том, чтобы следовать за Фэн и – стоило ей произнести то, что он считал важным, – кивком указывать письмоводительницам, чтобы внесли это в официальные хроники.

Кмакл не носил меча. В Алеткаре это бы означало, что мужчина – по крайней мере, его ранга – является осколочником, но здесь все обстояло иначе. В королевстве Тайлена было всего пять клинков и три доспеха, которые принадлежали древним родам, поклявшимся защищать трон. А может, Фэн смогла бы взамен этой экскурсии устроить ему демонстрацию осколков?

– Хмуришься... – проговорила Навани.

– Они этого от меня ждут. – Далинар кивком указал на тайленских офицеров и письмоводительниц. Группа солдат, сдерживающая толпу, изучала Далинара с особым, пристальным вниманием. Возможно, истинная цель обзорной лекции заключалась в том, чтобы у этих светлоглазых появилась возможность его изучить.

В паланкине, который он разделил с Навани, пахло цветками камнепочек.

– Продвижение от храма к храму, – негромко объяснила Навани, когда их носильщики подняли паланкин, – представляет собой традицию города Тайлен. Посетив все десять, можно обозреть Королевский округ, и это не такой уж тонкий намек на воринское благочестие трона. В прошлом у них были проблемы с церковью.

– Сочувствую. Как полагаешь, если объясню, что я тоже еретик, она покончит с этой помпой?

Навани подалась вперед в маленьком паланкине и положила свободную руку ему на колено.

– Дорогой мой, если эти вещи тебя так утомляют, мы могли послать дипломата.

– Я и есть дипломат.

– Далинар...

– Навани, это теперь мой долг. Я обязан его выполнить. Каждый раз, когда я игнорировал его в прошлом, случалось что-нибудь ужасное. – Он взял ее руку в свои. – Я жалею, потому что с тобой могу быть беспечным. Буду хмуриться как можно меньше. Обещаю.

Пока носильщики умело перемещали их вверх по какой-то лестнице, Далинар смотрел в окно паланкина. Верхняя часть города перенесла бурю достаточно хорошо, поскольку многие строения здесь были с толстыми каменными стенами. И все же некоторые треснули, кое-где провалилась крыша. Паланкин пронесли мимо постамента какой-то статуи – та сломалась на уровне лодыжек и, похоже, рухнула с выступа на Нижние округа.

«Этот город пострадал сильнее, чем любой, о котором мне присылали донесения, – подумал он. – Уникальная степень разрушений. Все дело в деревянных постройках и отсутствии заграждений, ослабляющих ветер? Или здесь кроется что-то еще?» В некоторых донесениях о Буре бурь говорилось, что она совсем не сопровождалась ветрами, только молниями. Другие, сбывая с толку, сообщали о том, что не было дождя, но с неба падали горящие угли. Буря бурь бывала очень разной.

– Наверное, знакомое занятие успокаивает Фэн, – тихо предположила Навани, когда носильщики опустили их во время следующей остановки. – Эта поездка – напоминание о днях, когда город еще не перенес такие ужасы.

Он кивнул. Думая об этом, было проще вытерпеть мысль об очередном храме.

Снаружи они увидели, как Фэн выбирается из собственного паланкина.

– Это храм Баттах, один из старейших в городе. Но, разумеется, главная здешняя достопримечательность – это Подобие Паралета, величественная статуя, которая... – Она осеклась, и Далинар проследил за ее взглядом до каменного ступенчатого основания ближайшей статуи. – А-а. Ну да.

– Давайте взглянем на храм, – попробовал сгладить ситуацию Далинар. – Вы сказали, он один из самых старых. А какие старше?

– Только храм Иши старше, – ответила королева. – Но мы не задержимся ни там, ни тут.

– Не задержимся? – переспросил Далинар, заметив, что над этой крышей не вьется дымок молитв. – Здание повреждено?

– Здание? Нет, не оно.

Из храма вышли два усталых ревнителя в одеяниях, покрытых красными пятнышками, и спустились по ступенькам. Далинар посмотрел на Фэн.

– Не возражаете, если я все равно зайду?

– Если хотите.

Пока Далинар поднимался по лестнице вместе с Навани, он ощутил запах, принесенный ветром. Пахло кровью, и это напомнило ему о битве. Наверху за порогом храма открылось знакомое зрелище. На мраморном полу лежали на простых соломенных тюфяках сотни раненых, и между ними тянулись вверх спрены боли – они напоминали руки из оранжевых сухожилий.

– Пришлось импровизировать, – объяснила Фэн, вслед за ним подойдя к дверям, – после того как обычные больницы переполнились.

– Так много? – ужаснулась Навани, прижав защищенную руку ко рту. – Разве нельзя кого-то из них послать на излечение домой, к семьям?

Страдания людей были красноречивее любого ответа. Некоторые ждали смерти: у них были внутренние кровотечения или неизлечимые инфекции – маленькие красные спрены гниения на коже явно свидетельствовали именно об этом. У других же не осталось дома, и вся семья собралась вокруг раненой матери, отца или ребенка.

Буря свидетельница... Далинару почти стало стыдно из-за того, как легко его люди переносили Бурю бурь. Князь развернулся и едва не врезался в Таравангиана, который появился на пороге словно призрак. Хрупкий, облаченный в мягкие одеяния престарелый монарх не скрывал слез, глядя на людей в храме.

– Пожалуйста! – взмолился он. – Пожалуйста! Мои лекари в Веденаре, через Клятвенные врата туда попасть легко. Позвольте мне их привести. Позвольте мне покончить с этим страданием.

Фэн сжала губы так, что они превратились в ниточку. Она согласилась встретиться, но это не делало ее частью предполагаемой коалиции Далинара. Но что королева могла сказать в ответ на такую мольбу?

– Мы высоко оценим вашу помощь.

Далинар спрятал улыбку. Она сделала уступку, позволив им включить Клятвенные врата. Теперь – еще одну. «Таравангиан, ты настоящий самосвет».

– Одолжите мне письмоводительницу и даль-перо, – попросил Таравангиан. – Я дам распоряжения моей Сияющей, и она немедленно приведет помощь.

Фэн дала необходимые указания, ее консорт кивнул, чтобы эти слова записали. Пока они шли назад к паланкинам, Таравангиан задержался на лестнице, глядя на город.

– Ваше величество? – окликнул Далинар.

– Светлорд, я как будто вижу свой город. – Он уперся дрожащей рукой в стену храма, чтобы не упасть. – Взгляд мой затуманивается, и я вижу Харбрант, уничтоженный войной. И я спрашиваю: «Что я должен сделать, чтобы их уберечь?»

– Мы их защитим. Даю тебе слово.

– Да... да, я верю тебе, Черный Шип. – Он тяжело вздохнул и как будто еще сильнее пал духом. – Наверное... наверное, я останусь здесь и дождусь своих лекарей. Пожалуйста, продолжайте.

Таравангиан сел на верхнюю ступеньку, а все остальные ушли. Возле паланкина Далинар повернулся и взглянул на старика, который сидел, сцепив руки перед собой, опустив голову в

старческих пятнах, и было в его поведении что-то очень похожее на человека, преклонившего колени перед горящим глифом-молитвой.

Фэн подошла к Далинару. Ее белые завитые брови колыхались на ветру.

– Он куда сильнее, чем люди о нем думают, даже после несчастного случая. Я часто это утверждала. – Далинар кивнул, а Фэн продолжила свою мысль: – Но он ведет себя так, словно этот город – погребальная площадка. Это не наш случай. Мы отстроим Тайлен из камня. Мои инженеры собираются возвести стены на границе каждого округа. Мы снова встанем на ноги. Просто надо опередить бурю. На самом деле нас подкосила внезапная утрата рабочих рук. Наши паршуны...

– Мои войска могли бы весьма помочь в расчистке завалов, таскании камней и строительстве, – предложил Далинар. – Скажите всего одно слово, и у вас появится доступ к тысячам рук, которые хотят помочь.

Фэн промолчала, хотя Далинар услышал бормотание молодых солдат и прислужников, которые ждали возле паланкинов. Он задержал на них взгляд, уделив одному особое внимание. Голубоглазый юноша, высокий для тайленца, с бровями, зачесанными назад и накрахмаленными. Его аккуратная униформа была, разумеется, сшита в тайленском стиле, с коротким жакетом, который накрепко застегивался на пуговицы посередине верхней части груди.

«Должно быть, это ее сын», – подумал князь, изучая черты молодого человека. Согласно тайленской традиции, он был всего лишь одним из офицеров, а не наследником. Престол в этом королевстве не передавался по наследству.

Наследник или нет, этот юноша был важен. Он прошептал какую-то колкость, и остальные закивали, что-то бормоча и вперив в Далинара сердитые взгляды.

Навани легонько ткнула Далинара локтем в бок и вопросительно посмотрела на него.

«Позже», – беззвучно проговорил он, а потом повернулся к королеве Фэн:

– Значит, храм Иши также заполнен ранеными?

– Да. Возможно, мы его пропустим.

– Не возражаю против того, чтобы поглядеть на Нижние городские округа, – предложил Далинар. – Может быть, большой базар, о котором я слышан?

Навани поморщилась, а Фэн напряглась.

– Он был... возле доков, верно? – спросил Далинар, взглянув на покрытую обломками равнину перед городом. Он-то считал, что базар располагался в Древнем округе, центральной части Тайлена. Видимо, стоило внимательнее изучить карты.

– Я распорядилась, чтобы во дворе Таленелата для нас приготовили прохладительные напитки, – объявила Фэн. – Это будет последняя остановка во время нашего тура. Может, отправимся туда прямо сейчас?

Далинар кивнул, и они снова погрузились в паланкины. Внутри он наклонился к Навани и тихо прошептал:

– Королева Фэн не обладает абсолютным авторитетом.

– Даже твой брат им не обладал.

– Но с тайленскими королями дело обстоит хуже. Ведь нового монарха выбирает совет торговцев и морских офицеров. У них огромное влияние в городе.

– Да. К чему ты клонишь?

– Это значит, что она не может согласиться на мои просьбы по собственной воле. Она никогда не согласится на военную помощь, пока влиятельные горожане считают, что я нацелен на захват власти. – Он нашел в ящичке на подлокотнике орехи и начал их грызть.

– У нас нет времени на затяжную политическую оттепель, – напомнила Навани и взмахом руки попросила, чтобы он поделился орехами. – Может, у Тешав найдется в городе родня, на которую можно положиться.

– Можно попробовать. Или... У меня созревает идея.

– Она предполагает драку?

Далинар кивнул. Навани вздохнула.

– Они ждут спектакля, – продолжил князь. – Хотят увидеть, как поступит Черный Шип. Королева Фэн... в видениях она была такой же. Не открылась, пока я не показал свое истинное лицо.

– Твое истинное лицо не обязано быть лицом убийцы.

– Постараюсь никого не убивать, – пообещал он. – Мне просто надо преподать им урок. Наглядный.

«Урок. Наглядный».

Слова застряли у Далинара в голове, и он неожиданно для самого себя принялся копаться в воспоминаниях, пробираясь к чему-то расплывчатому, неопределенному. Чему-то... связанному с Разломом и... с Садеасом?

Воспоминание ускользнуло. Потянувшись, он дернулся, словно от удара.

В той стороне... в той стороне ждала боль.

– Далинар? – позвала Навани. – Полагаю, есть вероятность, что ты прав. Возможно, то, что люди видят тебя вежливым и спокойным, на самом деле плохо для нашей миссии.

– Значит, надо больше хмуриться?

Она вздохнула:

– Да, хмурься больше.

Он ухмыльнулся.

– Или ухмыляйся, – прибавила Навани. – В твоём исполнении это бывает более тревожно.

Двор Таленелата представлял собой большую, вымощенную камнем площадь, посвященную Каменной Жиле, Вестнику солдат. К храму вела лестница, но у них не было шанса заглянуть внутрь: главный вход обрушился. Большая прямоугольная каменная плита, которая раньше венчала проход, теперь рухнула и застряла в проеме.

Снаружи стены покрывали красивые барельефы с изображениями Вестника Таленелата, который в одиночку противостоял волне Приносящих пустоту. К несчастью, они покрылись сотнями трещин. Большое темное пятно в верхней части стены указывало, куда попала странная молния, ударившая в здание во время Бури бурь.

Ни одному из других храмов не досталось так сильно. Как будто у Вражды была личная ненависть к этому конкретному Вестнику.

«Таленелат, – подумал Далинар. – Тот, кого бросили. Тот, кого я потерял...»

– Я должна заняться кое-какими делами, – сообщила Фэн. – Поскольку закупка продовольствия для города так серьезно нарушена, могу предложить лишь кое-что из запасов. Орехи и фрукты, кое-какая соленая рыба. Мы накрыли для вас стол, наслаждайтесь. Вернусь позже, и мы сможем все обсудить. Пока что вашими нуждами займутся мои прислужники.

– Благодарю, – ответил Далинар. Оба знали, что она специально заставит его ждать. Это не продлится долго – может, полчаса. Недостаточно для оскорбления, но в самый раз для напоминания о том, что, каким бы могущественным он ни был, главная здесь королева.

Пусть Далинар и хотел провести какое-то время с ее людьми, он испытал раздражение от этой игры. Фэн и консорт удалились, оставив большую часть свиты трапезничать в свое удовольствие.

Вместо этого Далинар решил затеять драку.

Сын Фэн сгодится. В самом деле, среди всех он выглядел наиболее критично настроенным. «Не хочу быть агрессором, – подумал Далинар, выбирая место поближе к молодому человеку. – И надо притвориться, что я не догадался, кто он такой».

– Храмы были хороши, – сказала Навани, присоединяясь к нему. – Но они тебе не понравились, верно? Ты хотел увидеть что-то более связанное с военным делом.

Отличное начало.

– Ты права, – согласился он. – Эй, вы, капитан. Я сюда явился не для пустых развлечений. Покажите мне городскую стену. Вот что на самом деле интересно.

– Вы шутите?! – воскликнул сын королевы Фэн на алетийском с тайленским акцентом, без пауз между словами.

– Ничуть. А что такое? Ваши войска в столь плохом состоянии, что вам стыдно мне их показывать?

– Не позволю вражескому генералу проверять нашу оборону.

– Я тебе не враг, сынок.

– Я тебе не сын, тиран.

Далинар напустил на себя демонстративно смиренный вид.

– Вы наблюдали за мной все это время, солдат, и произносили слова, которые я предпочел не услышать. Но вы близки к той границе моего терпения.

Молодой человек замер, выказав некую степень сдержанности. Он взвесил то, во что ввязался, и решил – риск стоит награды. Унизить Черного Шипа здесь и сейчас – и, возможно, спасти город. По крайней мере, так он это видел.

– Я сожалею лишь о том, – отрывисто бросил юноша, – что мой голос не был достаточно громким, чтобы ты услышал оскорбления, деспот.

Далинар громко вздохнул, после чего начал расстегивать свою форменную куртку и остался в облегающей сорочке.

– Никаких осколков, – предупредил молодой человек. – Мечи.

– Как пожелаешь.

У сына королевы Фэн не было осколков, хотя он мог бы одолжить их, если бы Далинар настаивал. Но все равно мечи были для Далинара предпочтительней.

Юноша скрыл нервозность, потребовав, чтобы один из прислужников камнем нарисовал на земле круг. Охранники Риала и Далинара приблизились, позади них взволнованно трепетали спрены предвкушения. Далинар махнул, веля им удалиться.

– Не причини ему вреда, – прошептала Навани. Поколебавшись, прибавила: – Но и не проиграй.

– Не причиню. – Далинар вручил ей куртку. – Но не могу обещать, что не проиграю.

Навани не понимала – ну разумеется, как она могла понять! Нельзя просто избить парня. Это бы лишь убедило остальных в том, что князь Холин способен прибегнуть к угрозам, чтобы добиться своего.

Он вошел в ринг и измерил его, чтобы запомнить, сколько шагов можно сделать, прежде чем его вытолкнут наружу.

– Я предложил мечи, – проговорил юноша с оружием в руке. – Где ваш меч?

– Будем чередовать преимущество, три минуты, – ответил Далинар. – До первой крови. Можете начинать.

Молодой человек застыл. Чередование преимущества. У него было три минуты с оружием против невооруженного Далинара. Если князь продержится, не позволив себя задеть или вытолкнуть с ринга, они с противником поменяются ролями. Далинар с мечом, юноша – без оружия.

Этот нелепый дисбаланс обычно применяли во время учебных боев, чтобы бойцы набирались опыта для ситуаций, когда они могут оказаться безоружными перед лицом вооруженного врага. И в таких боях никогда не использовалось настоящее оружие.

– Я... – проговорил юноша. – Я возьму нож.

– Нет нужды. Меч вполне годится.

Юноша изумленно уставился на Далинара. Песни и предания повествовали о героях, которые без оружия сражались со множеством вооруженных противников, но на самом деле битва с вооруженным врагом пустыми руками невероятно трудна.

Сын королевы Фэн пожал плечами.

– Как бы мне ни хотелось прослыть человеком, который побил Черного Шипа в честном бою, – сказал он, – соглашусь на несправедливые условия. Но пусть твои люди дадут клятву, что, если дело обернется не в твою пользу, меня не назовут убийцей. Ты сам выдвинул эти условия.

– Да будет так, – подтвердил Далинар и посмотрела на Риала и остальных, которые отдали честь и произнесли нужные слова.

Тайленская письмоводительница встала рядом с рингом, чтобы засвидетельствовать бой. Как только она закончила обратный отсчет, юноша немедленно ринулся на Далинара, замахиваясь с грозным видом. Замечательно. Согласившись на такой поединок, не стоит медлить.

Далинар увернулся, потом принял бойцовскую стойку, хотя и не собирался подбираться ближе, чтобы попробовать захват. Пока письмоводительница отсчитывала время, Далинар продолжал увертываться от атак, зависая вдоль границы ринга и стараясь ее не переступить.

Сын Фэн, несмотря на свою агрессивность, был от природы наделен осмотрительностью. Вероятно, юноша мог вытолкнуть Далинара с ринга, но вместо этого предпочел снова и снова испытывать противника. Он опять атаковал, и Далинар с трудом ускользнул от мелькнувшего меча.

Юноша даже расстроился. Возможно, будь небо затянуто тучами, он бы увидел, что Далинар слабо светится.

Когда обратный отсчет приближался к концу, он стал менее осмотрительным. Тайленец знал, что надвигается. Три минуты в одиночку на ринге, без оружия, против Черного Шипа. Его атаки сделались более решительными, а потом и вовсе отчаянными.

«Ладно, – подумал Далинар. – Момент настал...»

Обратный отсчет достиг десяти. Молодой человек ринулся на него, вложив в последнюю атаку все силы.

Далинар выпрямился, расслабился и раскинул руки в стороны, чтобы зрители увидели: он намеренно не уклоняется. Потом он сделал шаг навстречу противнику.

Меч вошел ему прямо в грудь, слева от сердца. От удара и боли Далинар охнул, но сумел принять меч так, что тот не задел позвоночник.

Одно легкое наполнилось кровью, и бурсвет хлынул его исцелять. Юноша глядел потрясенно, как будто – несмотря ни на что – не собирался и не ожидал, что нанесет такой решающий удар.

Боль стихла. Далинар закашлялся, сплюнул кровь и, схватив юношу за запястье, воткнул меч глубже в собственную грудную клетку.

Молодой человек выпустил рукоять и попятился, вытаращив глаза.

– Это был хороший выпад, – сказал Далинар бесцветным, сбивчивым голосом. – Я видел, как ты забеспокоился в конце; у кого-то другого это могло бы сказаться на технике.

Сын королевы упал на колени, не отрывая глаз от Далинара, который шагнул ближе и навис над ним. Кровь сочилась вокруг раны, пятная сорочку, пока бурсвет не исцелил наружные порезы. Далинар втянул столько, что светился даже днем.

Во дворце стало тихо. Письмоводительницы потрясенно зажимали руками рот. Солдаты схватились за мечи, и спрены потрясения – желтые треугольники – разбивались вокруг них.

Далинар встретился взглядом с Навани, которая стояла скрестив руки. Она ответила лукавой улыбкой.

Он взял меч за рукоять и вытащил из груди. Бурсвет хлынул в рану.

Стоило отдать должное юноше: он встал и пробормотал, заикаясь:

– Черный Шип, твоя очередь. Я готов.

– Нет, ты пустил мне кровь.

– Ты это позволил.

Далинар снял сорочку и бросил юноше:

– Отдай твою рубашку, и мы квиты.

Юноша поймал окровавленную сорочку и растерянно уставился на Далинара.

– Сынок, не нужна мне твоя жизнь, – объяснил тот. – Ни город твой, ни королевство мне не нужны. Если бы я хотел завоевать Тайлену, вы бы увидели улыбку и услышали обещания мира. Уж это вы должны понимать, судя по моей репутации.

Он повернулся к наблюдающим офицерам, светлоглазым и письмоводительницам. Далинар добился своей цели. Они глядели на него с трепетом и испугом. Эти люди были в его руках.

И тут Далинар с изумлением осознал внезапное резкое недовольство. По какой-то причине эти испуганные лица ударили его сильнее, чем меч.

Рассерженный и пристыженный – сам не понимая отчего, – он повернулся и пошел прочь, вверх по ступенькам, ведущим со двора к храму на возвышенности. Когда Навани двинулась следом, чтобы поговорить с ним, князь взмахом руки велел ей оставаться на месте.

Один. Он должен немного побыть один. Далинар поднялся к храму, потом повернулся и сел на ступеньку, прислонившись к каменной плите, которая загородила дверной проем. Буреотец рокотал где-то на задворках его разума. А за этим рокотом пряталось...

Разочарование. Чего он только что добился? Сказал, что не желает завоевывать этот народ, но какую историю поведали его поступки? «Я сильнее вас, – кричали они. – Мне нет нужды с вами сражаться. Я могу вас сокрушить, не утруждаясь».

Неужели это должны были чувствовать люди, в чей город явились Сияющие?

Внутренности Далинара скрутил спазм тошноты. За свою жизнь он десятки раз выполнял такие трюки – завербовал Телеба, когда был юнцом, заставил Элокара поверить, что не пытается его убить, и совсем недавно вынудил Кадаша сразиться в тренировочном зале.

Внизу вокруг сына Фэн собрались люди и оживленно галдели. Юноша потирал грудь, как будто это его проткнули насквозь.

На задворках разума Далинар услышал все тот же настойчивый голос. Голос, который звучал с самого первого видения.

Объедини их.

– Я пытаюсь, – прошептал Далинар.

Почему у него не получается убеждать людей мирным путем? Почему его не слушают, пока он не избьет кого-то до крови или, наоборот, не шокирует их собственными ранами?

Князь вздохнул, откинулся и опустил затылок на камни разрушенного храма.

Объедини нас. Пожалуйста.

Это был... другой голос. Сотня перекрывающихся голосов молила об одном и том же, и звучали они так тихо, что он едва мог их расслышать. Далинар закрыл глаза, пытаясь уловить их источник.

Камни? Да, он ощутил, что осколки камней... испытывают боль. Далинар вздрогнул. Он слышал спрена самого храма! Эти стены существовали как единое целое на протяжении веков. Теперь кускам – потрескавшимся, разрушенным – было больно. Они все еще видели себя красивым набором барельефов, а не изуродованным фасадом, вокруг которого разбросаны разбитые камни. Они жаждали снова сделаться единой неиспорченной сущностью.

Спрен храма плакал сотней голосов – так на поле боя солдаты оплакивают свои искалеченные тела.

Буря... Неужели все, что приходит мне на ум, должно быть связано с разрушением? Со смертью, израненными телами, дымом в воздухе и кровью на камнях?

Тепло внутри его говорило, что это не так.

Он встал и повернулся, полный бурсвета, схватил упавшую плиту, перегородившую проем. Напрягся, поднимая ее до тех пор, пока не смог на корточках проскользнуть вниз и подставить плечи.

Далинар вдохнул и направил всю силу вверх. Камни заскрежетали, когда он поднял плиту, открывая проем. Едва она оказалась достаточно высоко, князь разместил руки прямо над головой. С последним толчком, вскрикнув, подбросил плиту вверх изо всех сил. Буресвет явился внутри, кости выворачивались из суставов – и тут же исцелялись, – пока он медленно возвращал камень на положенное место над входом.

Он чувствовал, как храм умоляет не останавливаться. Спрен отчаянно желал снова стать целым. Далинар втянул больше буресвета – столько, сколько мог удержать, – осушив все самосветы, какие были при нем.

По лицу князя струился пот, пока он поднимал плиту достаточно высоко, чтобы она заняла свое место и рисунок казался правильным. Сила хлынула сквозь его руки и рассеялась в камне.

Резные орнаменты начали соединяться.

Каменная перемишка в его руках приподнялась и встала на место. Свет заполнил трещины, и они затянулись, а вокруг головы мужчины вспыхнули спрены славы.

Когда свечение померкло, передняя стена величественного храма – включая дверной проем и потрескавшиеся барельефы – оказалась восстановленной. Далинар стоял перед ней без рубашки, покрытый потом, и чувствовал себя на двадцать лет моложе.

Хотя нет – человек, которым он был двадцать лет назад, такое бы не осилил.

«Узокователь».

Кто-то коснулся его руки; нежные пальцы Навани.

– Далинар... что ты сделал?

– Я прислушался.

Сила годилась не только для разрушения. «Мы не обращали на это внимания. Мы не замечали ответы прямо перед собственным носом».

Князь Холин бросил взгляд через плечо на толпу, которая взбиралась по лестнице, скапливаясь вокруг него.

– Ты, – обратился он к письмоводительнице. – Ты писала в Уритиру и просила прислать лекарей Таравангиана?

– Д-да, светлорд.

– Напиши снова. Пусть пришлют моего сына Ренарина.

Королева Фэн нашла его во внутреннем дворе храма Баттах – того, где находилась большая разбитая статуя. Ее сын – теперь он носил окровавленную рубашку Далинара, повязав вокруг талии, словно кушак, – возглавлял отряд людей с веревками. Они только что соединили сломанные бедра изваяния; Далинар, осушив взятые у кого-то сферы, соединял расколотые камни.

– Кажется, я нашел левую руку! – крикнул кто-то снизу, куда рухнула основная часть скульптуры, провалившись сквозь крышу особняка.

Далинаровский отряд солдат и светлоглазых с радостными воплями ринулся вниз по ступенькам.

– Не думала, что застану Черного Шипа без рубашки, – заявила королева Фэн, – и... играющим в творца!

– Я могу исправлять только неодушевленные вещи, – объяснил Далинар, вытирая руки о тряпку, привязанную к поясу. Он был измучен. Ему никогда раньше не доводилось использовать такое количество буресвета, и это оказалось довольно изматывающе. – Мой сын занят более важным делом.

Из храма наверху вышла маленькая семья. Судя по неуверенным шагам отца, которого поддерживали сыновья, во время недавней бури он сломал ногу или обе. Дородный мужчина

жестом попросил юношей отойти, сделал несколько робких шажков, а потом, широко распахнув глаза, подпрыгнул.

Далинар знал это ощущение: длящийся эффект буресвета.

– Я должен был сообразить раньше – мне следовало послать за младшим сыном в тот же момент, когда я увидел тех раненых. Я дурак. – Далинар покачал головой. – Ренарин обладает способностью исцелять. Он в этом деле новичок, как и я в своем, и лучше всего у сына получается исцелять тех, кто был ранен недавно. Интересно, похоже ли это на то, что делаю я? Когда душа привыкает к ране, ее куда сложнее залечить.

Единственный спрен благоговения появился рядом с Фэн, когда семья приблизилась, поклонилась и что-то сказала на тайленском. Отец при этом улыбался как дурачок. На миг Далинару показалось, что он вот-вот поймет их речи. Словно какая-то его часть тянулась к этому человеку, желая создать узы. Любопытное ощущение, пусть Далинар и не знал, как его истолковать.

Когда они ушли, он повернулся к королеве.

– Не знаю, сколько продержится Ренарин и как много ран достаточно свежи, чтобы он смог их исцелить. Но мы могли бы этим заниматься и дальше.

Внизу раздавались возгласы: каменную руку доставали из особняка через окно.

– Я заметила, ты околдовал и Кдралка.

– Он славный малый.

– Сын был решительно настроен на то, чтобы как-то вызвать тебя на дуэль. Я слышала, ты дал ему такую возможность. Пройдешься по всему городу, очаровывая всех по очереди, верно?

– Надеюсь, нет. Подобное мероприятие заняло бы много времени.

Молодой человек сбежал по лестнице, ведущей из храма, держа в руках ребенка с волосами, падающими на лицо. Дитя, невзирая на рваную и испачканную в пыли одежду, широко улыбалось. Юноша поклонился королеве и поблагодарил Далинара на ломаном алетийском. Ренарин всем сообщал, что исцеления – его заслуга.

Фэн с непроницаемым выражением лица проследила за тем, как они уходили.

– Фэн, мне нужна твоя помощь, – прошептал Далинар.

– Мне трудно поверить, что тебе что-то нужно, учитывая сегодняшние достижения.

– Осколочники не могут выстоять сами.

Она уставилась на него, хмурясь.

– Прости. Военная максима. Я... ох, ладно. Фэн, у меня есть Сияющие, да, – но какими бы могущественными они ни были, им не выиграть эту войну. Более того, я чувствую, что что-то упускаю, но не могу понять что. Вот почему мне нужна ты. Я мыслю как алети, и большинство моих советников тоже. Мы обсуждаем войну, конфликт, но не замечаем важные факты. Когда я только узнал о силе Ренарина, мне пришло в голову только, что можно исцелять людей на поле боя и продолжать сражение. Ты мне нужна; и азиры тоже нужны. Мне необходима коалиция правителей, которые видят то, чего я не вижу, потому что мы столкнулись с противником, чей образ мыслей не похож на привычный. – Он склонил голову перед нею. – Прошу тебя, Фэн. Присоединяйся ко мне.

– Я уже открыла врата и веду переговоры с советниками по поводу оказания помощи в твоей войне. Разве ты не этого хотел?

– Вовсе нет. Мне нужно, чтобы ты по-настоящему присоединилась ко мне.

– В каком смысле?

– В таком, что «моя» война должна стать «нашей».

– Ты настойчив. – Она перевела дух и продолжила, не давая ему возразить: – Полагаю, это именно то, что нам нужно прямо сейчас. Ладно, Черный Шип. Ты, я, Таравангиан. Первая по-настоящему объединенная воринская коалиция, какую видел мир со времен Иерократии. К несчастью, двое из нас возглавляют разрушенные королевства.

– Трое, – со вздохом уточнил князь. – Холинар осажден врагом. Я послал помощь, но пока что Алеткар – оккупированное королевство.

– Чудно. Что ж, полагаю, я сумею убедить городские фракции впустить твои войска, чтобы они нам помогли. Если с этим все пройдет хорошо, напишу Верховному Азира. Может, будет какой-нибудь толк.

– Уверен, что будет. Теперь, когда ты согласилась присоединиться, нашей важнейшей целью стали азирские Клятвенные врата.

– Ну, с этим все будет непросто, – заметила Фэн. – Азирцы отнюдь не в таком отчаянном положении, как я, – и они не воринцы. Местные, включая меня, покоряются хорошему толчку от решительного монарха. Сила и пыл – воринский путь. Но подобная тактика лишь заставит азирцев окопаться и дать еще более сильный отпор.

Он потер подбородок:

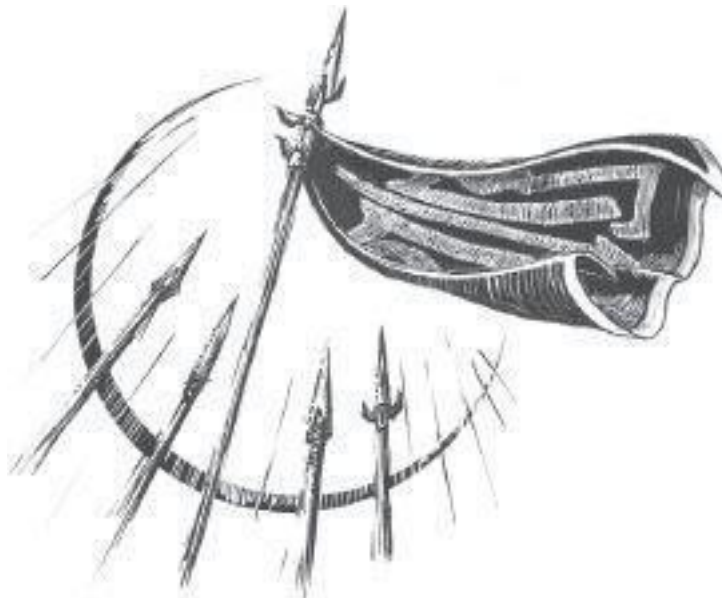
– Совет есть?

– Не думаю, что это тебе понравится.

– А ты попробуй, – предложил Далинар. – Я начинаю осознавать, что мой обычный способ ведения дел имеет серьезные ограничения.

60. Ветра и клятвы

*Я беспокоюсь о собратьях-правдоглядах.
Из ящика 8–21, второй изумруд*



Буря не принадлежала Каладину.

Ему принадлежали небеса и в определенной степени ветра. Великие бури – нечто иное, вроде страны, в которой он был гостем, посланником. Уважение сохранялось, но настоящей властью он не обладал.

Сражаясь с Убийцей в Белом, Каладин путешествовал вместе с Великой бурей, мчась на переднем крае буревой стены, словно лист на гребне волны. Этот метод – с Великой бурей, ярящейся в полную силу у него под ногами, – казался чересчур рискованным, чтобы брать с собой кого-то еще. К счастью, во время путешествия в Тайлену они с Шаллан опробовали другие методы. Оказалось, он мог черпать силу из бури, если оставался в пределах сотни футов над буревыми тучами.

И теперь он летел там, с двумя мостовиками и избранным отрядом Элокара. Над ними ярко светило солнце, а внизу во всех направлениях простиралась грозная буря. Клубящиеся черно-серые тучи, озаренные вспышками молний. Грохочущие, словно рассерженные тем, что группа дерзких людишек едет «верхом». Они сильно отстали от буревой стены и теперь не видели ее. Направляясь к Холинару, отряд должен был двигаться скорее на север, чем на запад, пересекая Ничейные холмы в сторону Северного Алеткара.

В узорах клубящейся бури было нечто завораживающее, и Каладину пришлось сосредоточить внимание на своих подопечных. Их было шестеро, то есть всего в экспедицию отправилось девять человек, считая его самого, Скара и Дрехи.

Король Элокар летел впереди. Прихватить с собой осколочную броню не получилось: сплетения не действовали на доспехи. Король был в плотной одежде и странного вида стеклянной маске, которая служила преградой ветру. Наряд и маску предложила Шаллан; оказывается, такими штуками пользовались моряки. Следующим был Адолин. Затем двое солдат Шаллан – неряшливые дезертиры, которых она подобрала, словно раненых щенков, – и горничная. Каладин не понимал, зачем взяли этих троих, но король настоял.

Все, кроме Шаллан, были одеты так же, как и король, отчего девушка выглядела еще более странно. Она летела всего лишь в своей синей хаве – подколотой, чтобы не слишком сильно развевалась, – и белых рейтузах. Буресвет струился от кожи девушки, согревая и поддерживая ее.

Ее волосы развевались неистойой темно-рыжей волной. Она летела, вытянув руки вперед, закрыв глаза, с улыбкой на лице. Каладину приходилось все время регулировать ее скорость, чтобы Шаллан держалась вместе с остальными, – девушка не могла устоять перед тем, чтобы не ощутить ветер меж пальцами свободной руки и не помахать пролетающим мимо спренам.

«Как же она может вот так улыбаться?» – спросил себя Каладин. Во время совместного путешествия по ущельям он узнал ее тайны. Раны, которые она скрывала. И все же... она могла каким-то образом попросту их игнорировать. У Каладина это не получалось. Даже когда он не пребывал в излишне мрачном настроении, его обременяли обязанности или нужды людей, о которых он должен был заботиться.

Ее беспечная радость пробуждала в нем желание показать, каково это – летать по-настоящему. Она не могла пользоваться сплетениями, но сумела бы собственным телом придавать форму ветру и танцевать в воздухе...

Каладин вынудил себя вернуться к происходящему, изгнав глупые мечты. Он прижал руки к телу, уменьшая поверхность, на которую воздействовал ветер. Это позволило перелететь к началу вереницы людей, чтобы по очереди обновить их буресвет. Он не пользовался буресветом для маневрирования – хватало и ветра.

Скар и Дрехи летели самостоятельно футах в двадцати внизу, наблюдая на случай, если кто-то по какой-нибудь причине упадет. Обновив плетения, Каладин вернулся в строй между Шаллан и Элокаром. Король смотрел вперед сквозь маску, как будто не замечая поразительную бурю внизу. Девушка легла на спину и с блаженным видом уставилась в небо; подол ее подколотой юбки трепетал на ветру.

С Адолином совсем другая история. Он посмотрел на Каладина, потом закрыл глаза и стиснул зубы. По крайней мере, перестал молотить в воздухе руками и ногами каждый раз, когда менялся ветер.

Они не говорили – все равно в шуме ветра звук их голосов должен был затеряться. Чутье подсказывало Каладину, что он, вероятно, может смягчить силу ветра в полете – такой опыт уже был, – но некоторые способности нельзя воспроизводить намеренно.

В конце концов от бури внизу вспорхнула светящаяся линия. Вскоре она превратилась в ленту из света и подлетела к Каладину.

– Только что миновали реку Ветробегунью, – доложила Сил.

Он воспринимал ее слова не как последовательность звуков, но как ментальные отпечатки.

– Значит, Холинар уже близко.

– Ей определенно нравится небо, – заметила Сил, взглянув на Шаллан. – Прирожденная летунья. Она почти похожа на спрена, и от меня это высокая похвала.

Он вздохнул и отказался смотреть на Шаллан.

– Да ладно тебе... – Сил метнулась на другую сторону от него. – Ты должен быть с людьми ради собственного счастья. Я знаю, что это так.

– У меня есть мои мостовики, – пробормотал он. Слова унес ветер, но Каладин знал, что Сил услышит, как он слышал ее.

– Сам знаешь, это не одно и то же.

– Она взяла горничную в разведывательную миссию. Не способна неделю прожить без того, чтобы кто-то не укладывал ей волосы. Думаешь, такое может меня заинтересовать?

– Думаю? – уточнила Сил. Она приняла облик миниатюрной девушки в девчоночьем платье, которая летела впереди него. – Я знаю! Даже не рассчитывай, что твои вороватые взгляды ускользнули от моего внимания. – Она ухмыльнулась.

– Пора остановиться, чтобы не проскочить мимо Холинара, – сменил тему Каладин. – Ступай предупреди Скара и Дрехи.

Каладин занялся своими подопечными по очереди, заменяя плетение вперед половинным плетением вверх. У плетений был странный эффект, который сводил на нет попытки Сигзила описать их с помощью научной терминологии. Все его подсчеты говорили, что человек, будучи сплетенным, находился под влиянием как земли, так и плетения.

Но на самом деле все было иначе. Стоило применить к кому-нибудь основное плетение, и его тело совершенно забывало о притяжении земли – он летел в том направлении, какое указал заклинатель потоков. Неполные плетения основаны на том, что часть человеческого веса забывала о земле, хотя остальное по-прежнему тянулось вниз. Потому половинное плетение, обратенное кверху, заставляло человека висеть между небом и землей.

Каладин расположил группы так, чтобы можно было переговорить с королем, Адолином и Шаллан. Его мостовики и прислужники Шаллан зависли на некотором расстоянии. Даже новые объяснения Сигзила не помогали понять, что именно сделал Каладин. Он каким-то образом создал... канал вокруг группы, словно в реке. Течение, которое увлекало их за собой, позволяя держаться рядом.

– Это действительно красиво! – воскликнула Шаллан, обозревая бурю, которая покрывала все, кроме верхушек каких-то очень далеких гор слева от них. Наверное, это были горы Солнцетворца. – Как смешивание красок – если бы темная краска могла каким-то образом порождать новые цвета и свет внутри своих завихрений.

– Главное, чтобы я смотрел на нее издали, – проворчал Адолин. Он держал Каладина за руку, чтобы не отлететь в сторону.

– Мы близко к Холинару, – сообщил Каладин. – И это хорошо, поскольку приближаемся к хвосту бури и вскоре я потеряю доступ к ее бурсвету.

– А вот я, – проговорила Шаллан, глядя вниз, – потеряю ботинки.

– Ботинки? – переспросил Адолин. – Я там потерял свой обед.

– Представляю себе, как что-то соскальзывает и падает туда, – прошептала Шаллан. – Исчезает. Навсегда. – Она посмотрела на Каладина. – Никаких остроумных шуток по поводу отсутствующих ботинок?

– Ничего смешного в голову не пришло. – Он помедлил. – Впрочем, тебя это никогда не останавливало.

Шаллан ухмыльнулась:

– Мостовик, а ты когда-нибудь думал о том, что плохое искусство приносит миру больше пользы, чем хорошее? Начинающие художники тратят огромное количество времени на плохие учебные работы. И даже когда художник становится мастером, некоторые картины у него попросту не получаются. А другие кажутся неправильными, пока не нанесен последний штрих. Плохое искусство всегда дает много опыта, ибо твои ошибки важнее успехов. Кроме того, удачные работы обычно пробуждают в людях одинаковые чувства – в большинстве своем хорошие произведения одинаково хороши. Но каждое плохое творение плохо оригинальным, неповторимым образом. Потому я рада, что у нас есть плохое искусство, и уверена, что Всемогущий с этим согласен.

– Шаллан, все это, чтобы оправдать твоё чувство юмора? – произнес удивленный Адолин.

– Мое чувство юмора? Нет, я просто пытаюсь оправдать творение капитана Каладина.

Не обращая на нее внимания, Каладин глядел на восток, прищурив глаза. Тучи позади них светлели от непроницаемой мрачной черноты и серости до более мягких оттенков, цвета утренней каши, которую готовил Камень. Буря приближалась к завершению; стихия, которая

прибыла с помпой, оканчивалась продолжительным вздохом, шквалы уступали место спокойному дождю.

– Дрехи, Скар, – позвал Каладин. – Удерживайте всех в воздухе. Я собираюсь вниз, на разведку.

Двое отсалютовали ему, и Кэл упал сквозь тучи, которые изнутри выглядели как грязный туман. Каладин вылетел из них, покрытый инеем, и струи ослабевающего дождя начали хлестать его. Наверху тихонько рокотал гром.

Сквозь тучи просачивалось достаточно света, чтобы он смог обозреть ландшафт. Действительно, город был близко и выглядел величественно, но он вынудил себя поискать врагов, прежде чем восхищаться пейзажем. Отметил широкую равнину перед городом – поле боя, очищенное от деревьев и больших валунов, которые могли бы послужить прикрытием вторгшейся армии. Оно оказалось пустым, что не было неожиданностью.

Вопрос заключался в том, кому принадлежала власть в городе – Приносящим пустоту или людям? Он осторожно снизился. Вокруг сияла россыпь бурсветных огней от клеток, которые оставили снаружи, чтобы буря зарядила самосветы. И... да, над сторожевыми постами взвились алетийские флаги. Это означало, что самая тяжелая часть бури миновала.

Каладин вздохнул с облегчением. Холинар не пал, хотя – если донесения верны – враги захватили все окрестные города. Он присмотрелся и заметил, что противник возводит буревые убежища на поле боя: бункеры, из которых они могли предотвратить пополнение запасов в Холинаре. Пока что они представляли собой просто фундаменты из кирпича и раствора. В периоды между бурями их, скорее всего, охраняли – и строили – большие отряды вражеских сил.

Каладин наконец-то позволил себе поглазеть на Холинар. Он знал, что сделает это, – чувство было неизбежным, как начинающийся зевок: его нельзя надолго сдержать. Сперва оцени местность на предмет опасности, разберись, что где.

Потом можно и вытаращить глаза.

Буря свидетельница, город был прекрасен.

Однажды Каладин уже пролетал над ним в полусне, когда увидел Буреотца. Это не произвело на него такого впечатления, как сейчас, когда он парил над огромной столицей. Кэл видел настоящие города – военные лагеря в совокупности, похоже, превосходили Холинар размером, – так что изумил его не масштаб, но разнообразие. Он привык к практичным бункерам, а не к каменным зданиям самых разных форм с непохожими крышами.

Отличительной чертой Холинара, конечно же, были ветролезвия: любопытные скальные образования, которые поднимались из камня, будто плавники какого-то гигантского существа, большей частью скрытого под поверхностью. Изогнутые скалы покрывали пласты красного, белого и оранжевого цвета, темные и блестящие от дождя. Он лишь теперь понял, что городские стены отчасти построены на вершинах наружных ветролезвий. Ну да – нижние участки стен буквально выросли из земли, и люди выстроили на них укрепления, выровняв вершины и заполнив пространства между изгибами.

В северной части города возвышался дворцовый комплекс, высокий и горделивый, словно вопреки бурям. Дворец был сам по себе как маленький город, с яркими колоннами, ротондами и башенками.

И что-то с ним было очень, очень не в порядке.

Над дворцом нависла туча – сгусток тьмы, который с первого взгляда казался игрой света и тени. Ощущение неправильности усиливалось вокруг некоей части с восточной стороны дворца. Эту плоскую, приподнятую площадь застроили небольшими зданиями. Дворцовый монастырь.

Платформа Клятвенных врат.

Каладин прищурился, потом снова кинул плетение в небо и прошел сквозь тучи. Наверное, он слишком зазевался – не нужно, чтобы люди начали говорить о светящемся человеке в небе.

И все же... этот город. В сердце Каладина до сих пор жил деревенский мальчик, который мечтал увидеть мир.

– Обратила внимание на тьму вокруг дворца? – спросил Каладин у Сил.

– Ага, – прошептала она. – Что-то очень нехорошее.

Каладин появился из туч и увидел, что его отряд снесло ветром к западу. Он направил себя в их сторону и впервые заметил, что его буресвет больше не обновляется бурей.

Дрежи и Скар заметно расслабились, когда увидели его.

– Кэл... – начал Скар.

– Знаю. У нас осталось мало времени. Ваше величество, город прямо под нами – и наши силы по-прежнему контролируют стены. Паршенди строят буревые бункеры и осаждают район, хотя основная часть их армии, вероятно, отступила в близлежащие города в ожидании бури.

– Город выстоял! – воскликнул Элокар. – Отлично! Капитан, опустите нас.

– Ваше величество, если мы просто упадем с неба, вражеские разведчики точно увидят, как мы входим.

– Ну и что? – удивился король. – Нужда в уловках возникла из-за опасений, что нам, вероятно, придется проникать в город тайком. Если наши силы все еще его удерживают, мы можем открыто направиться ко дворцу, принять командование и запустить Клятвенные врата.

Каладин поколебался:

– Ваше величество, с дворцом... что-то не так. Он выглядит темным, и Сил это тоже увидела. Я советую проявить осторожность.

– Там внутри мои жена и ребенок, – заявил Элокар. – Им может угрожать опасность.

«Шесть лет войны ты не очень-то о них тревожился», – подумал Каладин.

– Давайте все равно спустимся, – решил король. – Нам надо как можно скорее добраться до Клятвенных врат... – Он умолк, перевел взгляд с Каладина на Шаллан, а потом на Адолина. – Или нет?

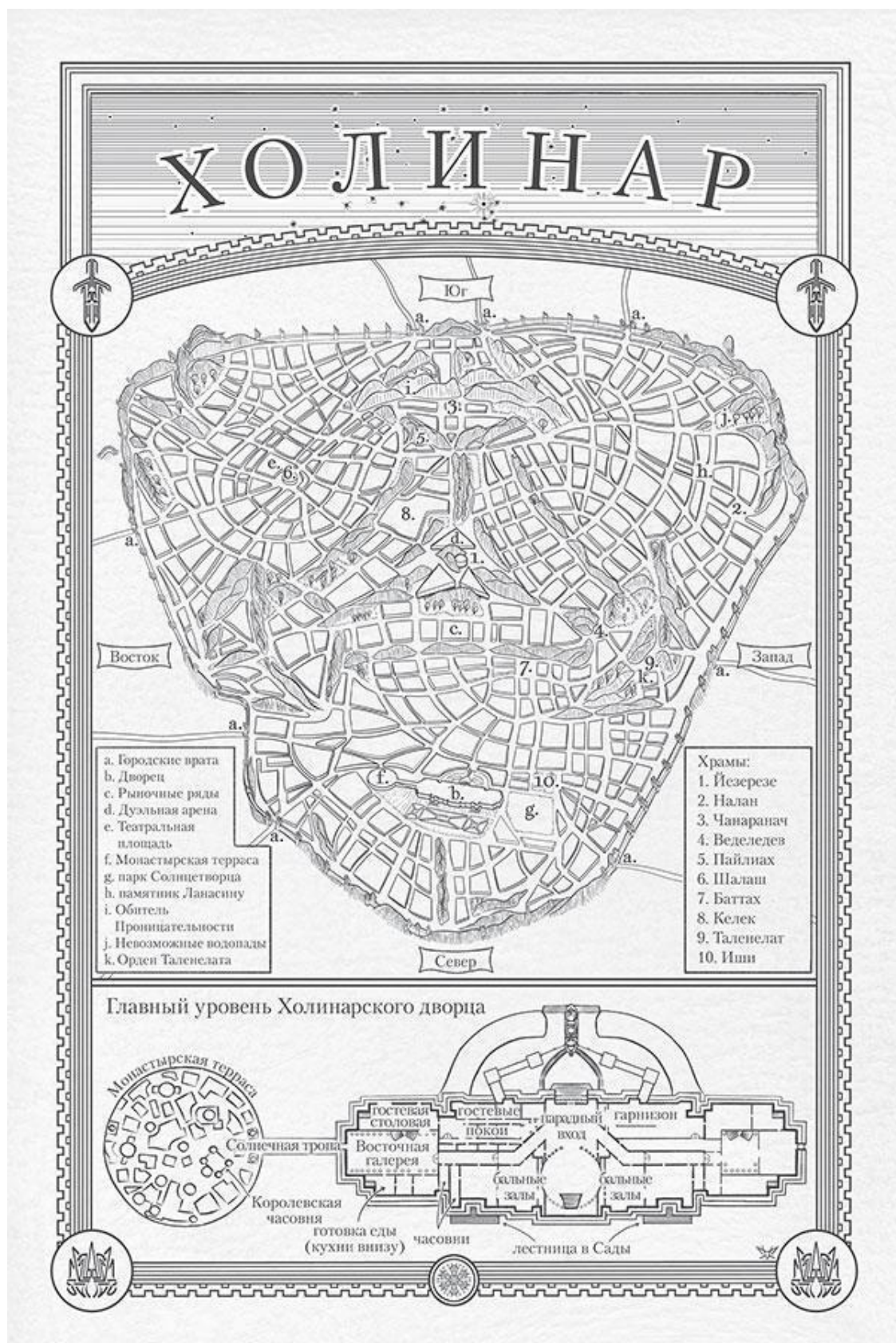
– Советую проявить осторожность, – повторил Каладин.

– Ваше величество, мостовик не из тех, кто беспокоится по пустякам, – напомнил Адолин. – Мы не знаем, что происходит в городе и что там случилось после донесений о хаосе и бунтах. Осторожность, на мой взгляд, не помешает.

– Ладно, – уступил Элокар. – Потому я и взял с собой светоплетельщицу. Светлость, что вы думаете?

– Давайте приземлимся за пределами города, – предложила Шаллан. – Достаточно далеко, чтобы сияние буресвета нас не выдало. Можем использовать иллюзии, чтобы проникнуть внутрь и выяснить, что происходит, не раскрывая себя.

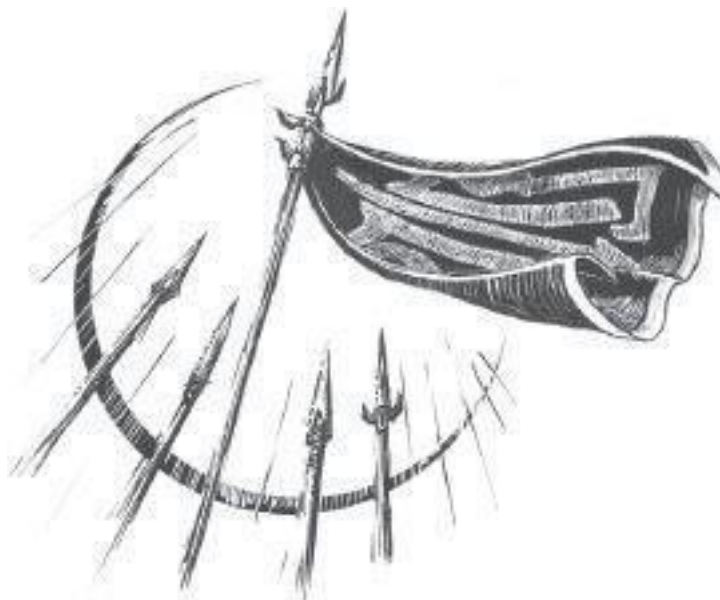
– Хорошо, – согласился Элокар с резким кивком. – Капитан, делаем, как она предлагает.



61. Воплощенный ночной кошмар

Мы можем записать любой секрет, какой захочется, и оставить здесь? А откуда нам знать, что их найдут? А, мне плевать. Вот это и запишите.

Из ящика 2–3, дымчатый кварц



Вражеская армия пропускала беженцев в город.

Сперва это удивило Каладина. Разве смысл осады заключался не в том, чтобы не давать людям пробираться внутрь? Но в Холинар шел неубывающий поток людей. Ворота стояли закрытые, чтобы противостоять вторжению, однако боковые двери – тоже значительного размера – были распахнуты.

Каладин передал подзорную трубу Адолину. Отряд приземлился в неприметном месте, потом отправился в город пешком – но к тому моменту, когда прибыли, уже стемнело. Они решили провести ночь снаружи, скрытые иллюзией Шаллан. Светоплетение удивительным образом продержалось всю ночь, потратив очень мало буресвета.

Теперь, когда наступило утро, они изучали город. До него оставалась примерно миля. Снаружи их убежище выглядело всего лишь выступающим валуном. Шаллан не смогла сделать его прозрачным только с одной стороны, так что им пришлось выглядывать наружу через щель, которая – если бы кто-то прошел мимо – была заметна.

По ощущениям иллюзия напоминала пещеру – только вот ветер и дождь проходили прямо сквозь нее. Король и Шаллан все утро ворчали, жалуясь на сырую и холодную ночь. Каладин и его мостовики спали как убитые. У службы в Четвертом мосте были свои преимущества.

– Они пропускают беженцев, чтобы те истощили городские запасы, – предположил Адолин, наблюдая в подзорную трубу. – Надежная тактика.

– Светлость Шаллан, – обратился Элокар, принимая подзорную трубу у Адолина, – вы ведь способны каждого из нас снабдить иллюзией? Мы можем притвориться беженцами и с легкостью войти в город.

Шаллан рассеянно кивнула. Она сидела в луче света, который проникал сквозь отверстие в «потолке», и рисовала.

Адолин обратил подзорную трубу на дворец, чья вершина высилась над городом вдали. День был безупречно солнечный, яркий и чистый, в воздухе от вчерашней бури остался лишь намек на сырость. В небе – ни облачка.

Но дворец каким-то образом оставался в тени.

– Что это? – спросил Адолин, опуская подзорную трубу.

– Один из них, – прошептала Шаллан. – Несотворенный.

Каладин уставился на нее. Она рисовала дворец, но тот выглядел странно искаженным, с кривыми стенами.

Элокар изучил дворец:

– Ты был прав, рекомендуя осторожность, ветробегун. Мои инстинкты по-прежнему подводят. Это неправильно, не так ли? Я должен быть предусмотрительным и внимательным.

Шаллан дали время, чтобы закончить наброски, – она заявила, что нуждается в них для сложных иллюзий. В конце концов девушка встала и принялась листать страницы в альбоме.

– Ладно. Большинству из нас маскировка не понадобится, поскольку никто не узнает меня или моих прислужников. То же самое, полагаю, касается людей Каладина.

– Если меня кто-то и узнает, – встрял Скар, – проблем от этого не будет. Здесь никто не в курсе, что со мной случилось на Расколотых равнинах.

Дрехи кивнул.

– Хорошо, – согласилась Шаллан, поворачиваясь к Каладину и Адолину. – Вам обоим нужны новые лица и одежда, которая сделает вас похожими на стариков.

– Не нужна мне маскировка, – начал возражать Кэл. – Я...

– Ты несколько недель провел с паршунами, – перебила Шаллан. – Лучше подстраховаться. Кроме того, ты все равно постоянно хмуришься, как старикан. То, что надо.

Каладин бросил на нее сердитый взгляд.

– Отлично! Так и продолжай. – Шаллан шагнула ближе, выдохнула, и его окутал буресвет. Каладину показалось, что он должен его вобрать, использовать – но свет сопротивлялся. Ощущение было странным, как будто он нашел горящий уголек, от которого не исходило тепло.

Буресвет исчез, и когда Каладин поднял руку, та оказалась иссохшей от старости. Его форменную куртку сменила коричневая, домотканая. Он коснулся лица, но не ощутил никаких изменений.

Адолин ткнул в него пальцем:

– Шаллан, это воистину ужасно! Я впечатлен.

– Что? – Каладин посмотрел на своих людей. Дрехи поморщился.

Шаллан окутала Адолина светом. Он превратился в крепкого, красивого мужчину лет шестидесяти, с темно-коричневой кожей, седыми волосами и стройной фигурой. Его одежда больше не была богато изукрашенной, но выглядела достойно. Адолин походил на старого пройдоху, с которым можно повстречаться в пивной и послушать его байки о головокружительных приключениях в молодые годы. Глядя на таких, как он, женщины считали, что предпочитают пожилых мужчин, хотя на самом деле им нужен был этот конкретный.

– О, это несправедливо, – возмутился Каладин.

– Если я переусердствую с ложью, люди могут что-то заподозрить, – беспечно заявила Шаллан и подошла к королю. – Ваше величество, вы будете женщиной.

– Хорошо, – согласился Элокар.

Каладин вздрогнул. Он ждал возражений. Судя по тому, как Шаллан явно проглотила заготовленную острогу, она тоже.

– Понимаете, – проговорила она вместо этого, – я не думаю, что вы сможете перестать вести себя по-королевски, и мне пришло в голову, что, если вы будете выглядеть как высокородная светлоглазая дама, скорее всего, стражники вас не запомнят...

– Я же сказал: хорошо, светоплетельщица, – перебил Элокар. – Не надо терять время. Мой город и мой народ в опасности.

Шаллан снова выдохнула, и король превратился в высокую, статную алетийку, чьи черты лица напоминали Ясну. Каладин одобрительно кивнул. Шаллан права: есть в поведении Элокара нечто, выдающее в нем аристократа. Это был отличный способ обмануть людей, которые могли бы задаться вопросом, кто он такой.

Пока они собирали свои пожитки, в убежище проскользнула Сил. Она приняла облик девушки, подлетела к Каладину – и потрясенно попятилась в воздухе.

– Ох! – воскликнула она. – Ух ты!

Каладин сердито уставился на Шаллан:

– Да что же ты со мной сделала?

– Ой, вот только не надо так, – откликнулась та. – Всего лишь подчеркнула твою прекрасную индивидуальность.

«Не позволяй ей себя достать, – подумал Каладин. – Она этого очень хочет». Кэл взвесил свой мешок. Не имеет значения, как он выглядит; это всего лишь иллюзия.

Но что же она сделала?..

Он первым вышел из их укрытия, и остальные потянулись за ним рядом. Иллюзия валуна растаяла у них за спиной. Мостовики Каладина прихватили синие униформы без нашивок. Они выглядели как охранники какого-нибудь младшего аристократического семейства из княжества Холин. На прислужниках Шаллан была непритязательная коричневая униформа, и с Элокаром в «платье» светлоглазой дамы они и впрямь походили на компанию беженцев. Короля должны были принять за светледи, которая бежала – без кареты или хотя бы паланкина, – опасаясь наступления врага. Она взяла с собой пару охранников, кое-каких слуг и Шаллан, юную подопечную. А Каладин был ее... кем?

Вот буря.

– Сил, – проворчал он, – могу я призвать тебя не в виде меча, но в виде плоского и блестящего куска металла?

– Зеркала? – уточнила она, летя рядом. – Хм...

– Не уверена, что это возможно?

– Не уверена, что это достойно.

– Достойно? С каких это пор тебя заботит достоинство.

– Я тебе не игрушка. Я грандиозное оружие, которое надлежит использовать только в грандиозные моменты. – Она отлетела прочь, что-то напевая себе под нос. Не успел Каладин окликнуть ее, чтобы выразить недовольство, как его догнал Элокар.

– Помедленнее, капитан, – велел король. Даже его голос изменился, стал женским. – Ты нас обгоняешь.

Каладин с неохотой замедлил шаг. По Элокару не было понятно, что он думает о лице Каладина; король смотрел только вперед. Впрочем, он никогда не утруждал себя мыслями о других, так что все было нормально.

– Ее называют Ветробегуньей, знаешь ли, – негромко сказал король. Каладин не сразу понял, что Элокар говорит о реке, протекающей мимо Холинара. Их путь привел к широкому каменному мосту через нее. – Светлоглазые алеты правят из-за вас. Ваш орден был выдающимся здесь, в древней Алетеле.

– Я...

– Наша миссия жизненно важна, – продолжил Элокар. – Мы не можем позволить, чтобы этот город пал. Мы не имеем права на ошибки.

– Заверяю вас, ваше величество, – заявил Каладин. – Я не намерен совершать ошибки.

Элокар посмотрел на него, и на миг Каладину показалось, что он видит настоящего короля. Не из-за того, что иллюзия начала распадаться, но по тому, как напряглись губы Элокара, сморщился лоб, а взгляд сделался пристальным.

– Капитан, я говорил не о тебе, – тихо сказал король. – Я подразумевал собственные ограничения. Когда я подведу этот город, мне нужно, чтобы ты был рядом и защитил его.

Каладин отвернулся, охваченный стыдом. Неужели он и впрямь только что думал о том, какой Элокар себялюбивый человек?

– Ваше величество...

– Нет, – твердо отрезал Элокар. – Пришло время быть реалистами. Король должен делать во благо своих людей все, что он может, а мои суждения оказались... небезупречными. Все, чего я, так сказать, «добился» в жизни, получено мною от отца или дяди. Ты здесь, капитан, чтобы преуспеть, когда я потерплю неудачу. Помни об этом. Открой Клятвенные врата, позаботься о том, чтобы мою жену и ребенка отправили в безопасное место, а потом возвращайся с войском, чтобы укрепить город.

– Ваше величество, сделаю все, что в моих силах.

– Нет. Сделашь то, что я прикажу. Будь исключительным, капитан. Другого недостаточно.

Вот буря. Ну как у Элокара получалось сделать комплимент и оскорбить одновременно? Каладин ощутил, что у слов есть вес, – это напомнило о днях в армии Амарамы, когда люди впервые стали чего-то от него ждать и надеяться на него.

Эти слухи превратились в вызов, сотворив для всех облик человека, который был похож на Каладина, но в то же самое время превосходил его во всем. Кэл использовал этого выдуманного человека, полагаясь на него, чтобы снабдить своих солдат всем необходимым и добиться перевода нужных людей в свой взвод. Без него он бы никогда не встретил Тару. Полезно иметь репутацию, если она не грозит тебя раздавить.

Король вернулся на свое место во главе очереди. Они пересекли поле боя под бдительными взглядами лучников на стенах. У Каладина от этого зачесалась спина, пусть они и были солдатами-алети. Он пытался игнорировать это, сосредоточившись на изучении стены, в тень которой они вошли.

«Эти страты напоминают туннели в Уритиру».

А нет ли между ними какой-то связи?

Он бросил взгляд через плечо на подошедшего Адолина. Замаскированный принц, взглянув на Каладина, поморщился.

– Ух, – проворчал Адолин. – Э-э... м-да. Это сбивает с толку, знаешь ли.

«Шквальная женщина».

– Чего надо?

– Я тут подумал, – начал Адолин. – Нам потребуется место в городе, чтобы затаиться, верно? Мы не можем следовать никакому из разработанных планов и не можем направиться напрямик ко дворцу. Однако и атаковать его нам не стоит. По крайней мере, пока мы не проведем небольшую разведку.

Каладин кивнул. Ему была ненавистна перспектива провести в Холинаре слишком много времени. Никто из мостовиков не добрался до Второго идеала, так что Четвертый мост не сможет упражняться, пока он не вернется. В то же самое время, тени над дворцом лишали спокойствия. И впрямь придется потратить несколько дней на сбор сведений.

– Согласен, – сказал Кэл. – Есть идеи, где мы можем обосноваться?

– Есть на примете подходящее место. Им руководят люди, которым я доверяю, оно достаточно близко ко дворцу, чтобы проводить разведку, но достаточно далеко, чтобы нас не накрыло... то, что там происходит. Я надеюсь. – Адолин выглядел обеспокоенным.

– На что это было похоже? – спросил Каладин. – Существо под башней, с которым сражались вы и Шаллан?

– У Шаллан есть эскизы. Спроси у нее.

– Я их видел в отчетах, которые дали письмоводительницы Далинара. Но как оно ощущалось?

Адолин снова обратил голубые глаза на тропу. Поверить, что это и на самом деле он, было почти невозможно – так правдоподобна вышла иллюзия. Только вот походка оставалась прежней – полной врожденной самоуверенности, какая бывает лишь у светлоглазых.

– Оно ощущалось... неправильно, – наконец пробормотал Адолин. – Зловеще. Как воплощенный кошмар.

– Вроде моего лица? – спросил Каладин.

Адолин посмотрел на него и улыбнулся:

– К счастью, Шаллан оказала тебе услугу и прикрыла его иллюзией.

Каладин невольно улыбнулся. Адолин произносил такие вещи так, что не оставалось сомнений – он шутит не только ради того, чтобы над кем-то посмеяться. Принц заставлял собеседника смеяться вместе с ним.

Они приблизились к воротам. Боковые проходы пусть и уступали размерами главным городским воротам, но при этом были достаточно большими, чтобы спокойно проезжала телега. К несчастью, вход перегородили солдаты, и там собиралась толпа, вокруг которой на земле клубились спрены гнева. Беженцы трясли кулаками и кричали, чтобы их пропустили.

Раньше людям не препятствовали. Что произошло? Каладин посмотрел на Адолина и дернул подбородком:

– Проверим?

– Мы пройдемся, посмотрим, – объявил Адолин, поворачиваясь к остальным. – Ждите здесь.

Скар и Дрехи остановились, но Элокар пошел следом за Каладином и Адолином, как и Шаллан. Ее слуги недолго поколебались и поспешили за ней. Командная структура в этой миссии обещала превратиться в кошмар.

Элокар с властным видом прошел вперед и рявкнул на людей, чтобы те очистили ему дорогу. Они с неохотой подчинились – с женщиной, которая ведет себя так, лучше не ссориться. Каладин и Адолин обменялись усталыми взглядами, после чего оба направились следом за королем.

– Я требую, чтобы меня пропустили, – заявил Элокар, достигнув передней части толпы, которая разрослась до пяти-шести десятков человек и продолжала постоянно увеличиваться.

Маленькая группа солдат взглянула на Элокара, и их капитан спросил:

– Сколько бойцов вы можете предоставить для обороны города?

– Нисколько, – резко ответил Элокар. – Это моя личная охрана.

– Ну тогда, светлость, лично ведите их на юг и попытайте счастья в другом городе.

– В каком? – раздраженно спросил Элокар, при этом многие в толпе ему вторили. – Капитан, там повсюду чудовища!

– Ходят слухи, к югу их меньше, – ответил солдат, тыкая пальцем. – Как бы там ни было, Холинар так полон, что вот-вот лопнет. Вы не найдете здесь убежища. Поверьте мне. Ступайте дальше. Город...

– Кто твой главный? – перебил Элокар.

– Я служу великому маршалу Азуру из Стенной стражи.

– Великий маршал Азур? Впервые слышу! По-твоему, эти люди выглядят так, словно смогут продолжить путь? Я повелеваю тебе пропустить нас в город.

– У меня приказ впускать определенное число людей каждый день, – объяснил стражник со вздохом, и Каладин узнал эту тихую озлобленность; Элокар мог вызвать такое чувство даже у самого терпеливого охранника. – Мы превзошли лимит. Ждите до завтра.

Люди заворчали, среди них появилось больше спренов гнева.

– Дело не в том, что мы черствые, – крикнул капитан стражников. – Да вы хоть слышите меня? В городе мало еды, и у нас заканчивается место в буревых убежищах. Каждый человек, которого мы впустим, вынудит нас еще туже затянуть пояса! Но чудовища сосредоточили силы на Холинаре; если отправитесь на юг, можете найти убежище там, а то и до Йа-Кевода доберетесь!

– Неприемлемо! – отрезал Элокар. – Вы получили такие безумные приказы от этого Азура. Кто стоит над ним?

– У великого маршала нет командующего.

– Что?! А как же королева Эсудан?

Стражник покачал головой:

– Послушайте, эти двое мужчин ваши? – Он указал на Дрехи и Скара, которые все еще стояли с краю толпы. – Они на вид хорошие солдаты. Если передадите их в Стенную стражу, я немедленно вас пропущу – и мы позаботимся, чтобы вам выдали зерновое довольствие.

– А вот этого не надо, – заметил другой стражник, кивком указывая на Каладина. – Он на вид больной.

– Невозможно! – резко ответил Элокар. – Моя охрана должна быть все время при мне.

– Светлость... – проговорил капитан. Буря свидетельница, Каладин сочувствовал бедолаге.

Сил внезапно насторожилась и унеслась в небо лентой из света. Каладин тотчас же перестал обращать внимание на Элокара и стражников. Он оглядывал небеса, пока не увидел фигуры, летящие к стене клином. Приносящих пустоту было по меньшей мере двадцать, и за каждым тянулся шлейф темной энергии.

Наверху завопили солдаты. Потом раздался тревожный барабанный бой, и капитан стражи выругался. Он и его люди выбежали через открытые двери и бросились к ближайшей лестнице, которая вела на галерею в верхней части стены.

– Внутрь! – закричал Адолин, когда другие беженцы хлынули в город. Он схватил короля и потащил за собой.

Каладин сражался с толпой, которая затаскивала его в Холинар. Он вытягивал шею, чтобы увидеть, как Приносящие пустоту нанесут удар по стене. Но поскольку Каладин находился у ее основания, угол обзора был просто ужасным.

Чуть поодаль нескольких человек сбросили со стены. Каладин шагнул туда, но не успел ничего сделать, как они ударились о камни с ужасающе громким звуком. Буря! Толпа тянула его все дальше в город, и он с трудом сдерживался, чтобы не вдохнуть бурсвет.

«Спокойно, – приказал он самому себе. – Весь смысл в том, чтобы пробраться в Холинар незамеченными. Ты же не разрушишь весь план, взлетев на защиту города?»

Но он ведь должен защищать.

– Каладин, – позвал Адолин, пробиваясь сквозь толпу к тому месту, где стоял Каладин, прямо снаружи. – Идем.

– Они побеждают на стене. Мы должны помочь.

– Как помочь? – спросил Адолин. Наклонившись, прибавил тихим голосом: – Призвать осколочные клинки и неистово размахивать ими в воздухе, словно фермеры, прогоняющие небесных угрей? Это обычный рейд, чтобы проверить нашу оборону. Это не настоящая атака.

Каладин вздохнул и позволил Адолину затащить себя в город.

– Две дюжины Сплавленных. Они могли бы взять этот город с легкостью.

– Не сами по себе, – возразил Адолин. – Все знают, что осколочники в одиночку не сражаются – для Сияющих и этих Сплавленных все должно быть так же. Чтобы взять город, нужны солдаты. Идем.

Они вошли и разыскали остальных, а потом двинулись прочь от стен и ворот. Каладин попытался отрешиться от далеких криков солдат. Как и предсказывал Адолин, рейд завершился так же быстро, как начался, – сражение на стене продлилось всего лишь несколько минут, а потом Сплавленные улетели. Каладин вздохнул, проследив за ними взглядом, а потом решительно направился за остальными по широкой оживленной улице.

Холинар изнутри выглядел более впечатляющим и одновременно более удручающим. Они проходили мимо множества поперечных улиц, застроенных высокими трехэтажными домами, похожими на каменные ящики. И буря свидетельница, охранник у стены не преувеличивал. Люди толпились повсюду. В Холинаре было мало переулков, каменные здания строились вплотную, длинными рядами. Но люди сидели в сточных канавах, цепляясь за одеяла и скудные пожитки. Слишком много дверей было заперто из-за страха, что их заполнят беженцы; часто в хорошие дни, подобные этому, люди в военных лагерях не закрывали толстые буревые двери и ставни, чтобы ветерок проникал внутрь. Но не здесь.

Солдаты Шаллан обступили ее, осмотрительно придерживая карманы. Похоже, они были знакомы с жизнью городского отребья. К счастью, девушка поняла прямой намек Каладина и отправилась без Газа.

«Где же патрули?» – подумал Каладин, пока они шли по извилистым улицам, вверх и вниз по склонам. Со всеми этими людьми, живущими на улицах, конечно, им требовалось как можно больше мужчин, чтобы следить за порядком.

Каладин так и не увидел никакой охраны, пока они не вышли из ближайшей к воротам части города и не оказались в более богатом районе. Здесь преобладали крупные дома с участками, огороженными железными заборами, закрепленными в камне с помощью затвердевшего крема. За заборами охранники присутствовали, но на улицах ничего похожего не было.

Каладин чувствовал пристальные взгляды беженцев. Они размышляли. Стоило ли его ограбить? Была ли у них еда? К счастью, копыя Скара и Дрехи – а также дубинки охранников Шаллан – в достаточной степени отпугивали потенциальных разбойников.

Каладин ускорил шаг, чтобы догнать Адолина во главе их маленькой группы.

– Твое убежище близко? Не нравятся мне эти улицы.

– Еще идти какое-то время, – признался Адолин. – Но ты прав. Вот буря, надо было прицепить меч к поясу. Кто же знал, что я не рискну призывать клинок.

– Почему осколочники не могут удержать город? – спросил Каладин.

– Одна из основ военной теории, – объяснил Адолин. – У осколочников очень здорово получается убивать людей – но что они будут делать с населением целого города? Прикончат всех, кто не подчинится? Их задавят числом, невзирая на осколки. Тем летающим чудовищам понадобится целая армия, чтобы взять город. Но сперва они будут испытывать стены и, возможно, ослабят оборону.

Каладин кивнул. Ему нравилось думать, что он много знал о войне, но правда заключалась в том, что у него не было подготовки, какую прошел Адолин. Кэл участвовал в войнах, но никогда не руководил армиями.

Чем дальше они удалялись от стен, тем лучше выглядел город – меньше беженцев, больше порядка. Они миновали рынок, который был даже открыт, и внутри наконец заметили патрульных: плотную группу мужчин в униформе незнакомого цвета.

При других обстоятельствах этот район выглядел бы хорошо. Гребни сланцекорника вдоль улицы, ухоженные, разных цветов: одни вроде тарелок, другие – как узловатые ветки, тянущиеся вверх. Садовые деревья, которые редко втягивали листья, росли перед многими зданиями, впиваясь в землю толстыми корнями, которые сливались с камнем.

Беженцы собирались семьями. Здесь дома были построены в виде больших квадратов, с окнами, выходящими вовнутрь, и дворами в центре. Люди собирались там, превращая их в импровизированные убежища. К счастью, Каладин не заметил явных голодающих, и это означало, что городские склады еще не опустели.

– Видел это? – тихо спросила Шаллан, присоединившись к нему.

– Что? – спросил Каладин, глянув через плечо.

– Вон на том рынке уличные актеры в очень странной одежде. – Шаллан нахмурилась, ткнула пальцем в перекресток, мимо которого они шли. – Вот еще один.

Это был мужчина, одетый во все белое, с полосками ткани, которые струились и трепетали, когда он двигался. Он стоял с опущенной головой на углу улицы и прыгал туда-сюда из одного положения в другое. Незнакомец поднял глаза и посмотрел на Каладина. Он стал первым за весь день чужаком, который не отвел взгляд тотчас же.

Каладин наблюдал, пока чулл, тянувший фургон с буревым мусором, не заслонил ему вид. А потом впереди них люди начали расчищать улицу.

– В сторону, – велел Элокар. – Мне интересно, в чем дело.

Они присоединились к толпе, прижавшейся к зданиям, и Каладин сунул руки в свой мешок, защищая множество сфер, которые он припрятал там в черном кошелье. Вскоре по центру улицы появилось странное шествие. Эти мужчины и женщины были одеты как уличные актеры – их наряды дополняли яркие полосы красной, синей или зеленой ткани. Они прошли мимо, выкрикивая чепуху. Слова Каладин знал, но вместе они составляли бессмысленные фразы.

– Что, клянусь Преисподней, творится в этом городе? – пробормотал Адолин.

– Это неправильно? – шепотом спросил Каладин.

– У нас есть уличные музыканты и бродячие артисты, но ничего подобного мне видеть не доводилось. Вот буря. Кто они такие?

– Спрены, – прошептала Шаллан. – Они подражают спренам. Смотрите, вон те – спрены пламени, а одетые в белое и голубое, с развевающимися лентами – спрены ветра. Есть и спрены эмоций. Вот боль, вот страх, предвкушение...

– Так это парад. – Кэл нахмурился. – Но никто не веселится.

Зрители склонили голову и начали роптать... или молиться? Рядом беженка-алети – в лохмотьях и с сопливым ребенком на руках – прислонилась к зданию. Над нею возникли спрены изнеможения, словно струи пыли, поднимающиеся в воздухе. Только они были ярко-красными, а не коричневыми, как всегда, и казались... искаженными.

– Это неправильно, неправильно, неправильно! – рыдала Сил на плече Каладина. – Ох... ох, этот спрен от него, Каладин.

Шаллан наблюдала за появлением спренов не-изнеможения широко распахнутыми глазами. Потом она схватила Адолина за руку и прошипела:

– Уведи нас отсюда.

Он начал проталкиваться сквозь толпу к углу, где они могли оторваться от странного шествия. Каладин схватил короля за руку, в то время как Дрехи, Скар и два охранника Шаллан инстинктивно построились вокруг них. Король позволил Каладину оттащить себя, и это тоже было хорошо. Элокар копался в кармане – наверное, искал сферу для измученной женщины. Бури! Посреди толпы!

– Уже недалеко, – пообещал Адолин, когда они выбрались на поперечную улицу, где было посвободнее. – Следуйте за мной.

Он привел их к небольшой арке, где здания стояли вокруг общего двора, в котором был разбит сад. Конечно, беженцы и его заняли. Многие ютились в палатках из одеял, которые были еще влажными от бури накануне. Спрены жизни прыгали среди растений.

Адолин осторожно пробрался среди этих людей, подошел к нужной двери и постучался. Это была задняя дверь, выходящая во двор, а не на улицу. Возможно, это винный дом для богачей? Хотя больше всего здание походило на чье-то жилище.

Адолин снова постучал. Он казался обеспокоенным. Каладин подошел к нему и застыл. На двери была блестящая стальная пластина с выгравированными цифрами. В ней он увидел свое отражение.

– Всемогущий, Всевышний... – проговорил Каладин, ощупывая лицо в шрамах, шишках и открытых язвах. Фальшивые зубы торчали из рта, и один глаз располагался выше другого. Волосы росли пучками, а нос был... ну очень маленьким. – Что ты со мной сделала, женщина?

– Я недавно узнала, – объяснила Шаллан, – что хорошая маскировка должна быть броской, – главное, чтобы тебя запомнили благодаря чему-то вызывающе неправильному. У тебя, капитан, есть свойство бросаться в глаза, и я беспокоилась о том, что ты его не утратишь, даже если изменишь лицо. Так что я придала тебе еще более запоминающееся обличье.

– Я похож на омерзительного спрена.

– Эй! – вскричала Сил.

Дверь наконец открылась, и на пороге появилась почтенная тайленка в фартуке и жилете. За ней стоял крепкий мужчина с белой бородой, подстриженной в рогоедском стиле.

– Что? – сказала она. – Ты кто такой?

– Ох! – выдохнул Адолин. – Шаллан, мне надо...

Шаллан вытерла его лицо полотенцем из своего мешка, словно стирая грим, а на самом деле скрывая преображение. Его лицо стало прежним. Адолин широко улыбнулся тайленке, и у нее упала челюсть.

– Принц Адолин?! – воскликнула она. – Быстренько, быстренько. Заходите. Снаружи небезопасно!

Она завела их в дом и проворно закрыла дверь. Каладин моргнул: в освещенной сферами комнате к стенам крепились рулоны тканей и повсюду стояли манекены, одетые в наполовину законченные куртки.

– Что это за место? – поинтересовался он.

– Ну, я подумал, нам требуется безопасное убежище, – объяснил Адолин. – Мы должны остановиться у кого-то, кому я могу доверить жизнь или нечто большее. – Он посмотрел на Каладина и взмахнул рукой, указывая на тайленку. – Поэтому я привел нас к моей портнихе.

62. Изыскания

*Я желаю заявить официальный протест по поводу оставления
башины. Это крайняя мера, принятая опрометчиво.
Из ящика 2–22, дымчатый кварц*



Секреты.

Город переполнился ими до краев. Он был ими набит так плотно, что они не могли не просачиваться наружу.

Значит, Шаллан могла сделать лишь одну вещь: врезать себе по лицу.

Это оказалось труднее, чем можно было предположить. Она все время уворачивалась. «Ну же», – подумала девушка, сжимая кулак. Зажмурилась, собрала с духом и ударила себя свободной рукой по виску.

Было почти не больно; она попросту не могла ударить себя достаточно сильно. А если попросить Адолина? Он был в задней рабочей комнате портновской мастерской. Шаллан под каким-то предлогом ушла в передний зал для клиентов, поскольку подумала, что остальные плохоотреагируют на ее попытки деятельным образом привлечь спрена боли.

Она слышала голоса. Вежливую портниху подвергли допросу.

– Ваше величество, все началось с бунтов, – объяснила женщина в ответ на вопрос Элокара. – А может, и раньше, когда... Ну, все сложно. Ох, я не могу поверить, что вы здесь. Стремления подсказывали мне – что-то случится, но чтобы наконец-то... я хочу сказать...

– Йокска, переведи дух, – ласково посоветовал Адолин. Даже его голос был очарователен. – Когда ты придешь в себя, мы продолжим.

«Секреты, – подумала Шаллан. – Все это случилось из-за секретов».

Она сунула нос в другую комнату. Король, Адолин, Йокска-портниха и Каладин сидели там, все снова с собственными лицами. Они послали людей Каладина – вместе с Рэдом, Ишной и Ватахом – помогать горничной портнихе с приготовлением верхних комнат и чердака для приема гостей.

Йокска и ее муж собирались спать на соломенных тюфяках здесь, в задней комнате; Элокару, естественно, отдали их спальню. Прямо сейчас маленькая группа расселась кругом под бездумным взглядом портновских манекенов, обряженных в разнообразные недошитые куртки.

Похожие куртки были выставлены и в зале для клиентов. Ярких цветов – даже ярче тех, в которые алетии наряжались на Расколотых равнинах, – с золотой или серебряной окантовкой,

блестящими пуговицами и замысловатой вышивкой на больших карманах. Куртки спереди не сходились, если не считать несколько пуговиц прямо под воротом, в то время как полы расходились в стороны и на спине разделялись на «хвосты».

– Светлорд, казнили ревнительницу, – проговорила Йокска. – Королева приказала ее повесить, и... ох! Это было так ужасно. Благословенны Стремления, ваше величество. Я не хотела говорить плохое о вашей супруге! Наверное, она не понимала...

– Просто расскажи нам все, – попросил Элокар. – Не страшись ответных мер. Я должен знать, что думают горожане.

Йокска трепетала. Она была маленькой, пухлой женщиной, чьи длинные тайленские брови завивались двойными колечками, и, наверное, в этой юбке и блузе выглядела очень модно. Шаллан задержалась в дверном проеме – ей стало любопытно, что поведает портниха.

– Ну, – продолжила Йокска, – во время бунтов королева... почти исчезла. Мы то и дело слышали какие-нибудь прокламации от ее имени, но часто в них не было смысла. А после смерти ревнительницы все пошло кувырком. Город и так был взволнован... Ваше величество, девчонка написала такие ужасные вещи. О положении монархии, о том, насколько королева следует вере, и...

– И Эсудан приговорила ее к смерти. – Лицо Элокара, озаренное лишь несколькими сферами в центре их круга, было наполовину в тени. Эффект показался весьма занимательным, и Шаллан сняла Образ, чтобы позже его зарисовать.

– Да, ваше величество.

– Очевидно, приказ на самом деле отдал темный спрен, – решил Элокар. – Темный спрен, который контролирует дворец. Моя жена никогда не проявила бы такую неосмотрительность, публично казнив ревнительницу в столь тяжелые времена.

– А! Ну да, конечно. Темный спрен. Во дворце. – Йокска явно испытала облегчение, оттого что ей подсказали разумную причину не винить королеву.

Шаллан призадумалась и вдруг заметила на полке неподалеку ножницы для ткани. Схватив их, она шмыгнула обратно в зал для клиентов. И там, приподняв подол, воткнула ножницы себе в ногу.

Острая боль обжигающей волной прошла по ноге и всему телу.

– Мм... – сказал Узор. – Разрушение. Шаллан, это... это ненормально для тебя. Ты зашла слишком далеко.

Она задрожала от боли. Кровь потекла из раны, но Шаллан зажала ее рукой, чтобы остановить кровотечение.

Вот! Получилось. Вокруг нее появились спрены боли, как будто выползли из пола, – они выглядели как отделенные от тела ручки. Без кожи, сплетенные из сухожилий. Обычно они были ярко-оранжевыми, но эти оказались тошнотворно-зелеными. И... неправильными. Они походили не на человеческие руки, а на лапы какого-то чудовища – слишком искривленные, с когтями, торчащими из сухожилий.

Шаллан с нетерпением сняла Образ, все еще придерживая подол хавы, чтобы не испачкаться в крови.

– Разве тебе не больно? – удивился Узор, переместившись на стену.

– Ну конечно больно, – возмутилась Шаллан. У нее слезились глаза. – В этом весь смысл.

– Мм... – Он встревоженно зажужжал, но не стоило – Шаллан получила то, в чем нуждалась.

Удовлетворенная, она втянула немного бурсвета и исцелилась, а потом тряпицей из сумки вытерла кровь с ноги. Руки и тряпицу вымыла в раковине в уборной. Она удивилась, обнаружив водопровод; ей и в голову не пришло, что в Холинаре есть такие вещи.

Взяв альбом, она вернулась к дверному проему задней комнаты, где прислонилась к косяку и быстро зарисовала странных, искаженных спренов боли. Ясна велела бы ей отложить

альбом и присесть рядом с остальными – но Шаллан часто становилась внимательнее с альбомом в руках. Люди, которые не рисовали, никак не могли это понять.

– Расскажи про дворец, – попросил Каладин. – Про... темного спрена, как его величество назвал эту силу.

Йокска кивнула:

– О да, светлорд.

Шаллан бросила взгляд на Каладина, ожидая реакции на то, что его называли светлордом, но мостовик ее не продемонстрировал. Его иллюзорный грим исчез; впрочем, она спрятала тот набросок – вдруг в будущем пригодится. Каладин призывал клинок рано утром, и оттого его глаза теперь были самыми голубыми из всех, какие только Шаллан видела. Они еще не потускнели.

– Случилась та неожиданная Великая буря, – продолжила Йокска. – И после нее погода словно обезумела. Урывками шли дожди. И да! Когда случилась та новая буря, с красными молниями, после нее над дворцом осталась туча. Такая скверная! Темные времена. Видимо... видимо, они так и не закончились.

– Где была королевская гвардия? – спросил Элокар. – Им следовало объединить силы со стражей, восстановить порядок во время бунтов!

– Ваше величество, гвардия отступила во дворец. И королева приказала, чтобы городская стража забаррикадировалась в казармах. В конце концов они тоже переместились во дворец по приказу королевы. Ну и... не появлялись с той поры.

«Вот буря», – подумала Шаллан, продолжая рисовать.

– Ох, кажется, мысли скачут, но я забыла! – продолжила Йокска. – Во время бунтов была одна прокламация от королевы. Ох, ваше величество. Она хотела казнить городских паршунов! Ну, мы все решили, что она... простите... но мы решили, что она сошла с ума. Бедолаги. Что они такого натворили? Вот о чем мы подумали. Мы же не знали. В общем, королева разослала по всему городу глашатаев, которые объявили, что паршуны – это Приносящие пустоту. И, надо отдать должное, в этом она оказалась права. Но все было так странно. Королева как будто не замечала, что полгорода взбунтовалось!

– Темный спрен, – заявил Элокар, сжав кулак. – Это его вина, а не Эсудан.

– А были известия о странных убийствах? – спросил Адолин. – Убийствах или насилии, которое случалось попарно: кто-то умер, а потом через пару дней другого человека убили в точности тем же способом?

– Нет, светлорд. Ничего... ничего такого, хотя многих убили.

Шаллан покачала головой. Здесь был какой-то другой Несотворенный; иной спрен Вражды. Религия и предания повествовали о них в лучшем случае расплывчато, стремясь упрощенно объединить всех в некую единую злобную сущность. Навани и Ясна изучали Несотворенных на протяжении последних недель, но по-прежнему знали не так уж много.

Девушка закончила набросок спренов боли, затем нарисовала спренов изнеможения, которых они видели раньше. По пути сюда девушка заметила спренов голода возле какого-то беженца. Странное дело – эти спрены выглядели как обычно. Почему?

«Нужно больше информации, – подумала Шаллан. – Больше сведений». Каков самый страшный конфуз, о котором она только могла помыслить?

– Что ж, – проговорил Элокар, – пусть мы приказывали не казнить паршунов, а всего лишь выслать, по крайней мере, этот приказ дошел до Эсудан. Наверное, она была в достаточной степени свободна от власти темных сил, чтобы обратить внимание на наши слова, переданные через даль-перо.

Конечно, он не упомянул о логической проблеме. Если портниха была права по поводу того, что темный спрен появился во время Бури бурь, то Эсудан казнила ревнительницу по собственной воле – ведь казнь случилась раньше. Схожим образом приказ выслать паршунов

также поступил до Бури бурь. И кто мог знать, в силах ли Несотворенный повлиять на кого-то вроде королевы? Спрен в Уритиру имитировал людей, но не контролировал их.

Йокска в самом деле казалась немного испуганной, рассказывая обо всех ужасах, так что Элокар мог простить ее за перепутанные местами события. Так или иначе, Шаллан надо было вспомнить что-то постыдное. «Я пролила вино в тот первый раз, когда отец угостил меня во время праздника. Нет... нет... нужно что-то большее...»

– Ох! – воскликнула Йокска. – Ваше величество, вам следует знать. Прокламация по поводу казни паршунов... ну, коалиция важных светлоглазых не подчинилась ей. А после той ужасной бури королева начала отдавать другие приказы, и светлоглазые отправились встретиться с ней.

– Дай-ка угадаю, – проворчал Каладин. – Они так и не вернулись из дворца.

– Нет, светлорд, не вернулись.

«А как насчет того раза, когда я очнулась и увидела Ясну, после того как едва не умерла, и она обнаружила, что я ее предала?»

Уж этого воспоминания точно хватит.

Нет?

Какая досада.

– Итак, паршуны, – напомнил Адолин. – Их на самом деле казнили?

– Нет, – запротестовала Йокска. – Как я уже сказала, все были обеспокоены бунтами – не считая слуг, которые провозглашали приказы королевы, наверное. Стенная стража в конце концов взялась за дело. Они в какой-то степени восстановили порядок в городе, а потом согнали паршунов вместе и выдворили на равнину снаружи. А потом...

– Пришла Буря бурь, – прошептала Шаллан, тайком расстегивая пуговицу на защищенном рукаве.

Йокска съежилась в кресле. Остальные притихли, что предоставило Шаллан отличный шанс. Глубоко вздохнув, она решительно направилась вперед, держа альбом так, чтобы выглядеть рассеянной. Споткнувшись о рулон ткани на полу, она взвизгнула и рухнула прямо на то место, вокруг которого были расставлены стулья.

Она растянулась на полу, юбка задралась до талии – а сегодня на ней даже не было рейтуз. Ее защищенная рука высунулась меж пуговиц и оказалась выставленной на обозрение не только короля, но и Каладина, да еще и Адолина в придачу.

Безупречно, ужасно, неимоверно унизительно. Шаллан густо покраснела, и спрены стыда густо посыпались вокруг нее. Обычно они выглядели как падающие красные и белые лепестки.

Эти оказались похожими на осколки стекла.

Мужчин, конечно, куда сильнее привлекло положение, в котором она оказалась. Шаллан пискнула, сумела снять Образ спренов стыда и вскочила, неистово краснея и пряча руку.

«Возможно, это самая безумная вещь, которую ты учудила. Что говорит о многом».

Она схватила альбом и унеслась прочь, миновав белобородого мужа Йокски – Шаллан пока что не слышала от него ни слова, – который застыл в дверях с подносом с вином и чаем. Шаллан схватила кружку с самым темным вином и осушила одним глотком, спиной чувствуя пристальные взгляды мужчин.

– Шаллан? – робко позвал Адолин. – Э-э...

– Я-в-порядке-это-был-эксперимент, – протараторила она и, бросившись в соседний зал, упала в кресло для клиентов. «Клянусь бурей, это было унизительно».

Девушка продолжала видеть часть задней комнаты. Муж Йокски подошел к гостям с серебряным подносом. Остановился возле жены – хотя протокол требовал первым обслужить короля – и положил руку ей на плечо. Она накрыла ее ладонью.

Шаллан открыла альбом и с удовольствием увидела, как вокруг нее снова посыпались спрены стыда. По-прежнему стеклянные. Она начала рисовать, сосредоточившись на этом деле, чтобы не думать о том, что сейчас натворила.

– Итак... – начал Элокар в соседней комнате. – Мы говорили про Стенную стражу. Они подчинились приказам королевы?

– Ну, это было примерно в то же время, когда появился великий маршал. Я его тоже раньше не видела. Он почти не спускается со стены. Зато восстановил порядок, и это хорошо, но у Стенной стражи недостаточно людей, чтобы патрулировать город и одновременно караулить стену, поэтому они караулят стену, а мы в основном... выживаем как можем.

– А кто теперь правит? – поинтересовался Каладин.

– Никто, – ответила Йокска. – Разные великие лорды... ну да, они, можно сказать, захватили части города. Кое-кто твердит, что монархия пала и король – простите, ваше величество, – нас покинул. Но кто действительно имеет силу в городе, то это культ Мгновений.

Шаллан подняла взгляд от рисунка.

– Те люди, которых мы видели на улице? – спросил Адолин. – Одетые как спрены.

– Да, ваше высочество. Я не... я не знаю. Спрены в городе иногда выглядят странно, и люди решили, что это как-то связано с королевой, со странной бурей, с паршунами... Они испуганы. Некоторые заявляют, что видят приближение нового мира, воистину странного мира. Им правят спрены. Воринская церковь объявила культ Мгновений ересью, но очень многие ревнители были во дворце, когда здание погрузилось во тьму. Большинство из тех, кто остался, нашли приют у кого-нибудь из великих лордов, которые захватили части Холинара. Они становятся все более изолированными, правят районами сами по себе. И... и есть еще проблема с фабриями...

Фабриали. Шаллан вскочила и сунула голову в соседнюю комнату:

– А что такое с «фабриями»?

– Если вы используете фабриаль – любой, от даль-пера до согревателя или больриаля, – то привлечете... их. Вопящих желтых спренов, которые прилетают вместе с ветром, как лучи ужасного света. Они носятся и вертятся над вами. А за ними обычно следуют твари с небес, те, что в просторной одежде и с длинными копьями. Они хватают фабриаль и иногда убивают того, кто пытался им воспользоваться.

«Буря...» – подумала Шаллан.

– Ты это видела? – спросил Каладин. – Как выглядели эти спрены? Ты слышала, чтобы они говорили?

Шаллан посмотрела на Йокску, которая еще сильнее съежилась в кресле.

– По-моему, нам стоит дать славной портнихе передышку, – заметила Шаллан. – Мы возникли на пороге из ниоткуда, украли ее спальню и теперь допрашиваем. Уверена, мир не развалится на части, если мы позволим ей на несколько минут расслабиться и выпить чаю.

Женщина посмотрела на Шаллан с выражением безграничной благодарности.

– Клянусь бурей! – Адолин вскочил. – Шаллан, конечно, ты права. Йокска, извини нас, и большое тебе спасибо за...

– Ваше высочество, не стоит благодарностей, – перебила портниха. – Ох, а ведь Стремления подсказывали, что помощь придет. И вот она. Но если король не возражает, я бы... да, я бы очень хотела немного отдохнуть.

Каладин усмехнулся и кивнул, а Элокар махнул рукой, но этот жест не очень-то походил на дозволение. Он скорее... погрузился в себя. Трое мужчин позволили Йокске перевести дух и присоединились к Шаллан в комнате для клиентов, где сквозь шторы на окнах фасада струился свет заходящего солнца. Обычно эти шторы раздвигали, демонстрируя последние работы портнихи, но, несомненно, в эти дни их чаще держали опущенными.

Они вчетвером собрались, чтобы переварить услышанное.

– Ну? – спросил Элокар необычно мягким и задумчивым тоном.

– Я хочу узнать, что происходит со Стенной стражей, – заявил Каладин. – Их глава... кто-нибудь из вас о нем слышал?

– Великий маршал Азур? – уточнил Адолин. – Нет. Но меня здесь не было несколько лет. Несомненно, многие городские офицеры получили повышение, пока мы воевали.

– Возможно, Азур кормит город, – предположил Каладин. – Кто-то обеспечивает его зерном. Не будь источника еды, здесь бы уже жрали от голода друг друга.

– По крайней мере, мы кое-что узнали, – проговорила Шаллан. – Теперь понятно, почему замолчали даль-перья.

– Приносящие пустоту пытаются изолировать город, – заключил Элокар. – Они заперли дворец, чтобы никто не смог воспользоваться Клятвенными воротами, потом пресекли общение через даль-перья. Они тянут время, пока не соберут большое войско.

Шаллан вздрогнула. Она подала им альбом, демонстрируя свои наброски:

– В городе что-то не так со спренами.

Мужчины закивали, рассматривая рисунки, хотя лишь Каладин догадался, чем она занималась. Он перевел взгляд с наброска спренов стыда на ее руку, потом приподнял бровь.

Она пожала плечами: «Ну, зато получилось, не так ли?»

– Будем благоразумны, – негромко произнес король. – Мы не можем просто ворваться туда и пасть жертвами тьмы, захватившей дворец, чем бы она ни была. Но бездействовать тоже непозволительно.

Он выпрямился. Шаллан привыкла относиться к Элокару как к неважному человеку – в этом был виноват Далинар и то, как он все чаще обращался с королем. Но Элокар был наделен неподдельной решимостью, и да – выглядел он действительно по-королевски.

«Да, – подумала она, снимая еще один Образ Элокара. – Да, ты король. И ты можешь быть достойным наследия своего отца».

– Нам нужен план, – сказал Элокар. – С радостью выслушаю твои мудрые советы, ветробегун. С чего начнем?

– Честно говоря, я не уверен, что нам следует в это ввязываться. Ваше величество, возможно, лучше всего дождаться следующей Великой бури, вернуться в башню и доложить Далинару о том, что мы узнали. Через видения он до нас не дотянется, а один Несотворенный может с лихвой превзойти совокупные усилия членов этой миссии.

– Нам не нужно разрешение Далинара, чтобы действовать, – возразил Элокар.

– Я не имел в виду...

– Что мой дядя мог бы сделать, капитан? Далинару известно не больше, чем любому из нас. Либо мы что-то предпримем в Холинаре сами, либо отдадим город, Клятвенные ворота и мою семью врагу.

Шаллан согласилась, и даже Каладин медленно кивнул.

– Стоит по меньшей мере провести разведку в городе и узнать больше о происходящем, – заметил Адолин.

– Да, – согласился Элокар. – Нужны точные сведения, чтобы действовать правильно. Светоплетельница, ты можешь принять облик посланницы?

– Разумеется, – сказала Шаллан. – А зачем?

– Допустим, я продиктую письмо Эсудан, потом запечатаю его королевской печатью. Ты могла бы сыграть роль посланницы, которая прибыла сюда с Расколотых равнин, преодолев огромные трудности, чтобы доставить королеве мои слова. Ты могла бы явиться ко дворцу и посмотреть, как поведут себя стражники.

– Это... неплохая идея! – Каладин выглядел удивленным.

– Это может быть опасно, – возразил Адолин. – Стражи могут забрать ее внутрь.

– Я единственная, кто напрямую противостоял Несотворенной, – напомнила Шаллан. – У меня больше всего шансов заметить воздействие этих тварей, и я способна выбраться. Согласна с его величеством – все равно кому-то придется попасть во дворец и посмотреть, что там происходит. Обещаю быстро вернуться, если чутье подскажет, что дело дрянь.

– Мм... – внезапно вмешался Узор с ее юбки. Обычно он предпочитал помалкивать, когда рядом были другие. – Я стану следить и предупреждать. Мы будем осторожны.

– Посмотрим, сумеешь ли ты оценить состояние Клятвенных врат, – добавил король. – Платформа ворот встроена во дворец, но к ней можно попасть и другими путями. Наверное, правильное всего будет тайком проникнуть туда, запустить ворота и привести подкрепление, а уже потом решить, как спасти мою семью. Но пока что хватит разведки.

– А остальные будут просто сидеть и ждать? – Каладин был явно недоволен.

– Ждать и верить в тех, на кого возложена важная миссия, – к этому сводится роль короля, ветробегун, – заявил Элокар. – Но я подозреваю, что светлость Шаллан не будет возражать против твоей компании, и мне бы хотелось, чтобы кто-то был рядом на случай, если ее придется оттуда спасать.

Король был не совсем прав: она возражала против присутствия Каладина. Вуали не понравится, что он смотрит ей через плечо, и Шаллан бы не хотелось, чтобы капитан задавал вопросы об этой персоне.

Но она не смогла подыскать разумных доводов.

– Хочу поглядеть на город, – объявила она, посмотрев на Каладина. – Пусть Йокска напишет письмо под диктовку короля, а потом мы с тобой встретимся. Адолин, есть ли тут хорошее место, где мы сможем найти друг друга?

– Может, большая дворцовая лестница? – предположил он. – Ее невозможно пропустить, и прямо перед ней расположена небольшая площадь.

– Отлично. Я буду в черной шляпе. Ты можешь оставаться с собственным лицом, полагаю, раз уж мы миновали Стенную стражу. Но это рабское клеймо... – Она потянулась создать иллюзию, которая убрала бы шрамы с его лба.

Он перехватил ее руку:

– Не надо. Волосами прикрою.

– Все равно видно, – возразила она.

– Ну и пусть. В городе, полном беженцев, всем будет наплевать.

Шаллан закатила глаза, но не стала давить. Он, скорее всего, был прав. Взглянув на униформу, его примут за раба, которого кто-то выкупил и сделал домашним охранником. Пусть даже клеймо «шаш» в эту версию не очень-то вписывалось.

Король отправился готовить свое письмо, а Адолин и Каладин остались в комнате для клиентов, чтобы вполголоса поговорить о Стенной страже. Шаллан поднялась по ступенькам. Ей выделили комнатку на втором этаже.

Там сидели Рэд, Ватах и Ишна, помощница-шпионка, о чем-то тихо болтая.

– Ну и сколько вы подслушали? – поинтересовалась Шаллан.

– Мало, – признался Ватах, большим пальцем указывая за спину. – Слишком увлеклись, наблюдая за тем, как Ишна обыскивает спальню портнихи, чтобы проверить, не скрывает ли она каких тайн.

– Скажи, что не устроила там бардак.

– Никакого бардака, – заверила Ишна. – И не о чем докладывать. Похоже, эта женщина на самом деле такая зануда, какой кажется. Но зато мальчики выучили кое-какие хорошие приемы по части обыска.

Шаллан подошла к маленькой гостевой кровати и выглянула в окно, за которым открывался обескураживающий вид на городскую улицу. Так много домов, так много людей. Жуть.

К счастью, Вуаль отнесется к этому по-другому. Была лишь одна проблема.

«Я не могу работать с этой командой, – подумала она, – без того, чтобы в конце концов они не начали задавать вопросы». Холинарская миссия должна была все расставить по местам, ведь Вуаль с ними не полетела.

Она страшилась этого момента. И... в каком-то смысле... предвкушала его?

– Я должна им рассказать, – прошептала Шаллан.

– Мм... – ответил Узор. – Это хорошо. Прогресс.

Скорее, ее загнали в угол. И все-таки рано или поздно это пришлось бы сделать. Она подошла к своему дорожному мешку и вытащила белый плащ и сложенную вдвое шляпу.

– Выйдите-ка на минутку, ребята, – велела она Ватаху и Рэду. – Вуали надо переодеться.

Они перевели взгляд с плаща на Шаллан, потом обратно. Рэд хлопнул себя по голове и рассмеялся:

– С ума сойти. Ох, я чувствую себя идиотом.

Она ожидала, что и Ватах ощутит себя обманутым. Но вместо этого он кивнул – как будто счел все безупречно логичным. Он отсалютовал ей одним пальцем, и двое мужчин удалились.

Ишна задержалась. Шаллан, посомневавшись некоторое время, решила взять ее с собой. Мрейз проверил ее благонадежность, и, в конце концов, Вуали надо было учиться.

– Ты не кажешься удивленной, – заметила Шаллан, начиная переодеваться.

– Я кое-что заподозрила, когда Вуаль... когда ты велела мне отправиться в эту миссию, – призналась девушка. – Потом я увидела иллюзии и догадалась. – Она помедлила. – Но мне казалось, все наоборот. Я думала, «светлость Шаллан» – фальшивка. Но на самом деле шпионка – вот кто ложная личность.

– Ошибаешься, – возразила Шаллан. – Они обе в равной степени фальшивые.

Переодевшись, она пролистала альбом и нашла набросок Лин в униформе разведчицы. Отлично.

– Ступай и сообщи светлорду Каладину, что я уже отправилась на разведку и что он должен встретиться со мной примерно через час.

Шаллан выбралась из окна и прыгнула со второго этажа, положившись на бурсвет, который должен был уберечь ноги от переломов. А потом направилась вдоль улицы.

63. По ту сторону зеркала

Вернувшись в баинно, я обнаружил вместо гордых рыцарей каких-то препирающихся детишек. Вот почему я ненавижу это место. Я собираюсь составить карту сокрытых пещер подземного моря Аймиа; найдете результат моих трудов в Акине.

Из ящика 16–16, аметист



Вуали понравилось снова находиться в настоящем городе, пусть полудиком.

Большинство крупных городов расположились на самом краю цивилизации. Все говорили о поселках и городишках посреди пустошей так, словно они были нецивилизованными, но она обнаружила, что жители тех мест милы, характер у них ровный и своей более тихой жизнью они вполне довольны.

Крупные города – другое дело. Они балансировали на грани нестабильности, вечно в шаге от голода. Когда столько людей собирались вместе, их культуры, идеи и запахи не очень-то уживались друг с другом. Результатом была не цивилизация. Это был сдерживаемый хаос, который засунули в сосуд под давлением, чтобы не сбежал.

В крупных городах ощущалось... напряжение. В каждом вдохе, в каждом шаге. Вуали это нравилось.

В нескольких улицах от портновской мастерской она надвинула шляпу на глаза и поднесла к лицу страницу из альбома, словно сверяясь с картой. Прикрывшись, выдохнула буре-свет, обращаясь в Вуаль.

Не появилось ни одного спрена, вопя и оповещая всех о том, что она сделала. Значит, со светоплетением все не так, как с фабриями. Девушка была достаточно уверена, что это безопасно, поскольку они пришли в город замаскированными, но хотела на всякий случай оказаться подальше от дома портнихи.

Вуаль неспешным шагом направилась по оживленной улице, и длинный плащ развевался у ее икр. Она тотчас же решила, что в Холинаре ей нравится. Ей нравилось, как город расположился на холмах, словно примятое одеяло из зданий. Нравилось, как ветром принесло аромат рогаедских пряностей, а потом – алетийских крабов, сваренных на пару. Впрочем, это были, скорее всего, не крабы, а кремлецы.

И это ей не нравилось. Бедные люди. Даже в этом более богатом районе она и квартала не могла пройти так, чтобы не пришлось оглядывать группы беженцев. Внутренние дворы зданий

забили люди, которые, наверно, совсем недавно были обычными сельчанами, но теперь превратились в нищих, которые потеряли все.

Колесного транспорта на улицах оказалось мало. Несколько паланкинов, окруженных охранниками. Никаких карет. Но жизнь не останавливалась на время войны – или даже второго Ахаритиама. Нужно было носить воду, стирать одежду. В основном работали женщины, а мужчины, как заметила Вуаль, собирались тут и там большими группами. Раз городом по-настоящему никто не управлял, кто заплатит мужчинам на труд в кузницах? За уборку улиц и их очистку от крема? Даже хуже – в городе такого размера большую часть черной работы выполняли паршуны. Никто не спешил занять их место.

«И все-таки мостовичок прав, – подумала Вуаль, слоняясь на перекрестке. – Город действительно кто-то кормит». Поселение вроде Холинара должно было за несколько дней сожрать само себя, как только иссякнут запасы еды или воды.

Нет, города не были обителями цивилизации. Ведь не назовешь белоспинника ручным просто потому, что он в ошейнике.

По улице проковыляла небольшая группа поклонников культа, обряженных спренами гниения: красная краска на их одежде изображала кровь. Шаллан считала этих людей одержимыми и опасными, вероятно, чокнутыми, но Вуаль придерживалась иного мнения. Они вели себя чересчур театрально – и их было слишком много, – чтобы все на самом деле оказались сумасшедшими. Это все причуды. Способ справиться с неожиданными событиями и придать некий смысл жизни, которая внезапно перевернулась вверх тормашками.

Это не значило, что они не опасны. Группа людей, пытающихся впечатлить друг друга, всегда опаснее психопата-одиночки. И потому она обошла процессию по широкой дуге.

На протяжении следующего часа Вуаль изучала город, постепенно приближаясь ко дворцу. Район, в котором располагалась портновская лавка, выглядел самым нормальным. Там имелся хороший работающий рынок, который она намеревалась изучить позже, когда времени будет побольше. Там были парки, и хотя их наводнили толпы беженцев, люди выглядели бодрыми. Семьи – и даже целые общины из дальних деревень – держались как могли.

Она миновала похожие на бункеры особняки богачей. Несколько оказались разграбленными: ворота сломаны, ставни разбиты, повсюду палатки из одеял и лачуги из мусора. Похоже, кое-каким светлоглазым семьям не хватило охраны, чтобы выстоять во время бунтов.

Всякий раз, когда дорога уводила Вуаль ближе к городским стенам, она оказывалась в тех частях Холинара, которые были сильнее всего заполнены беженцами и выглядели самыми отчаявшимися. Люди просто сидели на улицах. Застывшие взгляды, одежда в лохмотьях. Ни домов, ни общин.

Чем ближе ко дворцу, тем более пустыми становились улицы. Даже несчастные, поселившиеся под открытым небом возле стен – которые то и дело атаковали Приносящие пустоту, – старались держаться подальше от этого района.

И потому здешние дома богачей выглядели... неуместными. В обычные времена жить рядом с дворцом считалось бы привилегией, и у каждого большого имения здесь высились стены, укрывающие изысканные сады и окна. Но сейчас Вуали казалось, что от неправильности всего района покалывает кожу. Семьи, живущие здесь, должны были это чувствовать – но, наверное, из упрямства оставались в своих особняках.

Она заглянула в один из таких особняков через железные ворота и обнаружила солдат на посту: мужчин в темной униформе – геральдические обозначения ей не удалось разобрать. Вообще-то, когда один из них посмотрел в ее сторону, она не смогла разглядеть его глаза. Наверное, это была игра теней, но... вот буря. В солдатах ощущалось что-то неправильное; они двигались странными рывками, словно крадущиеся хищники. Расхаживая туда-сюда, охранники не переставали разговаривать друг с другом.

Она попятилась и продолжила идти по улице. Дворец был прямо впереди. К нему вела широкая лестница, у подножия которой предстояло встретиться с Каладином, но у Вуали еще осталось время. Она прошмыгнула в парк неподалеку – первый из увиденных городских парков, не наводненный беженцами. Здесь высились тенистые культияпники, которые выращивали ради высоты и раскидистой кроны.

Вдали от чьих-нибудь непрошенных взглядов она поместила поверх лица и одежды Вуали обличье Лин. Сильное, более крепкое тело, синяя униформа разведчицы. Шляпа превратилась в черную шапку-дождевик – такие часто носили во время Плача.

Она вышла из парка как Вуаль, играющая роль. Шаллан попыталась в уме сохранить это четкое различие. Она все еще была Вуалью. Просто в новом обличье.

А теперь надо было проверить, что она сумеет выяснить о Клятвенных вратах. Дворец был построен на возвышенности с видом на город, и она проскользнула по улицам к его восточной стороне, где действительно нашла платформу Клятвенных врат. Та была застроена и имела ту же высоту, что и дворец, – может, футов двадцать. С основным дворцом ее соединяла крытая галерея, проходящая поверх небольшой стены.

«Они построили эту галерею прямо над рампой», – подумала она с неудовольствием. Единственным другим способом подняться на платформу были ступеньки, высеченные в камне, и их охраняли люди в костюмах спренов.

Вуаль следила за ними с безопасного расстояния. Значит, культ каким-то образом был к этому причастен? Выше, на платформе, виднелся дым от большого костра, и Вуаль слышала доносящиеся с той стороны звуки. Неужели это... крики?

Все это место вызывало тревогу, и она задрожала, а затем отступила. Она нашла Каладина прислонившимся к основанию статуи на площади перед дворцовой лестницей. Статуя, духозаклятая из бронзы, изображала человека в осколочном доспехе, который словно поднимался из волн.

– Привет, – тихо сказала она. – Это я. Как тебе нравятся мои ботинки? – Она приподняла ногу.

– Неужели мы будем об этом постоянно вспоминать?

– Это же пароль, мостовичок. Чтобы доказать, что я та, за кого себя выдаю.

– Лица Лин более чем достаточно, – отрезал он, вручая письмо короля в конверте, скрепленном печатью.

«Он мне нравится», – подумала Вуаль. И... странно, что для нее это чувство оказалось куда более сильным, чем для Шаллан. «Мне нравится его мрачный вид, его опасные глаза».

И с чего вдруг Шаллан так сосредоточилась на Адолине? Он милый, но мягкий. Его и подразнить не получится без угрызений совести, но Каладин – о, его сердитые взгляды весьма радовали душу.

Та ее глубоко запрятанная часть, что все еще была Шаллан, встревожилась из-за этих мыслей. И потому Вуаль обратила все свое внимание на дворец. Это было грандиозное сооружение, больше похожее на крепость, чем она представляла. Очень алетийское. Нижний этаж – массивный прямоугольник с короткой стороной, обращенной к буре. Верхние уровни были существенно изящнее, а из центра здания поднимался купол.

С близкого расстояния она не могла понять, где именно исчезал солнечный свет и началась тень. Действительно, атмосфера тьмы ощущалась... иначе по сравнению с тем, что было в Уритиру, когда там обитал темный спрен. Ее преследовало чувство, что она не видит всей картины. Шаллан отвернулась, взглянула искоса. Что-то явно изменилось! Может, сдвинулись кадки с растениями, выставленные вдоль парадной лестницы? Хм... а вон та дверь и раньше была выкрашена в синий?

Она сняла образ, отвернулась, посмотрела туда же и сняла еще один образ. Она не была уверена, что от этого будет какая-то польза, поскольку раньше у нее были проблемы с тем, чтобы нарисовать дворец.

– Ты видишь их? – прошептал Каладин. – Солдат, стоящих между колоннами?

Она не видела. Фасад дворца – на вершине длинной лестницы – был снабжен множеством колонн. Приглядевшись к теням, Шаллан увидела там людей, которые собрались под выступом, опирающимся на колонны. Они стояли точно изваяния, держа копья прямо и не шевелясь.

Вокруг Вуали поднялись спрены предвкушения, и она вздрогнула. Два из них выглядели нормально – как узкие знамена, – но другие были неправильными. Они развевались не так, как должны бы, и походили на узкие хлысты, которыми наказывали слуг.

Они с Каладином переглянулись, и Шаллан сняла Образ спренов.

– Начнем? – спросил Каладин.

– Я начну. Ты оставайся тут.

Он посмотрел на нее.

– Если что-то пойдет не так, предпочтительнее, чтобы ты был тут, готовый прийти на помощь. Нельзя, чтобы нас обоих сцапал Несотворенный. Я крикну, если ты мне понадобишься.

– А если не сможешь? Или я тебя не услышу?

– Пришлю Узора.

Каладин скрестил руки на груди, но кивнул:

– Ладно. Только будь осторожнее.

– Я всегда осторожна.

Он вскинул бровь – но он думал про Шаллан. Вуаль не была такой безрассудной.

Подъем по этим ступеням, казалось, занял слишком много времени. На мгновение она могла поклясться, что они тянулись к самому небу, к вечной пустоте. А потом лестница вдруг закончилась, и Вуаль оказалась перед колоннами.

К ней подошла группа охранников.

– У меня есть послание от короля! – заявила она, подняв конверт. – Доставить следует непосредственно ее величеству. Я прибыла сюда с самых Расколотых равнин!

На охранников это не произвело впечатления. Один открыл дверь во дворец, другие построились за Вуалью, вынуждая ее пойти вперед. Она сглотнула, почувствовала на лбу холодный пот и позволила им завести себя в ту дверь. Как в пасть...

Вуаль оказалась в грандиозном вестибюле с мраморными стенами и блистающей сферной люстрой. Никаких Несотворенных. И тьма не ждала ее, чтобы поглотить. Она выдохнула, хоть и почувствовала кое-что. Призрачный зловещий ореол в самом деле ощущался здесь сильнее. Неправильность. Вуаль вздрогнула, когда один из солдат положил руку ей на плечо.

Из комнатки, примыкающей к большому залу, вышел мужчина с узлами капитан-лорда:

– Что происходит?

– Посланница, – сказал солдат. – С Расколотых равнин.

Другой выхватил письмо из ее руки и передал капитан-лорду. Теперь она видела их глаза, и все казалось таким, как надо, – темноглазые солдафоны, светлоглазый офицер.

– Кто был твоим командиром? – спросил капитан, осматривая письмо и шуря глаза на печать. – Ну? Я служил на Равнинах пару лет.

– Капитан Колот. – Шаллан назвала имя офицера, который присоединился к ветробегунам. Он на самом деле не был командиром Лин, но в его подразделении имелись разведчицы.

Капитан-лорд кивнул и передал письмо одному из своих подчиненных:

– Отнесите его королеве Эсудан.

– Я должна была доставить его лично, – запротестовала Вуаль, хотя ее охватило непреодолимое желание убраться отсюда. Умчаться со всех ног, если уж быть честной. Но надо было остаться. Что бы она ни узнала здесь, это...

Солдат проткнул ее мечом.

Это произошло так быстро, что она сумела лишь разинуть рот при виде лезвия, высунившегося из груди, влажного от ее крови. Он рывком вытащил оружие, и Вуаль рухнула со стоном. Она инстинктивно потянулась к бурсвету.

«Нет... нет, сделай как... как Ясна...»

Притворись. Сыграй роль. Вуаль устала стоять над ней мужчин с ужасом и обидой, вокруг нее появились спрены боли. Один солдат побежал с письмом, но капитан просто вернулся на свой пост. Остальные не произнесли ни слова, пока она истекала кровью на полу и перед глазами у нее все тускло.

Вуаль закрыла глаза и коротко, резко вдохнула бурсвет – немного, чтобы спрятать внутри, затаив дыхание. Достаточно для сохранения жизни и заживления раны...

«Узор. Пожалуйста, не уходи. Ничего не делай. Не гуди, не жужжи. Тихо. Веди себя тихо».

Один солдат поднял ее, закинул на спину и понес через дворец. Она посмела приоткрыть глаз и увидела, что в широком коридоре полным-полно солдат. И они... просто стоят. Все были живы – кашляли, переминались с ноги на ногу. Кто-то прислонился к стене, но все, в общем-то, стояли на месте. Они были людьми, но выглядели неправильно.

Охранник, который ее нес, прошел мимо зеркала от пола до потолка, в причудливой бронзовой раме. В нем Вуаль увидела солдата с Лин, переброшенной через плечо. А за отражением, глубоко внутри зеркала, что-то зашевелилось – нормальное изображение исчезло – и внезапно резко посмотрело на Шаллан. Оно выглядело как тень человека, но с белыми пятнами вместо глаз.

Вуаль быстро зажмурилась. Вот буря, это еще что?

«Не шевелись. Сохраняй полную неподвижность. Даже не дыши». Бурсвет позволял ей выживать без воздуха.

Охранник спустился по ступенькам, затем открыл дверь и опять пошел вниз по лестнице. Он без особых церемоний бросил ее на камень, швырнул шляпу, а потом повернулся и ушел, закрыв за собой дверь.

Вуаль ждала, сколько сумела, прежде чем открыла глаза и обнаружила, что находится во тьме. Она вздохнула, и ее чуть не вырвало от гнилой, затхлой вони. Страшась и подозревая, что может увидеть, она втянула бурсвет и заставила себя светиться.

Ее бросили рядом с небольшой вереницей трупов. Их было семеро, трое мужчин и четыре женщины – в хорошей одежде, но покрытые спренами гниения и с плотью, изжеванной кремлецами.

Сдержав крик, Шаллан вскочила. Возможно... возможно, это те самые светлоглазые, которые пришли во дворец, чтобы поговорить с королевой?

Схватив шляпу, она взбежала по ступенькам. Это был винный погреб – сводчатое помещение, высеченное прямо в скале. У двери она наконец-то услышала Узора, который разговаривал, но его голос как будто звучал издалека.

– Шаллан? Я почувствовал, что ты мне сказала. Не уходи. Шаллан, ты в порядке? О! Разрушение. Вы уничтожаете некоторые вещи, но расстраиваетесь, когда видите других уничтоженными. Хм... – Он как будто обрадовался, что понял это.

Девушка сосредоточилась на его голосе, на чем-то знакомом. Не на памяти о том, как меч высунулся из ее груди, не на том, с какой черствостью ее сюда швырнули и оставили гнить, не на шеренге трупов с торчащими костями, искаженными лицами, съеденными глазами...

«Не думай. Не видь этого».

Она попыталась выкинуть эти мысли из головы и уперлась лбом в дверь. Потом осторожно приоткрыла ее и увидела пустой коридор с каменными стенами и лестницей, ведущей наверх.

В той стороне было слишком много солдат. Она надела новую иллюзию – обличье служанки из своего альбома. Может, так она вызовет меньше подозрений. По крайней мере, крови теперь не видно.

Она не пошла наверх, но вместо этого углубилась в туннели. Оказалось, это был холиновский мавзолей, полный иных трупов: древних королей, обращенных в статуи. Их каменные глаза преследовали ее в пустых туннелях, пока она не нашла дверь, которая, судя по солнечному свету, проникавшему в щель, вела в город.

– Узор, – прошептала она. – Проверь охрану снаружи.

Он загудел и скользнул под дверь, а затем вернулся через минуту.

– Мм... там их двое.

– Возвращайся, а потом медленно двигайся вдоль стены направо, – сказала она, заряжая его.

Спрен так и сделал, ускользнув под дверь. Звук, который она создала, шел от Узора, когда тот отодвинулся, имитируя голос капитана сверху, который призывал охранников. Вышло не идеально – ведь она не нарисовала этого человека, – но, похоже, сработало. Ноги в ботинках затопали прочь.

Она выскользнула наружу и оказалась у подножия возвышения, на котором располагался дворец, – на скале примерно в двадцати футах над ней. Охранники ушли вправо от нее, и потому Вуаль прошмыгнула на соседнюю улицу и немного пробежалась, радуясь возможности наконец-то выпустить часть скопившейся энергии.

Она рухнула в тени пустого здания, с разбитыми окнами и отсутствующей дверью. Узор, стремглав промчавшись по земле, присоединился к ней. Похоже, охранники ее не заметили.

– Найди Каладина, – попросила она Узора. – Приведи его сюда. Предупреди, что солдаты могут наблюдать из дворца и напасть.

– Мм.

Узор ускользнул. Она сжалась, прислонилась к каменной стене; ее плащ все еще был в крови. После нервного ожидания на улице появился Каладин и кинулся к ней.

– Буря! – воскликнул он, опускаясь рядом на колени. Узор соскользнул с его куртки, радостно гудя. – Шаллан, что с тобой случилось?

– Ну, – проговорила она, – как знаток вещей, которые меня убивали, я думаю, что случилось меч.

– Шаллан...

– Злая сила, которая управляет дворцом, была не очень-то высокого мнения о человеке, который явился с письмом от короля. – Она улыбнулась Каладину. – Можно сказать, мне это очень четко объяснили.

«Улыбнись. Мне нужно, чтобы ты улыбнулся.

Мне нужно, чтобы случившееся было в порядке вещей. Простой факт, который я смогу стряхнуть с себя.

Прошу тебя».

– Что ж... – проворчал Каладин. – Я рад, что нас... колкостью не возьмешь.

Он улыбнулся.

Все хорошо. Просто еще один день, еще одна шпионская вылазка. Он помог ей встать и наклонился, чтобы проверить рану. Она шлепнула его по руке: порез был в неподходящем месте.

– Извини, – смутился Каладин. – Лекарский инстинкт. Обрати в логово?

– Да, пожалуйста. Предпочту, чтобы сегодня меня больше не убивали. Это так выматывает...

64. Скрывающий богов

Разногласия между неболомами и ветробегунами доросли до катастрофических размеров. Я взываю к любому, кто это услышит: признайте, что вы не настолько необычны, как вам кажется.

Из ящика 27–19, топаз



Далинар сунул руку в темную каменную шахту, где он спрятал Клинок чести, принадлежавший убийце. Оружие было там; он нащупал рукоять под выступающим краем.

Князь ожидал больших ощущений от прикосновения к клинку. Мощи? Покальвания? Это было оружие Вестников, вещь настолько древняя, что обычные осколочные клинки выглядели юными по сравнению с ним. Но когда Далинар вытащил меч и встал, он почувствовал только собственный гнев. Это клинок, которым убили его брата. Это клинок, который поверг весь Рошар в ужас, неся смерть светлордам Йа-Кевода и Азира.

Нельзя видеть в этом древнем клинке обыкновенное оружие – всего лишь меч Убийцы в Белом. Далинар прошел в соседнюю, более просторную комнату и осмотрел клинок в свете сфер, которые разложил там на каменной плите. Извилистое лезвие, элегантная рукоять – оружие короля. Йезерезе-Элина.

– Кое-кто предполагает, что ты был одним из Вестников, – заметил Далинар, обращаясь к Буреотцу, который рокотал на задворках его разума. – Йезерезе, Вестник королей, Отец бурь.

Люди говорят много глупых вещей, – ответил Буреотец. – Одни считают, что Буреотец – это Келек, другие – что Йезриен. Я не тот и не другой.

– Но ведь Йезриен действительно был ветробегуном.

Он был до того, как появились ветробегуны. Он был Йезриеном – человеком, чьи силы не имели названия. Они попросту составляли его суть. Ветробегуны были поименованы лишь после того, как Ишар учредил ордена.

– Иши-Элин, – пробормотал Далинар. – Вестник удачи.

Или загадок. Или священников. Или дюжины других вещей, которые ему приписывали люди. Теперь он так же безумен, как и все остальные. Может, даже сильнее.

Далинар опустил Клинок чести и посмотрел на восток, в сторону Изначалья. Даже сквозь каменные стены он знал, где искать Буреотца.

– Тебе известно, где они?

Я ведь уже говорил. Я не вижу всего. Лишь проблески посреди бурь.

– Но ты знаешь, где они?

Только один, – признался Буреотец с рокотом. – Я... я видел Ишара. Он проклинает меня по ночам, а себя называет богом. Он ищет смерти. Собственной. Возможно, и смерти человечества.

Тут и сошлись концы с концами.

– Буреотец!

Да?

– Ох. Это я выругался... забудь. Тезим, бог-жрец Тукара? Это он? Иши, Вестник удачи, – это человек, который воюет с Эмулом?

Да.

– Ради чего?

Он безумен. Не ищи в его поступках смысл.

– Когда... когда ты собирался мне об этом сообщить?

Когда спросишь. А когда еще я мог об этом сказать?

– Когда сам об этом узнал! Буреотец, ты же понимаешь, что это важные вещи!

Спрен в ответ лишь зарокотал.

Далинар перевел дух, пытаясь успокоиться. Спрены мыслили не как люди. Гнев не изменит то, что Буреотец ему рассказал. А что изменит?

– Ты знал о моих способностях? – спросил Далинар. – Ты знал, что я могу исцелять камень?

Узнал, когда ты это сделал, – ответил Буреотец. – Да, как только ты это сделал, я узнал об этом.

– Ты знаешь, что еще я могу делать?

Разумеется. Как только ты откроешь в себе эти силы, я узнаю.

– Но...

Твои силы придут, когда ты будешь к ним готов, не раньше, – перебил Буреотец. – Их нельзя поторопить или принудить. Но не сравнивай свои силы с силами других, даже тех, с кем разделяешь потоки. Их жребий – не твой, их силы – малые, жалкие. То, что ты сделал, соединив те статуи, – всего лишь пустяк, фокус. Тебе принадлежит сила, которой некогда владел Ишар. До того как он стал Вестником удачи, его называли Сковывающим Богов. Он был основателем Клятвенного договора. Ни один Сияющий не способен на большее, чем ты. Ты владеешь связью – силой, которая соединяет людей и миры, умы и души. Твои потоки – величайшие из всех, хотя они покажутся бесполезными, если обратиться к ним во время обычной битвы.

Слова нахлынули на мужчину и как будто надавили, вынуждая отступить. Когда Буреотец договорил, Далинар обнаружил, что не дышит и у него начинает болеть голова. Он инстинктивно втянул бурсвет, чтобы избавиться от боли, и свет в маленькой комнате потускнел. С головой стало лучше, но холодный пот никуда не делся.

– Есть и другие, как я? – наконец спросил он.

Не сейчас, и их может быть только трое. По одному на каждого из нас.

– Три? – переспросил Далинар. – Три спрена создают узокователей. Ты... и Культивация – это два?

Буреотец, как ни странно, рассмеялся.

Тебе пришлось бы нелегко, если бы ты попытался сделать своим спреном ее. Хотел бы я на это взглянуть.

– Тогда кто же?

Не волнуйся из-за моих сородичей.

Тема весьма взволновала Далинара, но он знал, когда следует остановиться. Дальнейший допрос лишь вынудил бы спрена замкнуться.

Далинар крепко сжал рукоять Клинка чести, затем собрал сферы, одна из которых потускнела.

– Я тебя уже спрашивал, как ты их обновляешь? – сменил тему Далинар, поднимая сферу и изучая рубин в центре. Князь удивился, какие камни на самом деле маленькие. Стекло сильно увеличивало их размеры.

Сила Чести во время бури концентрируется в одном месте, – объяснил Буреотец. – Она пронзает все три реальности и ненадолго соединяет физическое начало, разум и начало духовное. Самосветы, подверженные чудесам Духовной сферы, там набираются безграничной силы и начинают светиться.

– Ты можешь обновить эту сферу сейчас?

Я... не знаю. – Судя по голосу, он был заинтригован. – *Протяни руку.*

Далинар так и сделал и ощутил тянущее чувство внутри, как будто Буреотец силился разорвать их узы. Сфера осталась тусклой.

Не получается, – пророкотал спрен. – Я близок к тебе, но сила по-прежнему летит вместе с бурей.

Это было куда больше, чем он обычно получал от Буреотца. Князь надеялся, что все запомнил и сможет в точности повторить Навани, – разумеется, если Буреотец будет слушать, он исправит ошибки Далинара. Буреотец ненавидел, когда его цитировали неверно.

Далинар вышел в коридор, где его ждал Четвертый мост. Он поднял Клинок чести – могущественный артефакт, способный изменять миры. Но, как и осколочные клинки, созданные по его подобию, это оружие не принесет пользы, если его и дальше прятать.

– Это, – заявил он мостовикам, – Клинок чести, который добыл ваш капитан.

Двадцать с лишним мужчин придвинулись ближе, металл отразил их любопытные лица.

– Любой, кто им владеет, – продолжил Далинар, – мгновенно получает силы ветробегуна. В отсутствие капитана вы не можете тренироваться. Возможно, это оружие – пусть им пользуется лишь один человек за раз – немного сократит паузу.

Они разинули рот, глядя на клинок, и потому Далинар передал его первому лейтенанту Каладина – бородатому пожилому мостовику по имени Тефт.

Тефт протянул руку и тут же отдернул.

– Лейтен! – рывкнул он. – Ты шквальный оружейник. Бери эту штуку.

– Я? – растерялся коренастый мостовик. – Да я ведь больше по доспехам...

– Какая разница.

– Но...

– Воздух вам в головы быть, низинники. – Рогоед Камень растолкал товарищей и взял клинок. – Ваш суп холодный быть. Что значит «вы совсем тупые быть». – Рогоед взвесил меч, и его глаза немедленно сделались голубыми и прозрачными как стекло.

– Камень?! – изумился Тефт. – Ты? С оружием в руках?

– Я не собираюсь размахивать этой штукой! – Камень закатил глаза. – Я быть беречь. Вот и все.

– Это осколочный клинок, – предупредил Далинар. – Вы же умеете с ними обращаться, верно?

– Да, сэр, – подтвердил Тефт. – Но все равно может статься, кто-то из шквальных болванов отрежет себе ноги. Но... думаю, мы с его помощью исцелимся, если такое случится. Сигзил, придумай распорядок, чтобы мы могли тренироваться.

«Исцелимся...»

Далинар почувствовал себя глупцом. Опять он что-то упустил. Любой владелец этого клинка обладал возможностями Сияющего. Значит, он мог и лечить себя при помощи бурсвета? Если да, это могло бы оказаться ценной дополнительной функцией оружия.

– Никто не должен узнать, что он у вас, – предупредил мостовиков Далинар. – Полагаю, вы сможете научиться отпускать и призывать его как обычный осколочный клинок. Проверьте, что вам откроется, и доложите мне.

– Сэр, мы хорошо его применим, – пообещал Тефт.

– Прекрасно. – Фабриалевые часы на его предплечье тренькнули, и Далинар подавил вздох. Она придумала, как заставить их звенеть? – А теперь прошу меня простить, я должен подготовиться к встрече с императором за тысячу миль отсюда.

Через некоторое время Далинар стоял на своем балконе. Сцепив руки за спиной, он глядел на транспортные платформы Клятвенных врат.

– Мне часто приходилось иметь дела с ази́рцами, когда я была моложе, – раздался позади него голос Фэн. – Это может не сработать, но такой план гораздо лучше, чем ходить с напыщенным видом, как это обычно делают алетии.

– Мне не нравится, что он идет один, – проворчала Навани.

– По всем сообщениям, – сухо напомнила Фэн, – он получил ножевое ранение в грудь, поднял камень весом примерно в десять человек, а затем начал собирать мой город по камню за раз. Думаю, с ним все будет хорошо.

– Никакое количество бурсвета не поможет, если его запрут в тюрьму, – возразила Навани. – Возможно, мы отправляем его туда, где он станет заложником.

Они спорили ради его блага. Далинар должен был понимать риски. И он понимал. Князь приблизился, чтобы подарить Навани легкий поцелуй. Улыбнулся ей, затем повернулся и протянул руку к Фэн, которая дала ему бумажный пакет, похожий на большой конверт.

– Выходит, это все? – спросил он. – Все три здесь?

– Они отмечены соответствующими глифами, – объяснила Навани. – И даль-перо тоже внутри. Они обещали говорить на алетийском во время встречи – ведь у тебя не будет переводчика с нашей стороны, поскольку ты настоял на том, чтобы идти в одиночку.

– Верно. – Далинар направился к двери. – Хочу попробовать сделать все так, как предложила Фэн.

Навани быстро встала и свободной рукой взяла его за руку.

– Уверю тебя, – пообещал Далинар. – Со мной все будет в порядке.

– Нет, не будет. Но это ничем не отличается от той сотни раз, когда ты уезжал на битву. Возьми. – Она вручила ему коробочку, завернутую в ткань.

– Фабриаль?

– Обед. Неизвестно, когда те люди тебя накормят.

Она завернула его в ткань с охранным глифом. Далинар вскинул бровь, заметив это, и Навани пожала плечами, словно говоря: «Это ведь не помешает, верно?» Она заключила его в объятия, продержала лишнюю секунду – больше, чем позволила бы себе другая алетийка, – потом шагнула назад.

– Мы будем наблюдать за даль-пером. Час без связи – и мы придем к тебе на помощь.

Далинар кивнул. Конечно, он не мог им писать, но мог включать и выключать перо, чтобы посылать сигналы, – известный трюк генерала, который остался без письмоводительницы.

Спустя некоторое время князь вышел на западное плато Уритиру. Пересекая его на пути к Клятвенным вратам, миновал людей, марширующих строем, сержантов, отдающих приказы, гонцов, несущих сообщения. Два его осколочника – Раст и Серугиадис, у которых был только доспех, – упражнялись с массивными осколочными луками, запуская толстые стрелы на сотни

яров в большую соломенную мишень, которую Каладин разместил для них на склоне близлежащей горы.

Много простых солдат сидели вокруг, держа сферы и пристально глядя на них. Распространились слухи о том, что Четвертый мост вербует людей. В последнее время Далинар часто замечал в коридорах людей, которые держали при себе сферы «на удачу». По пути сюда он даже прошел мимо компании, которая обсуждала, не проглотить ли им сферы.

Буреотец недовольно зарокотал.

Они все делают наоборот. Глупцы. Нельзя втянуть свет и стать Сияющим; сперва надо приблизиться к Сиянию и отыскать свет, чтобы выполнить обещание.

Далинар рывкнул на солдат, чтобы вернуться к тренировкам и не вздумали глотать сферы. Они поспешно бросились выполнять указания, придя в ужас оттого, что над ними внезапно возник Черный Шип. Он покачал головой и пошел дальше. К сожалению, его путь лежал мимо учебного боя. Два отряда копейщиков давили друг на друга посреди плато, напрягаясь и пытаясь, учась держать строй под гнетом противника. Копья у них были учебные, тупые, и работать приходилось большей частью щитами.

Далинар увидел тревожные признаки того, что все зашло слишком далеко. Солдаты кричали с неподдельной злостью, и спрены гнева кипели у их ног. Часть строя дрогнула, и, вместо того чтобы отступить, противники снова и снова лупили их своими щитами.

Зеленый и белый по одну сторону, черный и темно-бордовый по другую. Садеас и Аладар. Далинар выругался и направился к бойцам, приказывая им разойтись. Вскоре его призыв подхватили капитаны и командиры. Задние ряды двух учебных отрядов отошли, зато в центре тренировочный бой перешел в потасовку.

Далинар крикнул, и бурсвет блестящей волной хлынул по камням вперед от него. Те, кто не был втянут в драку, отскочили. Остальные застряли: бурсвет приклеил их к земле. Это заставило всех, кроме самых яростных, прекратить побоище.

Он растащил последних драчунов и толкнул, приклеив задницами к камням рядом с их же спренами гнева. Солдаты задергались, а потом увидели его и замерли, раздосадованные.

«Помню, я так же погружался в битву, – подумал Далинар. – Может, это Азарт?» Он в последний раз ощущал это чувство... очень давно. Надо опросить солдат, чтобы проверить, чувствовали ли они то же самое.

Далинар позволил бурсвету испариться, как светящемуся пару. Офицеры Аладара организовано отозвали своих солдат, приказав им заняться гимнастикой. А вот бойцы Садеаса плевали на землю, тяжело вставали и уходили угрюмыми группками, бормоча и сыпля проклятиями.

«Они становятся все хуже», – размышлял Далинар. При Тороле Садеасе эти мужчины были склонны к неряшливости и необоснованной жестокости, но оставались солдатами. Да, они были драчунами, но в бою подчинялись быстро. Годные, пусть и не образцовые бойцы.

Над этими людьми развевалось новое знамя Садеаса. Меридаас Садеас – Амарам – изменил вид глифпары, как было заведено: приземистая башня Садеаса удлинилась, а вместо молота появился топор.

Несмотря на репутацию главнокомандующего, у которого в войске полный порядок, он явно испытывал проблемы с контролем над этими людьми. Он никогда не руководил такой большой армией – и, возможно, убийство великого князя так расстроило солдат, что Амарам не мог ничего сделать.

Аладар не предоставил ничего существенного по убийству Тороля. Расследование должно было продолжаться... но не было никаких зацепок. Спрен этого не делал, но они понятия не имели, где искать виновного.

«Нужно что-то предпринять по поводу солдат Садеаса, – подумал Далинар. – Нужно какое-то дело, чтобы они уставали и не ввязывались в драки...»

Возможно, у него было кое-что подходящее. Далинар размышлял об этом, поднимаясь по рампе к самой платформе Клятвенных врат и пересекая пустое поле. В контрольном здании его дожидалась Ясна. Принцесса читала книгу и что-то записывала.

– Что так долго? – спросила она.

– На плацу едва не случился бунт, – объяснил Далинар. – Два учебных отряда сцепились и начали лупить друг друга.

– Садеас?

Он кивнул.

– Надо с ними что-то сделать.

– Я тут подумал. Может, тяжелый труд – под строгим надзором – в разрушенном городе окажется именно тем, что требуется.

Ясна улыбнулась:

– Как удобно, что мы сейчас оказываем именно такую помощь королеве Фэн. Устрой так, чтобы солдаты Садеаса работали до изнеможения, но надо позаботиться о том, чтобы они были у нас под контролем.

– Начнем с небольших отрядов, чтобы удостовериться, что мы не отправим Фэн еще одну проблему, – согласился Далинар. – Новости о королевской миссии в Холинар есть?

Как и ожидалось, Буреотец не смог дотянуться ни до кого из отряда, чтобы переместить в видение, – Далинар бы и не стал так рисковать, – но у Элокара и Шаллан было несколько даль-перьев.

– Никаких. Мы продолжим следить и сообщим, как только получим какой-нибудь сигнал.

Князь кивнул и задвинул на дальний план свое беспокойство за Элокара и сына. Он должен был верить, что в конце концов они сумеют выполнить задание или отыщут способ сообщить, что им мешает.

Ясна призвала осколочный клинок. С мечом в руках она выглядела на удивление естественно.

– Готов?

– Да.

Девчонка-реши, Крадунья, получила у азирского двора разрешение открыть Клятвенные врата с их стороны. Император наконец-то пожелал встретиться с Далинаром во плоти.

Ясна запустила устройство, повернув внутреннюю стену, и пол замерцал. Снаружи вспыхнул свет, и тотчас же в дверные проемы хлынула душная жара. Судя по всему, в Азире лето было в самом разгаре.

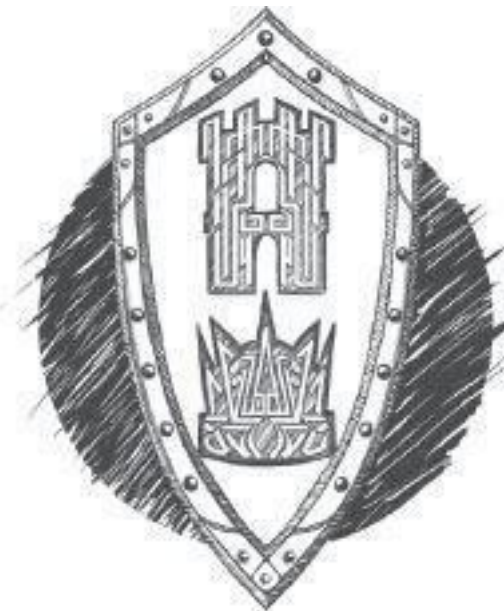
Здесь даже пахло по-другому. Экзотическими пряностями и чем-то более тонким вроде незнакомых разновидностей древесины.

– Удачи, – бросила Ясна, выходя из комнаты.

Позади опять вспыхнуло, когда она вернулась в Уритиру, оставив его одного в ожидании встречи с азирским императорским двором.

65. Вердикт

*Теперь, когда мы покидаем башню, могу я наконец-то признаться,
что ненавижу это место? Слишком уж много правил.
Из ящика 8-1, аметист*



Воспоминания взвихрились в памяти Далинара, когда он шел по длинному коридору за пределами контрольного здания в Азимире. Великий рынок, как его называли, был громадным крытым сооружением, над которым высился великолепный бронзовый купол. Это обещало неудобства, когда Далинару понадобится использовать Клятвенные ворота полностью.

Сейчас он не видел рынка; контрольное здание – к которому здесь относились как к какому-то монументу – было окружено деревянными стенами и новым коридором. Людей нет, освещен расставленными вдоль стен сферными лампами. Сапфиры. Совпадение или знак уважения гостю из рода Холин?

Коридор вывел в маленькую комнату, где замер строй азирских солдат. Они были в позолоченных кольчугах, в разноцветных шапках, с огромными щитами и топориками на очень длинных древках. Вся группа вздрогнула, когда Далинар вошел, и попятилась, грозно выставив оружие.

Далинар раскинул руки: в одной был пакет Фэн, в другой – узел с едой от Навани.

– Я безоружен.

Солдаты что-то протараторили на азирском. Он не видел ни Верховного, ни маленькой Сияющей, хотя люди в узорчатых одеяниях были визирями и отпрысками – и те и другие являлись азирскими версиями ревнителей. Только вот здесь ревнители вмешивались в управление государством куда сильнее, чем надлежало.

Вперед вышла женщина; ее экстравагантное многослойное одеяние шуршало на ходу. Наряд дополняла шляпа в том же стиле. Она была важной персоной и, возможно, собиралась переводить для него сама.

«Время для первой атаки», – подумал Далинар. Он открыл пакет, который дала Фэн, и вытащил четыре листа бумаги.

Передав листы женщине, князь с удовольствием увидел в ее глазах потрясение. Она нерешительно забрала их и позвала спутников. Те присоединились к ней, столпившись перед Дали-

наром, отчего охранники явно забеспокоились. Несколько вытащили треугольные каттари – популярную здесь, на западе, разновидность короткого меча. Далинар всегда хотел себе такой.

Ревнителю отошли за линию солдат, оживленно разговаривая. Согласно их плану, после обмена любезностями в этой комнате Далинар должен был немедленно вернуться в Уритиру, после чего азирыцы намеревались запереть Клятвенные ворота со своей стороны. Князю дома Холин требовалось большее. Какой-то альянс или, по крайней мере, встречу с императором.

Один из ревнителю начал читать бумаги остальным. Текст был написан на азирском, смешном языке, чей алфавит из маленьких значков превращал слова в цепочки кремлецовых следов. Ему не хватало элегантных, размашистых вертикалей женского алетийского письма.

Далинар закрыл глаза, прислушиваясь к незнакомому языку. Как и в Тайлене, его на миг охватило чувство, что он вот-вот начнет понимать сказанное. Он тянулся к смыслу и ощущал, что расстояние невелико.

– Ты ведь можешь помочь мне понять? – шепотом спросил он Буреотца.

С чего ты взял?

– Не лукавь, – попросил Далинар. – В видениях я говорил на других языках. Ты можешь сделать так, чтобы я заговорил по-азирски.

Буреотец недовольно зарокотал.

Это был не я, – наконец признался он. – Это ты.

– И как этим пользоваться?

Попытайся прикоснуться к кому-то из них. С помощью Духовной Адгезии ты можешь создать связь.

Далинар взглянул на группу враждебно настроенных охранников, затем вздохнул и изобразил рукой, будто пьет. Солдаты обменялись резкими словами, потом одного из самых младших выпихнули вперед с большой флягой. Далинар кивнул в знак благодарности, а потом, глотнув воды из сосуда, схватил молодого человека за запястье и не отпустил.

Буресвет! – пророкотало у него в голове.

Далинар перенаправил буресвет в юношу и что-то почувствовал – как будто из соседней комнаты раздался дружелюбный возглас. Надо было всего лишь войти. После аккуратного толчка дверь открылась – и звуки переплелись, струясь в воздухе. Потом, словно музыка сменила тональность, они из бессмыслицы превратились в понятную речь.

– Капитан! – верещал молодой охранник, которого держал Далинар. – Что мне делать? Он поймал меня!

Далинар разжал хватку – и, к счастью, продолжил понимать язык.

– Прости, солдат, – извинился он, возвращая флягу. – Я не хотел тебя испугать.

Юноша попятился к своим товарищам.

– Военачальник говорит на азирском?! – Он удивился так, будто встретил говорящего чулла.

Далинар сцепил руки за спиной и уставился на ревнителю. «Ты настойчиво думаешь о них как о ревнителях, – одернул он самого себя, – потому что они, и мужчины и женщины, могут читать». Но он больше не в Алеткаре. Несмотря на громоздкие одежды и большие шляпы, азиры никак не прятали защищенные руки.

Солнцетворец, предок Далинара, утверждал, что азирыцы нуждаются в цивилизации. Интересно, хоть кто-то из его современников поверил такому доводу или все понимали, что это просто повод для нападения?

Визирю и отпрыски закончили читать и повернулись к Далинару, опустив листы, которые он им вручил. Он согласился с планом королевы Фэн, который исходил из того, что Азир мечом не завоевать. Взамен Далинар привез другое оружие.

Эссе.

– Алети, ты действительно говоришь на нашем языке? – спросила главная из визирей. У нее было круглое лицо, темно-карие глаза и шапка, покрытая яркими узорами. Седеющие волосы были заплетены сбоку в тугую косу.

– Недавно у меня появилась возможность его выучить, – сказал Далинар. – Вы визирь Нура, полагаю?

– Это действительно написала королева Фэн?

– Собственноручно, ваша милость. Вы вправе обратиться в Тайлен за подтверждением.

Они опять сгрудились, чтобы посовещаться приглушенными голосами. Эссе было длинным, но в нем убедительно обосновывалась экономическая ценность Клятвенных врат для городов, в которых те располагались. Фэн утверждала, что отчаянное стремление Далинара выковать альянс являло собой прекрасную возможность обеспечения выгодных долгосрочных торговых отношений при посредничестве Уритиру. Даже если у азирицев не было планов полностью присоединиться к коалиции, им стоит начать переговоры об использовании Клятвенных врат и послать делегацию в башню.

Королева потратила много слов для изложения очевидных вещей – и это была именно та вещь, на которую Далинару не хватало терпения. Он надеялся, что такой вариант окажется безупречным для азирицев. А если его будет недостаточно... что ж, Далинар никогда не отправлялся на битву, не имея свежих войск в резерве.

– Ваше высочество, – заявила Нура, – хоть мы и впечатлены тем, что вы выучили наш язык... и даже учитывая убедительные доводы, представленные в этом документе... мы думаем, лучше всего будет, если...

Она осеклась, увидев, как Далинар сунул руку в пакет и вытащил еще пачку листов – на этот раз их было шесть. Он поднял листы, словно зная, потом протянул визирям. Ближайший охранник отпрыгнул, и его кольчуга зазвенела.

В комнатке стало тихо. Наконец охранник принял бумаги, отнес визирям и отпрыскам. Один из них, коротышка, начал негромко читать: это было подготовленное Навани подробное описание чудес, которые они открыли в Уритиру, вместе с официальным приглашением азириским ученым посетить башню, где с ними поделятся знаниями.

Она высказывала логичные доводы относительно важности новых фабрикалей и технологий в борьбе с Приносящими пустоту. Навани включила схемы палаток, которые помогли им сражаться во время Плача, и объяснила свои теории относительно парящих башен. Потом, с разрешения Далинара, сделала азирицам подарок: подробную схему, принесенную Таравангианом из Йа-Кевода, объясняющую создание так называемых полуосколков, фабрикалевых щитов, которые могли выдержать несколько ударов осколочного клинка.

«Враг объединился против нас, – говорилось в завершении ее послания. – У них есть уникальные преимущества в виде целеустремленности, согласованности и воспоминаний, охватывающих далекое прошлое. Чтобы сопротивляться, понадобятся величайшие умы всех народов – алети, азирицев, веденцев и тайленцев. Я свободно выдаю государственные тайны, ибо дни, когда можно было стеречь собранные знания, миновали. Ныне нам предстоит либо вместе учиться, либо пасть по отдельности».

Закончив, визири начали передавать друг другу схемы, изучая их в течение длительного времени. Когда группа снова посмотрела на Далинара, он увидел, что их отношение к нему меняется. Ну надо же, получается!

Впрочем, он мало что знал о сочинениях, но обладал боевым чутьем. Когда противник задыхается, нельзя позволить ему прийти в себя. Надо вогнать меч прямо в глотку.

Далинар сунул руку в пакет и достал последний документ: единственный лист, исписанный с двух сторон. Он поднял его двумя пальцами. Азирицы вытаращили глаза, как будто им продемонстрировали сияющий самосвет, чья ценность не поддается оценке.

На этот раз визирь Нура сама вышла вперед и взяла его.

– «Вердикт», – прочитала она заголовок. – Автор – Ясна Холин.

Остальные протолкались сквозь стражников и принялись читать сами. Хотя это было удивительно короткое эссе, Далинар услышал, как они шепчутся и изумляются ему.

– Поглядите, здесь есть все семь логических форм Акку!

– Это отсылка к «Великой ориентации». И... клянусь бурей... она цитирует Верховного Касимарликса в три последовательных этапа, и каждый поднимает одну и ту же цитату на новый уровень Высочайшего Понимания.

Одна женщина прижала руку ко рту.

– Это написано полностью в одном ритмическом метре!

– Великий Яэзир... – пробормотала Нура. – Ты права.

– Аллюзии...

– Какая игра слов...

– Порыв и риторика...

Вокруг них появилось множество спренов логики в виде маленьких буревых туч. Потом почти одновременно отпрыски и визири повернулись к Далинару.

– Это произведение искусства! – заявила Нура.

– Оно... убедительное? – уточнил Далинар.

– Оно заслуживает дальнейшего рассмотрения, – призналась Нура, взглянув на остальных, которые закивали. – Ты действительно пришел один. Мы этим потрясены – разве ты не беспокоишься за свою безопасность?

– Ваша Сияющая, – объяснил Далинар, – доказала свою мудрость, невзирая на юные годы. Уверен, я могу доверить ей свою безопасность.

– Сомневаюсь, что ей можно доверить хоть что-то, – бросил один из мужчин, коротко рассмеявшись. – Разве что мелочь из кармана вычистить.

– Как бы то ни было, – продолжил Далинар, – я пришел сюда, чтобы попросить вас о доверии. Это казалось лучшим доказательством моих намерений. – Он раскинул руки в стороны. – Не отсылайте меня назад прямо сейчас. Давайте поговорим как союзники, а не переговорщики в палатке на поле боя.

– Я передам эти сочинения Верховному и его официальному совету, – наконец приняла решение визирь Нура. – Признаю, ты ему нравишься, невзирая на необъяснимое вторжение в его сны. Идем с нами.

Это уведет его от Клятвенных врат и единственного шанса попасть домой, если что-то пойдет не так. Но ведь Далинар надеялся, что его пригласят.

– С радостью, ваша милость.

Они шли по извилистой дорожке через рынок под куполом, который теперь был пуст, как город-призрак. Многие улицы оканчивались баррикадами под охраной солдат.

Азирцы превратили Большой рынок Азимира во что-то вроде крепости наоборот, которая должна была защитить город от опасности, способной явиться через Клятвенные врата. Если войска неприятеля прорвутся через контрольное здание, они окажутся в сбивающем с толку лабиринте улиц. К несчастью для азирцев, врата не ограничивались контрольным зданием. Сияющий мог заставить весь рынок исчезнуть, заменив его на войско посреди Азимира. Придется им это объяснить, деликатно подбирая слова.

Далинар отправился с визирем Нурой, за ними последовали прочие книжники, которые снова принялись передавать друг другу эссе. Нура с ним не разговаривала, и Далинар не питал иллюзий. Это путешествие по темным крытым улицам – с рыночными зданиями, построенными вплотную, и извилистыми тропами – должно было сбить его с толку, если он попытается запомнить дорогу.

В конце концов они выбрались на второй уровень и через дверной проем вышли на выступ вдоль наружного края купола. Умно! Отсюда Далинар увидел, что выходы с рынка на первом этаже завалены или запечатаны. Единственным способом выбраться наружу оставалась лестница, ведущая к его платформе вдоль поверхности большого бронзового купола, а потом надо было спуститься по еще одной лестнице.

С этой верхней наклонной плоскости он увидел часть Азимира – и вздохнул с облегчением оттого, как мало было в городе разрушений. Похоже, в западной части города кое-какие районы лежали в руинах, но в целом Азимир пережил Бурю бурь неплохо. Большинство построек здесь из камня, и огромные купола – многие были покрыты красновато-золотой бронзой – отражали солнечный свет, что было невероятно красиво. Люди носили яркие одежды с узорами, которые здешние письмоводительницы могли читать, словно надписи на особом языке.

Этот летний сезон оказался гораздо теплее обычного. Далинар повернулся к востоку. Где-то в том направлении, в пограничных горах, лежал Уритиру – куда ближе к Азиру, чем к Алеткару.

– Сюда, Черный Шип, – позвала Нура, начиная спускаться по деревянному пандусу. Тот держался на деревянных же подпорках. Увидев эти стойки, Далинар на миг погрузился в некое сюрреалистичное воспоминание. Он уже глядел на какой-то город сверху и видел похожие деревянные подпорки...

«Раталас, – подумал он. – Разлом». Город, который восстал. Точно. Далинар ощутил озноб и давление – нечто скрытое пыталось пробиться в его сознание. О том месте он должен был что-то вспомнить.

Он спустился по пандусу и воспринял как знак уважения то, что купол окружили два войсковых подразделения.

– Разве им не следует быть на стенах? – поинтересовался Далинар. – Что, если Приносящие пустоту нападут?

– Они увязли в Эмуре, – ответила Нура. – Большая часть той страны в огне – если не из-за паршунов, то из-за армий Тезима.

Тезим. Вестник. «Он ведь не перейдет на сторону врага?» Возможно, лучшим, на что они могли надеяться, была война между Приносящими пустоту и армиями безумного Вестника.

Внизу их ждали рикши. Нура присоединилась к нему в одной из повозок. Это было что-то новенькое: их тянул человек, запряженный как чулл. Хоть повозка и двигалась быстрее паланкина, Далинар нашел ее куда менее величественной.

Город был устроен очень упорядоченно. Навани всегда этим восхищалась. Далинар высматривал новые признаки разрушений, и хотя кое-что обнаружил, ему бросилась в глаза другая странность. Небольшие группы людей в ярких жилетах, просторных штанах или юбках и узорчатых шапках. Они кричали о несправедливости, и пусть вид у них был сердитый, их окружали спрены логики.

– Что это за люди? – спросил Далинар.

– Протестующие. – Визирь посмотрела на него и явно заметила растерянность. – Они подали официальную жалобу, возражая против приказа покинуть город и работать на фермах. Это дало им месяц на обнародование своих обид, прежде чем их принудят повиноваться.

– Они могут просто... послушаться императорского приказа?

– Полагаю, ты бы пригрозил мечом. А вот мы здесь все делаем иначе. Есть процедуры. Наши люди – не рабы.

Далинар невольно оскорбился; она мало что знает об Алеткаре, если предполагает, что темноглазыми алети помыкают, словно чуллами. У низших классов имелись давние традиции, связанные с их положением в обществе.

– Тем людям, – понял он, – приказали отправиться в поля из-за того, что вы потеряли паршунов.

– Поля еще не засеяны, – подтвердила Нура с отрешенным взглядом. – Они как будто знали, когда лучше всего нанести удар, покинув нас. Мы вынуждены принуждать плотников и башмачников к физическому труду, лишь бы предотвратить голод. Может, мы сумеем прокормиться, но торговля и инфраструктура будут уничтожены.

В Алеткаре этому уделяли не так уж много внимания, поскольку важнее было отвоевать королевство. В Тайлене катастрофа была физической, город превратился в руины. Оба государства даже не осознавали степень экономической катастрофы.

– Как это произошло? – спросил Далинар. – Как ушли паршуны?

– Они собрались во время бури. Покинули дома и вошли напрямик в стихию. Согласно кое-каким сообщениям, паршуны утверждали, что слышат бой барабанов. В других сообщениях – все они очень противоречивы – говорится, что паршунами руководили спрены. Они собрались огромной толпой у городских ворот, распахнули их и под дождем вышли на равнину, окружающую город. А на следующий день потребовали официального финансового возмещения за ненадлежащее присвоение их труда. Они утверждали, что подраздел правил, освобождающих паршунов от выплаты жалованья, является внеправовым, и подали судебное ходатайство. Мы начали переговоры – должна признаться, странный опыт, – но потом кто-то из вожakov приказал им отправиться в поход.

Любопытно. Алетийские паршуны повели себя как алетии – тотчас же начали готовиться к войне. Тайленские отправились в море. А азирские... что ж, они поступили типично азирским образом: начали судиться с властями.

Пришлось проявить осторожность и выкинуть из головы мысли о том, насколько это забавно, хотя бы по той причине, что Навани предупредила его не задирать азирицев. Алетии любили над ними подшучивать – говорили, если оскорбить солдата-азирца, он подаст заявку на получение возможности оскорбить тебя в ответ. Но это была карикатура – не более точная, чем убежденность Нуры в том, что его собственный народ всего добивается мечом и копьем.

Во дворце Далинар попытался последовать за Нурой и другими письмоводителями в главное здание, но вместо этого солдаты направили его к небольшому флигелю.

Он крикнул вслед Нуре:

– Я надеялся лично поговорить с императором.

– К сожалению, это ходатайство не может быть удовлетворено, – отозвалась она.

Группа покинула его и зашагала в направлении самого большого дворца – величественного бронзового здания с куполами-луковицами.

Солдаты оставили его одного в узкой комнате с низким столиком в центре и красивыми диванами по бокам. Сами они заняли позиции снаружи. Это была не совсем тюрьма, но ему явно не позволялось бродить без присмотра.

Он вздохнул и сел на диван, положив свой обед на стол возле тарелок с сушеными фруктами и орехами. Он вытащил даль-перо и отправил Навани краткий сигнал, означающий «время», – условный знак: ему нужно дать еще час, прежде чем паниковать.

Далинар поднялся и начал ходить из угла в угол. И как только люди это выдерживают? В бою побеждаешь или проигрываешь, исходя из силы оружия. К концу дня узнаешь, чего ты стоишь.

Эти бесконечные разговоры порождали в нем сильную неуверенность. Могут ли визири отклонить эссе? Репутация Ясны явно была сильна даже здесь, но Далинару показалось, что их больше впечатлила форма изложения, а вовсе не доводы.

Ты всегда из-за этого переживал, верно? – спросил Буреотец в его голове.

– О чем?

О том, что миром будут править перья и письмоводительницы, а не мечи и генералы.

– Я... – начал Далинар и осекся. «О, кровь предков». Буреотец сказал правду.

Может, потому он и настоял, что будет вести переговоры сам? Не отправил послов? Неужели причина в том, что в глубине души Далинар не доверял их позолоченным фразам и замысловатым обещаниям, содержащимся в документах, которые он не мог прочесть? В том, что эти кусочки бумаги каким-то образом оказывались крепче самого мощного осколочного доспеха?

– Состязания королевств, по идее, мужское искусство, – заявил он. – Я должен заниматься такими вещами сам.

Буреотец зарокотал, но без недовольства. Он просто... захихикал?

Далинар наконец-то устроился на одном из диванов. Может, поесть... только вот его завернутый в ткань обед лежал открытый, столешницу усеивали крошки, в деревянной корбочке осталось, наверное, всего лишь несколько капель карри. Это еще что такое, во имя Рошара?

Он медленно перевел взгляд на диван напротив. Худошавая реши, одетая в чрезмерно просторное азирское платье и шапку, сидела не как положено, а на спинке. Она грызла сосиску, которую Навани упаковала вместе с обедом, чтобы порезать ее в карри.

– Че-то банально, – протянула девчонка.

– Солдатский рацион, – потрясенно ответил Далинар. – Мне такая еда нравится.

– Потому что ты банальный?

– Предпочитаю не уделять пище слишком много внимания. Ты тут была все время?

Она пожала плечами, продолжая уплетать его обед.

– Ты что-то такое сказал. Про людей?

– Я... начал понимать, что мне не нравится, что письмоводительницы управляют судьбами государств. Вещи, которые пишут женщины, сильнее моих войск.

– Ага, логично. Многие мальчики боятся девчонок.

– Я не...

– Говорят, это с возрастом проходит, – продолжила она, наклоняясь вперед. – Мне не узнать, потому что я не вырасту. Я поняла как. Просто надо перестать есть. Люди, которые не едят, не растут. Легко.

Все это она произнесла с набитым ртом, уминая его обед.

– Легко, – согласился Далинар. – Не сомневаюсь.

– Могу начать в любой день, – сообщила она. – Ты будешь эти фрукты, или...

Он наклонился и подтолкнул к ней две миски с сушеными фруктами. Она набросилась на угощение. Далинар откинулся на спинку дивана. Девочка казалась такой неуместной. Хотя она и была светлоглазой – с бледными, чистыми радужками, – здесь, на западе, это не имело особого значения. Королевские одежды были ей слишком велики, и она не позаботилась о том, чтобы собрать волосы в хвост и спрятать под шапкой.

Вся эта комната – да и город в целом – была упражнением в показушности. Металлические листы покрывали купола, повозки рикш и даже значительные части стен в помещении. Азирцы владели всего лишь несколькими духозаклинателями и, как всем было известно, с их помощью создавали бронзу.

Ковры и диваны пестрели яркими оранжево-красными узорами. Алети выбирали однотонную одежду, время от времени украшая ее вышивкой. Азирцы предпочитали, чтобы их узоры выглядели как произведение художника, которого обуял приступ чихания.

И посреди всего этого – девочка, которая выглядела так просто. Она плыла сквозь показуху, но та к ней не прилипала.

– Крепкий Зад, я послушала, о чем они там болтали, – заявила Крадунья. – До того, как пришла сюда. Сдается мне, тебе откажут. У них, видишь ли, имеется палец.

– По-моему, у них много пальцев.

– Не-а, этот лишний. Сушеный, выглядит так, словно принадлежал бабушке чьей-то бабушки, но на самом деле он императорский. Звали его Сморгун или как-то вроде...

– Сноксиль?!

– Ага. Он самый.

– Он был Верховным, когда мой предок разграбил Азимир, – со вздохом признался Далинар. – Это реликвия.

Азирцы бывали суеверными, невзирая на любовь к логике, научным сочинениям и сводам законов. Вероятно, реликвию использовали во время обсуждений в качестве напоминания о последнем случае, когда алетии явились в Азир.

– Ага, ну, я-то знаю, что он покойник и ему не надо переживать из-за... из-за...

– Вражды.

Девочка-реши заметно вздрогнула.

– Ты не могла бы поговорить с визирями? – спросил Далинар. – Сказать им, что, по-твоему, поддержать мою коалицию – хорошая идея? Они прислушались к тебе, когда ты попросила открыть Клятвенные врата.

– Не, они к Гоксу прислушались, – возразила она. – Ребята, которые управляют городом, меня не слишком-то жалуют.

Далинар хмыкнул:

– Тебя зовут Крадунья, верно?

– Верно.

– И каков твой Идеал?

– Побольше еды.

– Я имел в виду, к какому ордену Сияющих рыцарей ты принадлежишь. Какие у тебя силы?

– А-а. Я... это... гранетанцор? Умею скользить и все такое.

– Скользить?

– Это действительно весело. За исключением случаев, когда я во что-то врезаюсь. Тогда это просто забавно.

Далинар наклонился вперед, снова сожалея о том, что не может просто пойти и поговорить со всеми дурнями и письмоводительницами.

«Нет. Нет. Хоть раз доверься кому-то другому, Далинар».

Крадунья взглянула на него искоса:

– Хм... Ты пахнешь, как она.

– Она?

– Чокнутый спрен, который живет в лесу.

– Ты встречалась с Ночехранительницей?

– Ага... а ты?

Далинар кивнул.

Они сидели, чувствуя неловкость, пока девчонка не подвинула к нему одну из мисок с сушеными фруктами. Князь взял какой-то фрукт и принялся молча жевать, а она взяла другой.

Они съели всю миску, ни о чем не разговаривая, а потом открылась дверь. Далинар вздрогнул. На пороге стояла Нура в сопровождении других визирей. Бросив взгляд на Крадунью, женщина улыбнулась. Похоже, Нура была о девочке не такого уж плохого мнения, как та считала.

Далинар встал; его охватил страх. Князь подготовил доводы, мольбы. Они должны...

– Император и его совет, – провозгласила Нура, – решили принять твое приглашение в Уритиру.

Далинар прикусил язык. Она правда сказала «принять»?

– Верховный Эмула почти достиг Азира, – продолжила Нура. – Он привел с собой Мудреца, и они наверняка с готовностью присоединятся к нам. К несчастью, вследствие нападения паршунов Эмул сейчас лишь бледная тень былого. Подозреваю, он с радостью примет помощь из любого источника, и эта твоя коалиция его порадует. У князя Ташикка в городе есть посол – его брат. Он тоже придет, и, согласно донесениям, княгиня Йезира прибудет лично, чтобы молить о помощи. Мы с ней разберемся. Я думаю, она просто верит, что в Азимире безопаснее. Княгиня, так или иначе, живет здесь по полгода. У Альма и Деша в Азимире есть послы, а Лиафор всегда с готовностью присоединяется к нам в любых делах, при условии что им позволят взять на себя обслуживание шквальных совещаний. По поводу Стина, этой кучки хитрецов, ничего сказать не могу. Сомневаюсь, что тебе нужен король-жрец Тукара, а Марат захвачен. Но мы можем собрать для обсуждений значительную часть империи.

– Я... – Далинар запнулся. – Спасибо!

Все действительно получилось! Как они и надеялись, все зависело от Азира.

– Твоя супруга написала хорошее эссе, – похвалила Нура.

Он вздрогнул:

– Вас убедило сочинение Навани? Не Ясны?

– Каждый из трех доводов был взвешен и одобрен, и донесения из Тайлена обнадеживают, – сказала Нура. – Это сыграло немалую роль в принятии решения. Но хотя то, что написала Ясна Холин, впечатляет именно в той степени, какую подсказывает ее репутация, в заявлении леди Навани было что-то... более искреннее.

– Она одна из самых искренних людей, которых я знаю. – Далинар расплылся в дурацкой улыбке. – И у нее отлично получается добиваться желаемого.

– Позволь провести тебя обратно к Клятвенным вратам. Мы свяжемся по поводу визита Верховного в ваш город.

Князь собрал свое даль-перо и попрощался с Крадуньей, которая помахала ему, стоя на спинке дивана. Небо выглядело ярче, когда визири сопровождали его обратно к куполу, под которым разместились Клятвенные врата. Когда они забирались в повозки рикш, Далинар слышал взволнованные разговоры; похоже, принятое решение их радовало.

Холин молчал на протяжении поездки, опасаясь сказать что-нибудь лишнее и тем самым все испортить. Но когда они вошли в рыночный купол, он воспользовался возможностью сообщить Нуре, что с помощью Клятвенных врат можно перемещать все, включая и сам купол.

– Боюсь, это куда более серьезная угроза безопасности, чем вам кажется, – договорил он, когда они достигли контрольного здания.

– А что получится, – спросила Нура, – если мы построим здание наполовину на плато? При перемещении его разрежет надвое? А если человек будет одной ногой на платформе, другой – снаружи?

– Этого мы не знаем, – признался Далинар, включая и выключая даль-перо в последовательности, которая оповещала Ясну, чтобы та запустила Клятвенные врата и забрала его.

– Должна признаться, – негромко проговорила Нура, пока остальные визири о чем-то болтали позади нее. – Мне... не нравится, что меня отодвинули в сторону. Я верно служу императору, но мне не нравится сама идея этих твоих Сияющих, Далинар Холин. Эти силы опасны, и древние рыцари в конце концов оказались предателями.

– Я постараюсь тебя переубедить. Мы докажем, на что способны. Мне нужен лишь шанс.

Клятвенные врата вспыхнули, и внутри появилась Ясна. Далинар уважительно поклонился Нуре и вошел в контрольное здание.

– Черный Шип, ты не такой, каким я ожидала тебя увидеть, – бросила вслед Нура.

– А чего ты ожидала?

– Зверя, – откровенно сказала она. – Получеловека, порождение войны и крови.

Что-то в сказанном поразило его. Зверь... Дрогнули отголоски воспоминаний.

– Я был таким, – признался Далинар. – Мне повезло – мне была ниспослана милость в виде достаточного количества хороших примеров для подражания. – Он кивнул Ясне, и та изменила положение меча, поворачивая стену, чтобы запустить перенос и вернуть их в Ури-тиру.

Навани ждала снаружи здания. Далинар вышел и заморгал от солнечного света, ощутил горный холод. Он широко ей улыбнулся и открыл рот, собираясь рассказать о том, к чему привело ее эссе.

«Зверь... зверь делает то, к чему его подталкивают...»

Воспоминания.

«Если его отхлестать, он взбесится».

Далинар споткнулся.

Он смутно услышал, как Навани вскрикнула и позвала на помощь. Перед глазами у него все закружилось, и он упал на колени, охваченный сильнейшим приступом тошноты. Вцепился в камень, ломая ногти, застонал. Навани... Навани звала лекаря. Она решила, что его отравили.

Но все было не так. Все было гораздо хуже.

Буря свидетельница, он... вспомнил. Воспоминания обрушились на него, словно тысяча валунов.

Он вспомнил, что случилось с Эви.

Все началось в холодной крепости, в высокогорье, которое когда-то принадлежало Йа-Кеведу.

А закончилось в Разломе.

66. Стратег



ОДИННАДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД

Дыхание Далинара застыло облачком, когда он оперся о каменный подоконник. В комнате позади него солдаты перетаскивали стол с разложенной на нем картой.

– Взгляни туда, – велел Далинар, указывая на что-то за окном. – Видишь тот выступ внизу?

Адолин, которому теперь было двенадцать – уже почти тринадцать – лет, высунулся из окна. Снаружи стена каменной крепости выдавалась на уровне второго этажа, из-за чего забраться по ней наверх было бы сложно, однако каменная кладка обеспечила удобную опору в виде выступа прямо под окном.

– Вижу, – подтвердил Адолин.

– Хорошо. Теперь смотри. – Далинар махнул рукой солдатам в комнате, и один из них дернул за рычаг. Каменный выступ втянулся в стену.

– Он движется! – вскричал Адолин. – Сделай это еще раз!

Солдат подчинился и с помощью рычага заставил выступ сперва высунуться, а потом снова втянуться в стену.

– Здорово! – Адолина, как обычно, переполняла энергия. Сумей Далинар использовать ее на поле боя, для победы ему не понадобились бы осколки.

– Как думаешь, для чего это построили? – спросил Далинар.

– Если кто-то будет взбираться по стене, можно сделать так, что он упадет!

– Защита от осколочников. – Далинар кивнул. – От падения с такой высоты доспех треснет. Еще в крепости имеются специальные коридоры – они слишком узки для того, чтобы как следует сражаться в доспехе и с мечом.

Далинар улыбнулся. Кто знал, что такая драгоценность прячется в высокогорье между Алеткаром и Йа-Кеведом? Эта одинокая крепость окажется хорошей преградой, если и впрямь вспыхнет настоящая война с веденцами.

Он жестом попросил Адолина отойти назад, затем закрыл окно и потер замерзшие руки. Комната была украшена в стиле охотничьего домика, с развешанными на стенах трофеями забытой охоты на большепанцирников. Один из солдат разжигал пламя в очаге.

Стычки с веденцами постепенно сходили на нет. Хотя несколько последних сражений оказались разочаровывающими, Далинар испытывал безграничное удовольствие оттого, что с ним сын. Адолин, разумеется, не участвовал в битвах, но присоединялся к остальным во время тактических совещаний. Далинар сперва полагал, что генералов будет раздражать присутствие ребенка, но обижаться на маленького Адолина было трудно. Он был очень серьезным и проявлял сильную заинтересованность.

Пора вернуться к младшим офицерам Далинара за столом с картой.

– Итак, – сказал Черный Шип сыну, – давай проверим, насколько ты был внимательным. Где мы сейчас?

Адолин наклонился и указал точку на карте:

– Это наша новая крепость, которую ты отвоевал для короны! Вот тут раньше пролегла граница. А синим нарисованы новые земли, которые мы забрали у воров-веденцев. Они удерживали наши владения целых двадцать лет!

– Отлично, – похвалил Далинар. – Но мы выиграли не только землю.

– Торговые договоры! – воскликнул Адолин. – Ради них и пришлось затеять ту официальную церемонию. Ты и тот веденский великий князь, в парадной униформе. Мы заполучили право купить уйму вещей задешево.

– Да, но это не самое важное из того, что мы выиграли.

Адолин нахмурился:

– Э-э... лошади...

– Нет, сын, самая важная вещь, которую мы заполучили, – это легитимность. Подписав новый договор, веденский король признал, что Гавилар – законный правитель Алеткара. Мы не просто защитили свои границы, мы предотвратили большую войну, ибо теперь веденцы признают нашу власть.

Адолин кивнул.

Отрадно было видеть, как многого можно добиться в политике и торговле, в огромном количестве убивая солдат противника. Эти последние годы, полные стычек, напомнили Далинару, для чего он живет. Более того, они дали ему что-то новое. В молодости он воевал, а по вечерам пил со своими солдатами. Теперь же должен объяснить свой выбор, озвучить его для ушей нетерпеливого мальчика, который задавал вопросы обо всем – и ожидал, что отец ответит.

Буря свидетельница, это было непросто. Но Далинару нравилось. Невероятно нравилось! Он не собирался возвращаться к бессмысленному прожиганию жизни в Холинаре, к вечеринкам и дракам в тавернах.

Черный Шип с улыбкой принял кружку с подогретым вином, не переставая рассматривать карту. Хотя Адолин был сосредоточен на регионе, где они сражались с веденцами, взгляд Далинара притягивала другая часть.

Там карандашом были записаны цифры: количество солдат, которое он запрашивал для похода на Разлом.

– Виим качи эо! – воскликнула Эви, входя в комнату; она обхватила себя руками за плечи, дрожа. – И я-то думала, что в Центральном Алеткаре холодно. Адолин Холин, где твоя куртка?

Мальчик оглядел себя, будто удивляясь тому, что она не на нем.

– Э-э... – Он покосился на Телеба, который просто улыбнулся и покачал головой.

– Беги, сынок, – сказал Далинар. – У тебя сегодня урок географии.

– Могу я остаться? Не хочу покидать тебя.

Он говорил не только о сегодняшнем дне. Приближалось время, когда Адолину придется провести часть года в Холинаре, обучаясь у мастеров-мечников и проходя официальную дипломатическую подготовку. Большую часть года он жил с Далинаром, но крайне важно, чтобы мальчику привили некоторую утонченность в столице.

– Ступай, – велел Далинар. – Если будешь прилежным учеником, завтра поедем кататься.

Адолин вздохнул, затем отсалютовал. Он спрыгнул с табуретки и обнял мать – это было не по-алетийски, но Далинар стерпел. Потом мальчик вышел из комнаты.

Эви подошла к огню:

– Так холодно. С чего вдруг кому-то взбрело в голову построить здесь крепость?

– Все не так уж плохо, – возразил Далинар. – Тебе стоило бы посетить Мерзлые земли в зимнее время.

– Вы, алети, не чувствуете холода. У вас кости замерзли.

Далинар хмыкнул в ответ и склонился над картой. «Надо будет подойти с юга, двигаясь вдоль берега озера...»

– Король шлет сообщение через даль-перо, – отметила Эви. – Оно еще не закончило писать.

«Ее акцент пропадает», – рассеянно подумал Далинар. Устраиваясь в кресле возле очага, Эви опиралась на правую руку, а защищенную скромно прижимала к талии. Она заплетала свои светлые волосы в алетийские косы, а не позволяла им струиться по плечам.

Хорошей письмоводительницы из нее не получится – для такого надо с детства учиться искусству и каллиграфии, как все воринские женщины. Кроме того, книги ей не нравились, она предпочитала им медитацию. Но в последние годы Эви проявила усердие, и он был впечатлен.

Она все еще жаловалась, что Далинар недостаточно часто видится с Ренарином. Второй сын не годился для битв и большую часть времени проводил в Холинаре. Эви полгода была с ним.

«Нет-нет, – подумал Далинар, написав на карте глиф. – Побережье – это ожидаемый маршрут». Но как же тогда? Напасть с воды, переправившись через озеро? Надо проверить, удастся ли ему раздобыть для этого корабли.

В конце концов вошла письмоводительница с посланием короля, и все, кроме Далинара и Эви, покинули комнату. Эви взяла письмо и поколебалась.

– Хочешь присесть или...

– Нет, читай.

Эви прочистила горло.

«Брат, – начиналось письмо, – договор скреплен печатью. Твои усилия в Йа-Кеведе заслуживают похвалы, и это должно быть время празднований и поздравлений. В самом деле, я горжусь тобой. Наши лучшие генералы сообщают, что твое тактическое чутье разрослось до полноценного стратегического гения. Я никогда не числил себя одним из них, но вот ты их, похоже, впечатлил.

Похоже, как я дорос до короля, ты обрел свое место в качестве нашего генерала. Я больше всего заинтересован в том, чтобы выслушать твой собственный рассказ о тактике малых мобильных отрядов, которую ты применил. Мне хотелось бы поговорить лично и в подробностях обо всем этом – и у меня есть собственные важные откровения, которыми хочу поделиться. Лучше всего нам встретиться. Когда-то я наслаждался твоим обществом каждый день. Увы, в последний раз мы говорили лицом к лицу, кажется, три года назад».

– Но, – встрял Далинар, – необходимо решить проблему с Разломом.

Эви прервалась, посмотрела на него, потом снова перевела взгляд на страницу. И продолжила читать:

«К несчастью, встречу придется отложить на несколько бурь. Хотя твои усилия на границе, безусловно, помогли укрепить нашу власть, я потерпел неудачу, пытаюсь взять верх над Раталасом и его правителем-отступником с помощью политики.

Вынужден снова отправить тебя к Разлому. Усмири этот регион. Гражданская война разорвет Алеткар в клочья, и я не смею больше ждать. По правде говоря, жалею, что не прислушался, когда мы это обсуждали – так много лет назад – и ты требовал, чтобы я позволил тебе решить проблему с Разломом.

Садеас соберет подкрепление и присоединится к тебе. Пожалуйста, пришли свои стратегические идеи. Предупреждаю: теперь мы уверены, что один из великих князей – мы не знаем, кто именно, – поддерживает Таналана и его бунтовщиков. Возможно, у него есть доступ к осколкам. Да будет твоя воля сильна, и да пребудет с тобой благословение самих Вестников в выполнении этого нового задания. С любовью и уважением, Гавилар».

Эви подняла глаза:

– Как ты догадался? Ты неделями изучал эти карты Земель Короны и Алеткара. И знал наверняка, что он собирается дать тебе такое задание.

– Каким я был бы стратегом, если бы не мог предвидеть следующую битву?

– Я думала, мы собираемся расслабиться, – проворчала Эви, – и покончить с убийствами.

– С той движущей силой, которую я набрал? Что за пустая трата! Если бы не эта проблема в Раталасе, Гавилар нашел бы для меня другое поле боя. Возможно, опять Гердаз. Непозволительно, чтобы лучший генерал просто сидел и собирал крем.

Было еще кое-что. Среди советников Гавилара наверняка имелись мужчины и женщины, которых беспокоил Далинар. Если кто-то и был угрозой трону, то это именно Черный Шип – особенно с учетом уважения, которое ему выказывали генералы королевства. Хотя Далинар много лет назад решил, что никогда не пойдет на такой шаг, многие при дворе думали, что ради безопасности его стоит держать подальше.

– Нет, Эви, – сказал он, сделав еще одну пометку на карте. – Сомневаюсь, что мы когда-нибудь снова поселимся в Холинаре.

И кивнул сам себе. Вот способ добраться до Разлома. Один из его мобильных отрядов может окружить и захватить берег озера. Потом он переправит туда всю армию и нападет куда быстрее, чем ожидает Разлом.

Удовлетворенный, Далинар поднял голову. И увидел, что Эви плачет.

Зрелище ошеломило его, и он выронил карандаш. Жена пыталась сдержать слезы, повернувшись к огню и обхватив себя руками, но звук, с которым она шмыгала носом, звучал так же отчетливо и тревожно, как треск ломающихся костей.

Дыхание Келека... он бы выстоял перед солдатами и бурями, падающими валунами и смертью друзей, но ничто из опыта Далинара не подготовило его к этим тихим слезам.

– Семь лет, – прошептала она. – Семь лет мы здесь, живем в фургонах и на привалах. Семь лет убийств, хаоса и мужчин, которые плачут от ран.

– Ты вышла замуж...

– Да, я вышла замуж за солдата. Сама виновата, что мне не хватает сил справиться с последствиями. Спасибо, Далинар. Ты очень ясно дал мне это понять.

Так вот каково чувствовать себя беспомощным.

– Я... думал, ты привыкнешь и тебе это понравится. Ты ведь теперь ладишь с другими женщинами.

– С другими женщинами? Далинар, с ними я чувствую себя тупицей.

– Но...

– Беседа для них – это состязание! – воскликнула Эви, всплеснув руками. – Для вас, алетиты, все должно быть состязанием, вы всегда стремитесь чем-нибудь похвалиться перед остальными. У женщин это превращается в ужасную игру, цель которой – показать, насколько

каждая из них остроумна. Я думала... может, единственный способ сделать так, чтобы ты гордился мною, – это отправиться к Ночехранительнице и попросить о благословении интеллекта. Старая магия может изменить человека. Сделать его великим...

– Эви, – перебил Далинар, – пожалуйста, не упоминай ни о том месте, ни о том существе. Это богохульство.

– Ты так говоришь, но на самом деле здесь никого не волнует религия. О, они обязательно указывают на то, как их убеждения превосходят мои. Но разве кого-то на самом деле волнуют Вестники, если не считать упоминания их имен всуе? Вы приводите ревнителей на битвы лишь ради того, чтобы они духозаклинали камни в зерно. Благодаря этому вы можете убивать друг друга, не прерываясь на поиски еды.

Далинар подошел и сел в другое кресло у очага.

– У тебя на родине... всё по-другому?

Эви потеряла глаза, и он задался вопросом, раскусила ли жена его попытку сменить тему. Разговоры о ее народе часто сглаживали их ссоры.

– Да, – сказала Эви. – Хотя, по правде говоря, есть те, кого не волнует ни Одно, ни Вестники. Они твердят, что мы не должны следовать учениям ириали или воринцев. Но, Далинар, многим не все равно. Здесь же... здесь вы просто платите какому-нибудь ревнителю, чтобы тот возжег за вас пару охранных глифов, и дело с концом.

Далинар перевел дух и попробовал еще раз:

– Возможно, разобравшись с повстанцами, я смогу убедить Гавилара не давать мне другое задание. Мы могли бы путешествовать. Поехать на запад, навестить твою родину.

– Чтобы ты мог убить моих земляков взамен кого-то еще?

– Нет! Я бы не стал...

– Они нападут на тебя. Мы с братом – изгнанники, если ты не забыл.

Он не видел Тоха десять лет, с тех пор, как тот отправился в Гердаз. Согласно донесениям, ему там нравилось – жил себе у моря, под защитой охранников-алети.

Эви вздохнула:

– Я больше никогда не увижу затонувшие леса. Я это приняла. Проживу свою жизнь в этой суровой земле, где безгранично властвуют ветер и холод.

– Ну, мы могли бы поехать в теплое место. До Курящегося океана. Только ты и я. Все время вместе. Можно взять и Адолина.

– И Ренарина? – уточнила Эви. – Далинар, у тебя два сына, если ты не забыл. Тебя вообще волнует состояние ребенка? Или он для тебя ничего не значит, раз не может стать солдатом?

Далинар крикнул – ощущение было такое, словно его ударили дубиной по голове. Он поднялся и подошел к столу.

– Что? – резко спросила Эви.

– Я побывал в достаточном количестве сражений, чтобы знать: здесь победы не жди.

– И ты бежишь? Как трус?

– Трус, – проговорил Далинар, собирая карты, – это человек, который задерживает необходимое отступление, опасаясь насмешек. Мы вернемся в Холинар после того, как я разберусь с восстанием в Разломе. Обещаю, что проведем там по меньшей мере год.

– Правда? – спросила Эви, вставая.

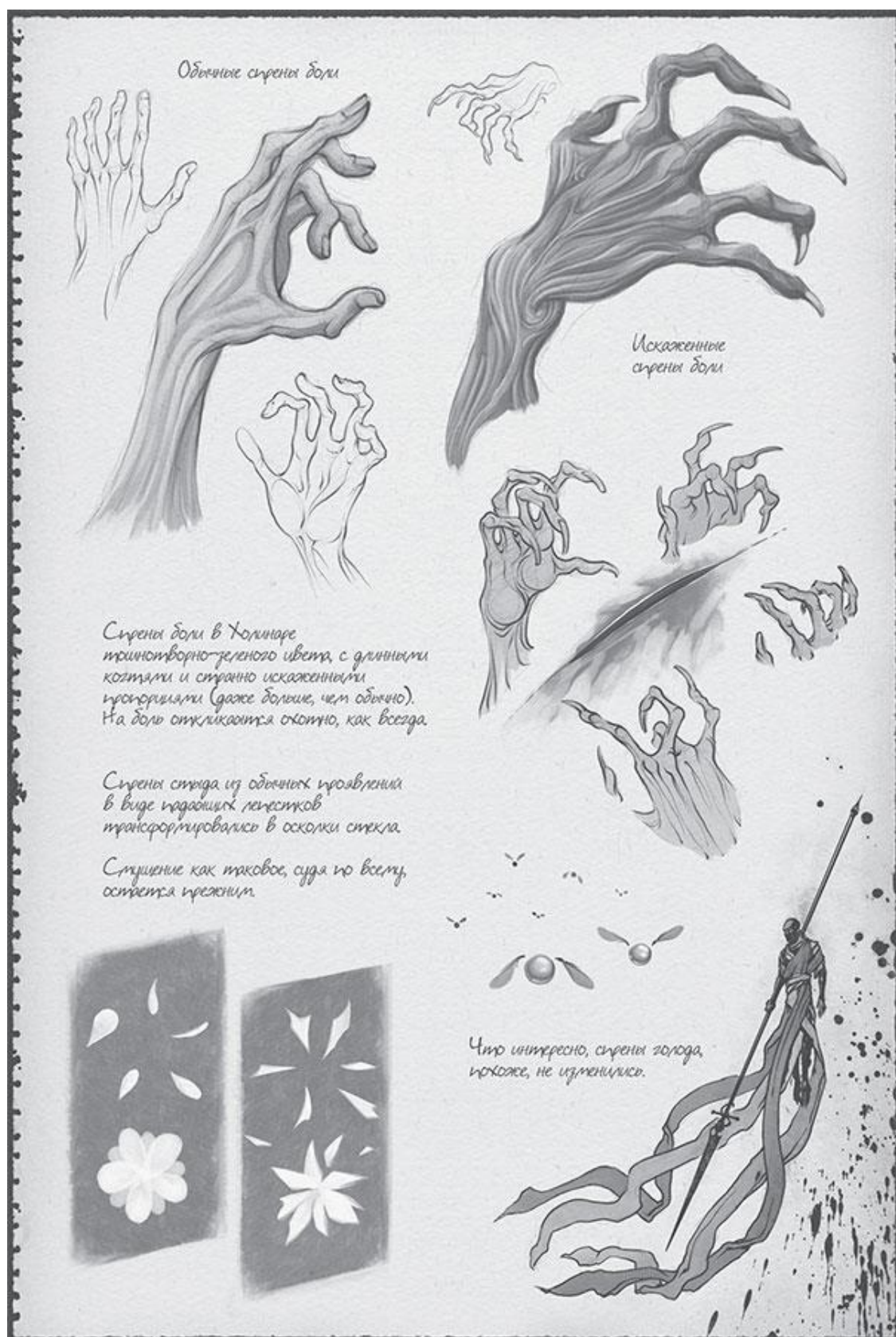
– Да. Ты выиграла в этом бою.

– Я... я не чувствую себя победительницей...

– Добро пожаловать на войну, Эви. – Далинар направился к двери. – Однозначных побед не бывает. Только такие, после которых у тебя меньше погибших друзей, чем в иных случаях.

Он вышел, хлопнув дверью. Отзвуки ее плача преследовали его, пока Далинар спускался, и спрены стыда летали вокруг, словно лепестки цветов. «Буря свидетельница, я не заслуживаю эту женщину».

Что ж, так тому и быть. Ссора была на ее совести, как и последствия. Он протопал вниз по лестнице, разыскал своих генералов и продолжил разрабатывать план штурма Разлома.



67. Мишим

У этого поколения был только один узокователь, и некоторые видят причину в разногласиях между нами. Истинная проблема гораздо глубже. Я считаю, что Честь и сам меняется.

Из ящика 24–18, дымчатый кварц



На следующий день после того, как ее столь неожиданно убили, Шаллан почувствовала себя лучше. Пережитый ужас показался теперь каким-то далеким. Остался лишь тот единственный миг, когда она посмотрела в зеркало и увидела проблеск присутствия Несотворенного по ту сторону отражения.

Зеркала в портняжной мастерской не демонстрировали ничего настораживающего; она проверила каждое. На всякий случай раздала всем наброски увиденного существа и предупредила, чтобы были настороже.

Когда девушка вошла в маленькую кухню рядом с задней мастерской, Адолин ел лепешки и карри, а король Элокар сидел за столом и самозабвенно... писал? Нет, он рисовал.

Шаллан с нежностью коснулась плеча Адолина кончиками пальцев и наслаждалась его ответной широкой улыбкой. Потом обошла стол и заглянула королю через плечо. Он рисовал карту города с дворцом и платформой Клятвенных врат. Выходило весьма неплохо.

– Кто-нибудь видел мостовика? – спросил Элокар.

– Я здесь, – откликнулся Каладин, выйдя из мастерской.

Йокска, ее муж и горничная ушли купить еды на сферы, которые дал им Элокар. Похоже, в городе все еще продавалась еда для тех, кто мог заплатить.

– Я разработал план действий, – заявил король.

Шаллан и Адолин обменялись взглядами; принц пожал плечами и спросил:

– Что вы предлагаете, ваше величество?

– Благодаря отличной разведке светоплетельщицы, – сообщил король, – очевидно, что мою жену держат в плену ее собственные охранники.

– Ваше величество, мы не знаем этого наверняка, – осторожно возразил Каладин. – Есть вероятность, что королева под контролем той же силы, что влияет на охранников.

– В любом случае она нуждается в спасении. Или мы тайно проникнем во дворец ради нее и маленького Гавинора, или соберем отряд, который поможет нам захватить его силой оружия. – Король постучал пером по карте города. – Как бы то ни было, Клятвенные врата оста-

ются нашим приоритетом. Светлость Давар, я хочу, чтобы вы исследовали этот культ Мгновений. Узнайте, как они используют платформу Клятвенных врат.

Йокска уже подтвердила, что каждую ночь члены культа разжигают на вершине платформы огромный костер. Они охраняли это место с вечера до утра.

– Если вы сумеете присоединиться к ритуалу или церемонии, которую они там исполняют, – рассуждал король, – окажетесь в нескольких шагах от Клятвенных врат. Сможете перенести все плато в Уритиру, и там наша армия разберется с культом. Если ничего не выйдет, то Адолин и я – в облике важных светлоглазых с Расколотых равнин – обратимся к городским светлоглазым Домам, у которых есть частные охранники. Заручимся их поддержкой – может, откроемся им – и соберем армию, чтобы штурмовать дворец, если это понадобится.

– А я? – поинтересовался Кэл.

– Не нравится мне этот Азур. Узнай все, что можно, о нем и его Стенной страже.

Каладин кивнул, потом хмыкнул.

– Элокар, толковый план, – заявил Адолин. – Хорошая работа.

Наверное, простой комплимент не должен был заставить короля так просить. Элокар даже привлек спрена славы – примечательно, что тот выглядел как обычно.

– Но нам придется кое с чем столкнуться, – продолжил Холин. – Ты слышал список обвинений, предъявленных ревнительницей – той, которую казнили, – королеве?

– Я... да.

– Десять глифов, – напомнил Адолин, – обличающих излишества Эсудан. Выбрасывание пищи, когда народ голодает. Увеличение налогов, за которым последовало устройство щедрых вечеринок для ревнителей. Элокар, это началось задолго до Бури бурь.

– Мы можем... ее спросить, как только она будет в безопасности. Наверное, что-то пошло не так. Эсудан всегда была несколько высокомерной и амбициозной, но не отличалась ненасытностью. – Король посмотрел на Адолина. – Знаю, Ясна считает, мне не следовало на ней жениться – Эсудан слишком стремилась к власти. Сестра не понимает. Я нуждался в Эсудан. В сильной женщине... – Он тяжело вздохнул и встал. – Не будем терять время. План. Вы с ним согласны?

– Мне нравится, – сказала Шаллан.

Каладин кивнул:

– Он слишком общий, но хотя бы обрисовывает линию атаки. Кроме того, надо будет проследить, откуда в городе зерно. Йокска говорит, его предоставляют светлоглазые, но она также упомянула, что дворцовые склады закрыты.

– По-твоему, у кого-то есть духозаклинатель? – спросил Адолин.

– По-моему, в этом городе слишком много секретов, – буркнул Каладин.

– Мы с Адолином проверим, что известно светлоглазым. – Элокар посмотрел на Шаллан. – Культ Мгновений?

– Я им займусь, – пообещала она. – Мне все равно нужен новый плащ.

Она снова выскользнула из дома в облике Вуали – в штанах и плаще, хотя у того теперь имелась дыра в спине. Ишне удалось отстирать кровь, но Вуаль все равно хотела заменить его. Пока же прикрыла отверстие светоплетением.

Вуаль легким шагом шла по улице, чувствуя себя все более уверенно. В Уритиру она бы все еще мучилась с тем, как бы правильно надеть плащ, фигурально выражаясь. Она поморщилась, вспомнив свои похождения по барам и дурацкие выходки. Чтобы доказать, чего ты стоишь, не надо напиваться – но такие вещи познаешь, лишь прожив какое-то время в чужом облике.

Девушка повернула к рынку, где надеялась поближе познакомиться с холинарцами. Ей надо было узнать, что у них на уме, прежде чем разбираться, откуда взялся культ Мгновений и каким образом в него внедриться.

Торговая площадь очень отличалась от Отломка в Уритиру или ночных базаров Харбранта. Прежде всего, рынок явно был древним. Эти обветшалые, выдавшие виды лавки выглядели так, словно стояли тут еще до первого Опустошения. Камни сделались гладкими от прикосновения миллионов пальцев, а тысячи проходящих ног выточили в них углубления. Навесы побелели оттого, что день за днем их озаряло солнце.

Улица была широкая и немногочисленная. Некоторые прилавки пустовали, да и оставшиеся торговцы не окликали Вуаль, когда она проходила мимо. Похоже, это было проявлением подавленности, которую в осажденном городе ощущали все.

Йокска шила только для мужчин, и в любом случае Вуаль не хотела ей открываться. Девушка остановилась возле лавки, где продавалась одежда, и примерила несколько плащей. Поболтала с женщиной, которая вела счета, – на самом деле портным был ее муж – и получила пару советов о том, где искать плащ, похожий на нынешний, а потом снова вышла на улицу.

Ей повстречался патрульный отряд в светло-синей униформе с глифами, которые указывали, что солдаты служат Дому Велалант. Йокска описала их светлорда как человека, который мало что значил в городе, пока многие светлоглазые не исчезли во дворце.

Вуаль содрогнулась, вспомнив ряд трупов. Благодаря ее описанию Адолин и Элокар были вполне уверены, что эти останки принадлежали дальнему родственнику Холинов и его прислужникам – человеку по имени Кейвс, который часто пытался обрести власть в Холинаре. Они не расстроились, узнав о его смерти, но от этого веяло новой загадкой. На встречу с королевой отправились более тридцати человек, многие из них были куда влиятельнее Кейвса. Что же случилось с ними?

Вуаль миновала разносчиков, которые торговали обычными необходимыми мелочами и диковинками, от керамики до столовых приборов, включая отличные ножи. Приятно, что здесь солдаты установили подобие порядка. Наверное, девушке стоило оценить, сколько лавочек все еще работают, а не заикливаться на закрытых.

В третьем магазине одежды наконец-то нашелся плащ, который ей понравился, того же стиля, что и прежний, – белый и длинный, ниже колен. Она заплатила за покупку и небрежно поинтересовалась у портнихи, как в городе обстоят дела с зерном.

Услышанное привело ее на соседнюю улицу, к пункту раздачи зерна. Раньше здесь располагался тайленский банк и в верхней части здания красовалась вывеска «Безопасные сбережения», выведенная тайленскими женскими письменами. Владельцы давно сбежали, – похоже, у заемщиков было шестое чувство, которое предупредило о надвигающейся опасности, как некоторые животные чувствуют бурю за много часов до ее начала.

Солдаты в светло-синем присвоили этот дом, чтобы держать в его хранилищах драгоценное зерно. Снаружи выстроилась очередь, и у входа солдаты выдавали порции лависа, которых было достаточно на день для лепешек и каши.

Это хороший знак – пусть и явное ужасное напоминание о ситуации в городе. Шаллан бы аплодировала доброте Велаланта, окажись его солдаты не такими вопиюще некомпетентными. Они орали на всех, чтобы соблюдали очередность, но ничего не делали для поддержания порядка. У них была письмоводительница, которая проверяла, чтобы никто не занял очередь дважды, но она не прогоняла тех, кто явно выглядел слишком хорошо, чтобы нуждаться в благотворительной раздаче.

Вуаль окинула взглядом рынок и заметила людей, которые следили за происходящим из закоулков и пустых окон заброшенных магазинов. Бедные и неугодные, более нищие, чем беженцы. Одеты в лохмотья, с грязными лицами. Они походили на спренов, привлеченных мощными эмоциями.

Вуаль села на низкую стену у водосточной канавы. Рядом пристроился мальчик, который наблюдал за очередью голодными глазами. Одна его рука оканчивалась скрюченной, негодной кистью: от трех пальцев остались всего лишь выпуклости, два других были кривыми.

Она покопалась в кармане брюк. Шаллан не носила с собой еду, но Вуаль знала, как важно иметь при себе что-нибудь пожевать. Она могла поклясться, что прихватила кое-что, пока собиралась... Ага, вот оно. Мясная палочка, духозаклятая, но присыпанная сахаром. Недостаточно большая, чтобы считаться сосиской. Она откусила немножко и помахала остальным перед беспризорником.

Мальчик смерил ее взглядом, видимо пытаясь понять, чего она хочет. Наконец подкрался, взял угощение и быстро сунул в рот целиком. Потом стал ждать, не сводя с нее глаз: вдруг еще что-то даст?

– Почему ты не встаешь в очередь? – спросила Вуаль.

– У них есть правила. Ты должен быть определенного возраста. И если ты слишком бедный, тебя вышвырнут из очереди.

– По какой причине?

Мальчик пожал плечами:

– Наверное, такие им не нужны. Они говорят: «Ты уже был!» – только вот это неправда.

– Многие из тех, кто получает зерно... они слуги из богатых домов, верно?

Беспризорник кивнул.

«Буря бы побрала этих светлоглазых», – подумала Вуаль. Некоторых бедняков выталкивали из очереди за мелкие проступки, как и сказал беспризорник. Остальные терпеливо ждали, как будто это была их работа. Их прислали из богатых домов собирать еду. Многие выглядели худощавыми и крепкими, как домашние охранники, хоть и не носили униформу.

Шквал! Люди Велаланта и впрямь понятия не имели, как это делается. «А может быть, они точно знают, что делают, – вдруг подумала она. – И Велалант просто угождает местным светлоглазым, чтобы они с готовностью поддерживали его претензии на власть, если ветер сменится на благоприятный».

От этого Вуаль затошнило. Она вытащила вторую мясную палочку для беспризорника и собралась расспросить его о том, насколько далеко простиралось влияние Велаланта, но мальчишка испарился в мгновение ока.

Раздача зерна закончилась, и множество неудачников застонали от отчаяния. Солдаты объявили, что вечером будет новая раздача, и посоветовали людям занять очередь и ждать. Затем двери банка закрылись.

Но откуда Велалант брал еду? Вуаль встала и продолжила свой путь через рынок, проходя мимо луж из спренов гнева. Некоторые выглядели как обычные лужи крови, другие были такими черными, что больше походили на деготь. Когда на их поверхности появлялись пузыри, в глубине каждого горело что-то красное, словно уголек. Они исчезли, когда люди расселись, – им на смену пришли спрены изнеможения.

Ее оптимизм по поводу рынка испарился. Вуаль шла мимо скоплений бесцельно слоняющихся людей потерянного вида. В их глазах читалось уныние. Зачем притворяться, что жизнь продолжается? Они обречены. Приносящие пустоту разрушат этот город – а жителям просто позволят умереть от голода.

Кто-то должен был что-то сделать. Вуаль должна была что-то сделать. Культ Мгновений показался чем-то второстепенным. Разве нельзя сделать что-то напрямую для этих бедных людей? Только вот... она даже собственную семью сохранить не сумела. Ей так и не удалось выяснить, что Мрейз сделал с ее братьями, и она отказалась думать о них. Так в ее ли силах спасти целый город?

Вуаль принялась пробираться сквозь толпу, внезапно почувствовав себя в ловушке. Ей нужно было уйти. Она...

Что это за звук?

Шаллан резко остановилась, повернулась, прислушалась. Вот буря! Этого не может быть, верно? И все-таки она направилась на звук, на голос.

– Дружище, вы так говорите, но ведь все думают, что знают луны. А как иначе? Мы живем под их взглядом каждую ночь. Мы знаем их дольше, чем наших друзей, наших жен, наших детей. И все же... и все же...

Шаллан протолкалась через растерянную толпу и увидела мужчину, сидящего на низкой стене вокруг буревого цистерны. Перед ним горела металлическая жаровня, испускающая тонкие струйки дыма, которые завивались на ветру. И почему-то одет в военную форму – цветов Саде-аса, с расстегнутой курткой и ярким шарфом на шее.

Странник. Тот, кого называли Королевским Шут. Резкие черты, острый нос, черные как смоль волосы.

Он здесь!

– Еще остались истории, которые можно рассказать. – Шут вскочил на ноги. Мало кто обращал на него внимание. Для горожан он был просто еще одним бродячим актером. – Все знают, что Мишим – самая умная из трех лун. Хотя ее сестра и брат довольны тем, что правят небесами – благословляя земли своим светом, – Мишим вечно ищет возможности увильнуть от своего долга. – Шут бросил что-то в жаровню, породив облачко ярко-зеленого дыма – того же цвета, что и Мишим, третья и самая медленная из лун. – Эта история произошла в эпоху Тса – величайшей из королев Натанатана, до падения этого королевства. Натанцы славились на весь Рошар красотой и умением держать себя с достоинством. О, если бы вы жили в те времена, то восток был бы для вас средоточием великой культуры, а не огромной пустошью!

Королева Тса, о чем вы, несомненно, слышали, была архитектором. Она придумала для своего города высокие башни, построенные так, чтобы тянуться ввысь, цепляясь за небо. Однажды ночью Тса отдыхала в самой великой башне, наслаждаясь видом. И так уж вышло, что Мишим, умная луна, проходила по небу неподалеку. То была ночь, когда луны выглядели большими, и каждый знает, что в такие ночи они куда более внимательны к делам смертных. «Великая королева! – позвала Мишим. – Ты построила такие прекрасные башни в своем величественном городе. Я люблюсь ими каждую ночь, когда проплываю мимо». – Шут бросил на жаровню порошок, на этот раз две щепотки, от которых поднялись белая и зеленая струйки дыма. Шаллан шагнула вперед, наблюдая, как он завивается. Посетители рынка замедлили шаг и начали собираться.

– Итак, – продолжил Шут, сунув руки в дым и изогнув пальцы так, что тот закружился и сотворил посередине подобие вращающейся зеленой луны. – Королева Тса вряд ли была несведуща относительно хитростей Мишим. Натанцы никогда не любили эту луну, почитая великого Номона. Тем не менее нельзя игнорировать Луну. «Спасибо, великая небожительница, – ответила Тса. – Наши инженеры неустанно трудятся, чтобы воздвигнуть что-то великолепное». – «Они почти достигли моих владений, – отметила Мишим. – Интересно, уж не стремишься ли ты их захватить?» – «Ни в коем случае, великая небожительница. Мои владения – земля, а небеса принадлежат тебе». – Шут сунул руку в дым и нарисовал белую линию, которая напоминала прямую колонну. Рядом же он устроил зеленый «карман», похожий на водоворот. Башня и луна.

«Это ведь не может быть естественным, верно? – подумала Шаллан. – Он творит светоплетение?» Но она не видела бурсвета. Было что-то более... органичное в том, что он делал. Девушка не могла быть полностью уверена, что это сверхъестественные силы.

– Как всегда, Мишим вынашивала хитрый план. Она ненавидела каждую ночь висеть в небе, вдали от наслаждений земного мира и усад, известных лишь смертным. На следующую ночь Мишим опять прошла мимо королевы Тса в ее башне. «Какая жалость, – проговорила

Мишим, – что ты не можешь увидеть созвездия вблизи. Ибо они воистину прекрасны, как драгоценные камни, ограненные лучшими резчиками».

«И впрямь жаль, – согласилась Тса. – Но всем известно, что от столь возвышенного зрелища у смертного стоят глаза».

На следующую ночь Мишим попыталась опять. «Какая жалость, – заявила она, – что ты не в силах беседовать со спренами звезд, ибо они рассказывают изумительные истории».

«И впрямь жаль, – ответила Тса. – Но все знают, что от языка небес смертные сходят с ума».

На следующую ночь Мишим предприняла третью попытку. «Какая жалость, что ты не можешь увидеть свое королевство сверху. Ибо колонны и купола твоего города сияют».

«И впрямь жаль, – снова согласилась Тса. – Но это зрелище предназначено для великих жителей небес, и созерцать его самой было бы кошунством». – Шут бросил на жаровню еще одну щепотку порошка, и поднялся желтовато-золотистый дым. К этому моменту вокруг собрались десятки зрителей. Он взмахнул руками в стороны, и дым разошелся в виде плоскости. Потом от нее стали снова подниматься струйки, превращаясь в башни. Город?

Он продолжил рисовать круги одной рукой, притянув зеленый дым вверх в виде кольца, которое одним резким движением кисти послал вертеться над желто-золотым городом. Это было невероятно, и Шаллан смотрела, уронив челюсть. Это был образ, который жил.

Шут бросил взгляд в сторону – туда, где оставил свой мешок. Вздрыгнул, словно от удивления. Шаллан дернула головой, но тут рассказчик пришел в себя и продолжил историю так проворно, что заминку нетрудно было упустить из вида. Однако теперь Шут внимательно рассматривал своих зрителей.

– Мишим не сдалась, – продолжил он. – Королева была наделена благочестием, а луна – хитростью. Предоставлю вам решать, что из этого мощнее. На четвертую ночь, проходя мимо королевы, Мишим пустила в ход другую уловку. «Да, – сказала Мишим, – твой город велик, что может увидеть лишь божество с небес. Вот почему так печально, что у одной из башен крыша с изъяном». – Шут взмахнул рукой в сторону, уничтожая дымные линии, из которых состоял город. Он позволил дыму рассеяться, и порошки, которые горели на жаровне, закончились – все, кроме зеленого. – «Что? – изумилась Тса. – Башня с изъяном? Которая?!» – «Это всего лишь незначительный дефект, – ответила Мишим. – Не тревожься из-за него. Я ценю усилия даже самых неумелых твоих мастеров». И луна продолжила путь, зная, что поймала королеву в ловушку.

В самом деле, на следующую ночь прекрасная королева стояла на своем балконе в ожидании. «О великая небожительница! – воззвала Тса. – Мы осмотрели крыши и не нашли изъян! Прошу, умоляю – укажи, что это за башня, чтобы я ее разрушила».

«Я не могу, – заявила Мишим. – Быть смертным – значит быть несовершенным; неправильно ожидать от вас совершенства».

Это заставило королеву еще сильнее встревожиться. На следующую ночь она спросила: «Великая небожительница, есть ли способ, позволяющий мне посетить небеса? Я не стану слушать рассказы спренов звезд и отвращу взор от созвездий. Я буду смотреть только на несовершенный труд моего народа, а не на зрелище, предназначенное для тебя, и тогда своими глазами увижу, что должно быть исправлено».

«Ты просишь о запретном, – возмутилась Мишим, – ибо нам придется поменяться местами и понадеяться, что Номон ничего не заметит». Она сказала это с великой, пусть и тайной радостью, ибо желала именно такой просьбы.

«Я притворюсь тобой, – пообещала Тса. – И буду делать все, что делаешь ты. Мы снова поменяемся, как только я закончу, и Номон не узнает». – Шут широко улыбнулся. – Итак, луна и женщина обменялись местами.

Его необузданный энтузиазм по поводу этой истории был заразителен, и Шаллан невольно улыбнулась.

Шла война, город мог пасть, но ей хотелось лишь узнать, чем закончится сказка.

Шут использовал порошки, чтобы сотворить четыре дымных столба синего, желтого, зеленого и густо-оранжевого цвета. Он закружил их вместе в завораживающем вихре оттенков. Пока Шут трудился, его голубые глаза взглянули на Шаллан. Он прищурился, и его улыбка стала лукавой.

«Он только что узнал меня, – поняла она. – На мне все еще личина Вуали. Но как... как он узнал?»

Когда Шут закончил с кружащимися цветами, луна стала белой, а единственная прямая башня, которую он сотворил, взметнув дым, – бледно-зеленой.

– Мишим сошла к смертным, – провозгласил он, – а Тса вознеслась на небо, чтобы занять место луны! Мишим провела остаток ночи за выпивкой и флиртом, танцами и песнями, а также другими вещами, за которыми ранее наблюдала издали. Свои несколько часов на свободе она прожила неистово. Вообще-то, она так увлеклась, что забыла вернуться и с потрясением увидела, что наступил рассвет! Она поспешно взобралась на высокую башню королевы, но Тса уже зашла, и ночь закончилась. Мишим теперь познала не только прелести земной жизни, но и беспокойство. Она провела день в великой тревоге, зная, что Тса будет в ловушке с ее мудрой сестрой и мрачным братом, проводя день в том месте, где отдыхают луны. Когда снова наступила ночь, Мишим спряталась в башне, ожидая, что Салас призовет ее и отчитает за неумеренные аппетиты. Но Салас прошла мимо.

Ну конечно, когда взойдет Номон, он устроит ей взбучку из-за глупой выходки. Однако и Номон прошел мимо без единого слова. Наконец в небе появилась Тса, и Мишим позвала ее: «Королева Тса, смертная, что случилось? Брат и сестра не обратились ко мне. Неужели ты каким-то образом сумела остаться неузнанной?»

«Нет, – ответила Тса, – твои брат и сестра немедленно узнали во мне самозванку».

«Тогда давай быстрее поменяемся местами! – воскликнула Мишим. – Я им совру и успокою их».

«Они уже успокоились, – объяснила Тса. – Они считают меня восхитительной. Мы потратили дневные часы на пир».

«На пир?!» – Брат и сестра никогда раньше не пировали с Мишим.

«Мы вместе пели милые песни».

«Песни?» – Брат и сестра никогда раньше не пели с Мишим.

«Здесь, наверху, и впрямь восхитительно, – продолжила Тса. – Спрены звезд рассказывают удивительные истории, как ты и обещала, и самосветные созвездия грандиозны с близкого расстояния».

«Да. Я люблю эти истории и виды».

«Думаю, – продолжила Тса, – я могу остаться».

Шут позволил дыму осесть, пока не осталась лишь одна зеленая линия. Она тоже уменьшилась, почти исчезла. А когда снова заговорил, голос его звучал мягко.

– Мишим познала еще одну смертную эмоцию – потерю. Луна запаниковала! Она подумала о величественном виде с большой высоты, откуда ее взгляду были доступны все земли и где она могла наслаждаться – пусть даже издали – их искусством, зданиями и песнями! Вспомнила доброту Номона и вдумчивость Салас! – Шут сотворил вихрь из белого дыма и медленно толкнул его влево – новая луна Тса почти села. – «Погоди! – крикнула Мишим. – Постой, Тса! Ты нарушила слово! Ты говорила со спренами звезд и смотрела на созвездия!» – Шут поймал дымовое кольцо, как-то заставив его остановиться, вертеться на одном месте. – «Номон разрешил мне, – объяснила Тса. – И я не пострадала». – «И все равно ты нарушила слово! – настаивала Мишим. – Ты должна вернуться на землю, смертная, ибо нашей сделке конец!» –

Шут позволил кольцу просто висеть в воздухе. Потом оно исчезло. – К величайшему облегчению Мишим, Тса смягчилась. Королева спустилась обратно в свою башню, а Мишим вскарабкалась на небеса. С большим удовольствием она стала опускаться за горизонт. Но перед тем, как исчезнуть, Мишим услышала песню. Странно, – Шут добавил на жаровню тонкую линию синего дыма, – это была песня смеха, красоты. Песня, которой Мишим никогда не слышала! Ей потребовалось много времени, чтобы понять эту песню, – и вот, несколько месяцев спустя, проходя по небу ночью, она снова увидела королеву в башне. Та держала в руках ребенка с синеватой кожей. Они не заговорили друг с другом, но Мишим поняла. Королева ее обманула. Тса желала провести один день в небесах и познать Номона на одну ночь. Она родила сына с бледно-голубой кожей – то был цвет самого Номона. Сын, рожденный от богов, который приведет ее народ к славе. Сын, облаченный в небесную мантию. И потому по сей день у жителей Натанатана кожа слегка голубого оттенка. И потому Мишим, хотя и все еще лукавая, никогда больше не покидала своего места. Что важнее, это история о том, как луна познала единственную вещь, которая раньше была ведома только смертным, – потерю.

Последняя линия синего дыма истончилась и исчезла совсем.

Шут не стал кланяться под аплодисменты или просить чаевых. Он с очень усталым видом сел обратно на окружавший цистерну бордюр, который был его сценой. Люди ждали, ошеломленные, пока в толпе не начали кричать, требуя продолжения. Шут молчал. Он снес их просьбы, их мольбы, затем их проклятия.

Потихоньку зрители разошлись.

В конце концов перед ним осталась только Шаллан.

Шут улыбнулся ей.

– Почему эта история? – спросила она. – Почему сейчас?

– Дитя, я не истолковываю. Ты могла бы уже это понять. Я просто рассказываю истории.

– Это было прекрасно.

– Да, – согласился он. Затем прибавил: – Я скучаю по своей флейте.

– Какой еще флейте?

Он вскочил и начал собирать вещи. Шаллан проскользнула вперед и заглянула в его ранец, приметив запечатанную баночку. Она была в основном черной, но сторона, обращенная к Шаллан, оказалась белая.

Шут закрыл свой ранец:

– Идем. Думаю, ты не упustiшь шанс купить мне что-нибудь поесть.

68. Целиться в солнце

Мои исследования в области когнитивных отражений спренов в башне были очень показательны. Некоторые думали, что Сородич умышленно удалился от людей, но я смог найти то, что опровергает эту теорию.

Из ящика 1-1, первый циркон



Шут привел девушку в трактир, который так зарос кремом, что казался вылепленным из глины. Внутри без движения висел потолочный вентилятор-фабриаль; запустив его, хозяин привлек бы внимание странных вопящих спренов.

Несмотря на большие вывески снаружи, обещающие распродажу чуты, в трактире было пусто. Цены заставили Шаллан вскинуть брови, но кухня источала заманчивые запахи. Хозяин – невысокий крупный алети с таким брюхом, что казался здоровенным яйцом чулла, – хмуро уставился на Шута.

– Ты Рассказчик! – завопил он, ткнув пальцем. – Ты должен был привлечь сюда клиентов! Ты говорил, что зал наполнится!

– О мой тираничный сеньор, полагаю, ты неправильно понял. – Шут отвесил ему замысловатый поклон. – Я говорил, что ты наполнишься. И ты полон. Я не уточнял, чем именно, ибо не хотел пачкать свой язык.

– Идиот! Где мои клиенты?!

Шут шагнул в сторону, протягивая руки к Шаллан:

– Узри, могучий и ужасный король, я завербовал тебе подданную.

Трактирщик прищурился:

– А она заплатит?

– Да. – Шут взял кошель Шаллан и заглянул внутрь. – Возможно, еще и чаевые оставит.

Вздвогнув, Шаллан оцупала карман. Вот буря, она же почти весь день придерживала кошель рукой!

– Ну тогда ступайте в отдельную комнату, – решил трактирщик. – Все равно там пусто. Бард, ты идиот. Чтоб сегодня вечером хорошо выступил!

Шут вздохнул и бросил Шаллан ее кошелек. Он схватил свой ранец и жаровню, повел девушку в комнату возле главного обеденного зала. Заводя ее внутрь, повернулся к трактирщику и поднял кулак:

– Тиран, мне надоело твое притеснение! Этим вечером охраняй свое вино как следует, ибо революция будет быстрой, мстительной и пьяной! – Закрыв за собой дверь, Шут покачал головой. – Этот человек уже должен был понять, что к чему. Ума не приложу, почему продолжает меня терпеть. – Он оставил жаровню и ранец у стены и устроился за обеденным столом, где откинулся на спинку стула и забросил ноги в ботинках на соседнее место.

Шаллан уселась за стол более деликатно, Узор соскользнул с ее плаща и растекся рядом на столешнице, чуть исказив ее. Шут никак не отреагировал на спрена.

Комната была симпатичная, с разрисованными деревянными панелями на стенах и камнепочками вдоль выступа под маленьким окном. Стол даже покрывала желтая шелковая скатерть. Комната явно предназначалась для светлоглазых, которые желали насладиться ужином в уединении, пока сомнительные темноглазые ели в главном зале.

– Милая иллюзия, – заметил Шут. – Затылок у тебя получился правильно. Люди вечно портят то, что сзади. Но ты ломаешь своего персонажа. Ходишь как чопорная светлоглазая, и в таком наряде это выглядит глупо. С успехом носить плащ и шляпу можно только в том случае, если они на самом деле твои.

– Знаю, – сказала она, скривившись. – Эта девушка... сбежала, едва ты меня узнал.

– Темные волосы – это позор. Твой естественный рыжий притягивал бы взгляды в сочетании с белым плащом.

– Этот облик задуман менее запоминающимся.

Шут перевел взгляд на шляпу, которую она положила на стол. Шаллан покраснела. Она чувствовала себя молоденькой ученицей, которая показывает наставнице первые рисунки.

Вошел трактирщик с напитками – слабым оранжевым вином, поскольку было еще довольно рано.

– Мой сеньор, большое спасибо, – обрадовался Шут. – Я клянусь сочинить о тебе еще одну песню. В ней не будет столько намеков на смутившие тебя вещи...

– Шквальный идиот, – проворчал трактирщик. Он поставил вино на стол и не заметил, как Узор выбрался из-под одного доньшка. Трактирщик вышел, хлопнув дверью.

– Ты один из них? – выпалила Шаллан. – Шут, ты Вестник?

Узор тихонько загудел.

– Клянусь небом, нет. Я не настолько глуп, чтобы снова впутаться в религию. Последние семь раз, когда я это пробовал, окончились катастрофой. Уверен, есть по меньшей мере один бог, который все еще поклоняется мне в результате недоразумения.

Она уставилась на него. Всегда было трудно понять, какие из образов Шута что-то значили, а какие играли роль отвлекающего маневра.

– Тогда кто же ты?

– Некоторые с возрастом становятся добрее. Я не из их числа, ибо видел, как плохо космер обращается с невинными, – и это делает меня не склонным к доброте. Другие мудреют с годами. Я не из их числа, ибо у нас с мудростью всегда были противоположные цели и мне еще предстоит выучить язык, на котором она говорит. Кто-то с возрастом становится циничнее. Будь я таким, сам воздух искривился бы вокруг меня, высасывая все эмоции, оставляя лишь презрение. – Он побарабанил пальцами по столу. – Иные... иные же с возрастом просто делаются странными. Боюсь, я именно такой. Я кость чужеродного вида, сохнувшая на равнине, которая давным-давно была морем. Диковинка и, возможно, напоминание о том, что жизнь не всегда была такой, как сейчас.

– Выходит, ты... старый, верно? Не Вестник, но такой же старый, как они?

Он плавным движением снял ноги в ботинках с соседнего стула и наклонился вперед, не сводя с нее взгляда и любезно улыбаясь.

– Дитя, когда они были младенцами, я уже прожил с десяток жизней. «Старый» – это слово, которым описывают поношенный ботинок. Я нечто совершенно иное.

Она задрожала, глядя в эти голубые глаза. Внутри их играли тени. Некие формы двигались, усыхая с течением времени. Валун превращался в пыль. Горы становились холмами. Реки меняли курс. Моря делались пустынями.

– Вот буря, – прошептала она.

– Когда я был молод... – проговорил Шут.

– Да?

– Я дал обет.

Шаллан кивнула с распахнутыми глазами.

– Поклялся, что всегда буду там, где я нужен.

– И такое случалось?

– Да.

Она выдохнула.

– Как выяснилось, мне следовало быть точнее, потому что это самое «там» может оказаться – в строгом смысле слова – где угодно.

– Это... как?

– Честно говоря, «там» – по сей день – представляет собой случайное место, от которого никому нет никакой пользы.

Шаллан охватили сомнения. В один миг любое подобие смысла, какой она ощутила в поведении Шута, исчезло без следа. Она снова шлепнулась на свое место:

– И с чего вдруг, скажи на милость, я вообще разговариваю с тобой?

– Шаллан! – ошеломленно воскликнул он. – Если бы ты разговаривала с кем-то еще, он не был бы мной.

– Так уж вышло, Шут, что я знаю многих людей, которые не ты. И кое-кто из них мне даже нравится.

– Будь осторожнее. Те люди, которые не я, склонны к внезапным приступам искренности.

– А это плохо?

– Разумеется! «Искренность» – это слово, которое люди используют для оправдания своей хронической тупости.

– Ну а мне нравятся искренние люди, – заявила Шаллан, поднимая кружку. – Просто восхитительно, как они удивляются, когда их спихивают с лестницы.

– О, а вот это жестоко. Не надо толкать людей с лестницы за то, что они искренние. Надо это делать с тупицами!

– А если человек одновременно искренний и тупой?

– Тогда беги от него.

– Вообще-то, мне нравится спорить с такими людьми. На их фоне я выгляжу умной, и Вев знает, это всегда оказывается кстати...

– Нет, нет. Шаллан, ни в коем случае не спорь с идиотом. Ты же не воспользуешься своим лучшим мечом, чтобы намазать масло на хлеб.

– О, но ведь я занимаюсь наукой. Мне нравятся вещи с любопытными свойствами, а глупость – самое интересное из них. Чем больше ее изучаешь, тем дальше она от тебя ускользает – но в то же самое время чем больше ее приобретаешь, тем меньше в ней смыслишь!

Шут глотнул вина.

– В какой-то степени правда. Но ее трудновато обнаружить, потому что собственную глупость – как запах собственного тела – мы редко ощущаем. Таким образом... если поместить двух умных людей в одну комнату, в конце концов они неизбежно отыщут свою общую глупость и вследствие этого станут идиотами.

– Глупость как дитя – чем больше кормишь, тем больше растет.

– Глупость как модное платье – в юности выглядит очаровательно, но в пожилом возрасте смотрится плохо. И хоть ее свойства уникальны, глупость до жути широко распространена. Общее количество глупцов на планете приблизительно совпадает с ее населением. Плюс один.

– Плюс один? – переспросила Шаллан.

– Садеас считается за двоих.

– Э-э, Шут... он мертв.

– Что? – Шут резко выпрямился.

– Кто-то убил его. Э-э... мы не знаем кто.

Следователи Аладара продолжили отслеживать виновного, но к тому моменту, когда Шаллан покинула Уритиру, расследование застряло.

– Кто-то прикончил старого Садеаса и я это пропустил?

– А что бы ты сделал? Помог ему?

– Клянусь бурей, нет. Я бы аплодировал.

Шаллан широко улыбнулась и глубоко вздохнула. Ее волосы снова стали рыжими – она позволила иллюзии отклониться от образца.

– Шут, – стала она серьезной, – почему ты здесь? В этом городе?

– Я и сам не знаю.

– Прошу тебя. Можешь просто ответить?

– Я ответил – и был честен. Шаллан, я могу знать, где должен быть, но не всегда знаю, что мне надо там делать. – Он побарабанил пальцами по столу. – А ты почему здесь?

– Чтобы открыть Клятвенные врата, – сказала Шаллан. – Спасти город.

Узор загудел.

– Какие возвышенные цели.

– А разве смысл целей не в том, чтобы подталкивать человека к чему-то возвышенному?

– Да, да. Целься в солнце. В этом случае, если промахнешься, твоя стрела, по крайней мере, упадет далеко и тот, кого она убьет, скорее всего окажется человеком, которого ты не знаешь.

Трактирщик избрал этот момент, чтобы принести еду. Шаллан не чувствовала себя особо голодной – при виде всех этих голодающих снаружи у нее пропал аппетит.

На маленьких тарелках лежали рассыпчатые лепешки из духозаклятого зерна, увенчанные сваренными на пару кремлецами – разновидностью под названием «скрип», с плоским хвостом, двумя большими клешнями и длинными антеннами. Кремлецов нередко употребляли в пищу, но это была не очень-то изысканная трапеза.

Единственной разницей между блюдами Шаллан и Шута были соусы – сладкий для нее, пряный для него, хотя соус подали в чашечках. Поскольку с продовольствием было туго, кухня не готовила отдельно мужские и женские блюда.

Трактирщик нахмурился, увидев ее волосы, покачал головой и ушел. Шаллан подумала, что он наверняка привык к странностям, которые творились вокруг Шута.

Шаллан посмотрела на свою еду. Может, отдать кому-нибудь? Тому, кто заслужил это больше, чем она?

– Ешь, – велел Шут, а сам встал и подошел к оконцу. – Не растрачивай впустую то, что тебе дают.

Она с неохотой подчинилась. Еда была не очень-то вкусная, но и не ужасная.

– Сам-то не собираешься есть?

– Спасибо, я достаточно умен, чтобы не следовать собственным советам, – рассеянно бросил он.

За окном следовала процессия культа Мгновений.

– Хочу научиться быть такой, как ты, – заявила Шаллан и почувствовала себя глупо.

– Нет, не хочешь.

– Ты забавный, очаровательный и...

– Да, да. Я, шквал меня побери, такой умный, что в половине случаев сам себя не понимаю.

– ...и ты меняешь ход событий, Шут. Когда ты пришел ко мне в Йа-Кеведе, ты все изменил. Я хочу уметь так делать. Хочу уметь изменять мир!

Он совершенно не заинтересовался едой. «А он вообще ест? – призадумалась Шаллан. – Или он... словно какой-то спрен?»

– Кто пришел с тобой в город? – спросил Шут.

– Каладин. Адолин. Элокар. Несколько слуг.

– Король Элокар? Здесь?!

– Он решительно настроен сохранить город.

– У Элокара проблемы с тем, чтобы сохранить лицо, что уж говорить про города.

– Он мне нравится, – призналась Шаллан. – Несмотря на его... элокаровость.

– Полагаю, с ним можно сблизиться. Как с грибком.

– Король на самом деле хочет поступать правильно. Ты бы слышал, как он в последнее время об этом говорит. Хочет, чтобы его запомнили хорошим королем.

– Тщеславие.

– А тебе наплевать на то, каким тебя запомнят?

– Я буду помнить сам себя, и этого достаточно. А вот Элокар переживает из-за неправильных вещей. Его отец носил простую корону – ему не надо было напоминать о собственной власти! А Элокар носит простую корону по другой причине – он боится, что нечто более роскошное заставит людей смотреть на эту вещь, а не на него. Он не хочет соревноваться. – Шут перестал разглядывать очаг и дымоход. – Шаллан, ты хочешь изменить мир. Это здорово. Но будь осторожна. Мир старше тебя. У него богатый опыт.

– Я Сияющая, – заявила Шаллан, набирая вилкой кусочки рассыпчатого сладкого хлеба и запихивая в рот. – Спасать мир – это суть моей работы.

– Тогда прояви мудрость в этом отношении. Есть два типа важных людей. Есть те, кто при виде валуна времени, который катится прямо на них, становятся перед ним, выставив руки. Им всю жизнь говорили, до чего они великие. Такие полагают, что сам мир уступит их желаниям, как когда-то уступала няня, принося кружку свежего молока. Эти люди в конечном счете оказываются раздавленными. Другие же отходят в сторонку и, когда валун времени прокатывается мимо, быстренько говорят: «Видите, что я устроил? Это я сделал так, что здесь прокатился валун. Не заставляйте меня делать это снова!» Из-за таких людей раздавленными оказываются все остальные.

– А третьего типа людей не существует?

– Существует, но они чрезвычайно редки. Эти знают, как остановить валун. И вот они идут рядом с ним, изучают его и никуда не торопятся. А затем толкают – потихоньку, – чтобы он изменил свой путь. Эти люди... ну, это и есть те, кто по-настоящему меняет мир. И они меня пугают. Ибо люди никогда не видят так далеко, как им кажется.

Шаллан нахмурилась и посмотрела на свою пустую тарелку. Она и не думала, что проголодалась, но как только взялась за еду...

Шут прошел мимо, ловко забрал ее тарелку и заменил на свою, полную.

– Шут... я не могу это есть.

– Не будь привередой, – отрезал он. – Как ты собираешься спасти мир, если заморишь себя голодом?

– Но я же не голодаю! – И все-таки она съела кусочек, чтобы порадовать его. – Тебя послушать, так сила, способная изменить мир, – это что-то плохое.

– Плохое? Нет. Отвратительное, удручающее, жуткое. Сила – это ужасное бремя, худшее, что можно себе представить, за исключением любой другой альтернативы. – Он повернулся и изучил ее. – Что для тебя значит сила?

– Это... – Шаллан разрезала кремлеца, отделяя его от панциря. – Как я уже сказала, это способность все менять.

– Что именно?

– Жизни других людей. Сила – это возможность сделать жизнь тех, кто тебя окружает, лучше или хуже.

– И собственную тоже, разумеется.

– Моя жизнь не имеет значения.

– А должна бы.

– Самоотверженность – воринская добродетель.

– О, Шаллан, не начинай. Ты должна жить по-настоящему, наслаждаться жизнью. Испей то, что предлагаешь отдать всем остальным! Вот этим я и занимаюсь.

– Ты... и впрямь весьма доволен собой.

– Мне нравится жить так, словно каждый день – последний.

Шаллан кивнула.

– То есть лежать в луже собственной мочи и кричать медсестре, чтобы принесла еще пудинга.

Она чуть не подавилась кусочком кремлеца. Ее кружка была пустой, но Шут прошел мимо и вложил собственную ей в руку. Шаллан выпила.

– Сила – это нож, – заявил Шут, занимая свое место. – Ужасный, опасный нож, который нельзя использовать, не порезавшись. Мы шутили о глупости, но на самом деле большинство людей не глупы. Многие просто разочарованы тем, как мало у них контроля над собственной жизнью. Они выходят из себя. Иногда это весьма зрелищно...

– Культ Мгновений. По слухам, они заявляют, будто видят приближение преображенного мира.

– Шаллан, опасайся любого, кто утверждает, что знает будущее.

– Кроме тебя, разумеется. Разве ты не говорил, что знаешь, где тебе нужно быть?

– Опасайся любого, – с выражением повторил он, – кто утверждает, что знает будущее.

Узор превратился в рябь на столешнице: он не гудел, но менялся быстрее обычного, принимая новые формы одну за другой. Шаллан сглотнула. К ее удивлению, тарелка опять оказалась пустой.

– Культ контролирует платформу Клятвенных врат, – сказала она. – Ты знаешь, чем они там занимаются каждую ночь?

– Пируют, – мягко проговорил Шут, – и веселятся. Их две группы. Обычные поклонники культа бродят по улицам, издают нечленораздельные звуки и притворяются спренами. Но те, что на платформе, на самом деле знакомы со спренами – в частности, с существом по имени Сердце Бражничества.

– Один из Несотворенных.

Шут кивнул:

– Опасный противник, Шаллан. Культ напоминает мне одну группу, которую я знал давным-давно. Столь же опасны и столь же глупы.

– Элокар хочет, чтобы я внедрилась в их ряды. Проникла на платформу и запустила Клятвенные врата. Такое возможно?

– Возможно. – Шут откинулся на спинку стула. – Возможно. Я не смогу сделать так, чтобы врата заработали: спрены фабрикалы мне не подчинятся. У тебя есть ключ, и культ охотно принимает новичков. Поглощает их, как костер дрова.

– Как? Что мне делать?

– Еда, – объяснил Шут. – Близость к Сердцу заставляет их все время пировать и праздновать.

– Упиваться жизнью? – спросила она, вспомнив, что он говорил раньше.

– Нет. Суть гедонизма не в наслаждении, а в его противоположности. Они берут то чудесное, что есть в жизни, и удовлетворяют свои желания, пока не теряют вкус. Все равно что слушать красивую музыку, которую исполняют так громко, что она утрачивает всякую утонченность, – любую красоту можно превратить в нечто плотское. Тем не менее их пирушки дают тебе шанс. Я столкнулся с их вожаками, пусть и избегал этого всеми силами. Принеси им еды для пира, и я помогу тебе пробраться туда. Но должен предупредить: обычное духозаклятое зерно их не удовлетворит.

Итак, ей бросили вызов.

– Я должна вернуться к остальным. – Она посмотрела на Шута. – А ты... не пойдешь со мной? Не присоединишься к нам?

Он встал, затем подошел к двери и прижал к ней ухо.

– К сожалению, – сказал он, глядя на девушку, – я здесь не из-за тебя.

Она глубоко вздохнула:

– Шут, я все-таки научусь изменять мир.

– Ты уже это умеешь. А теперь узнай для чего. – Он отошел от двери и прижался к стене. – А еще скажи трактирщику, что я исчез в облаке дыма. Он с ума сойдет.

– Трактирщику...

Дверь внезапно открылась. Вошел трактирщик – и замер, увидев Шаллан, которая в одиночестве сидела за столом. Шут проворно выбрался из-за двери и прошмыгнул за спиной у трактирщика, который ничего не заметил.

– Проклятие, – проворчал он, озираясь. – Видимо, он не будет работать сегодня вечером?

– Понятия не имею.

– Он обещал, что будет относиться ко мне как к королю.

– Ну, он так и поступает...

Трактирщик собрал тарелки и поспешил прочь. Разговоры с Шутом часто заканчивались странным образом. Впрочем, начинались они так же. Кругом одни странности.

– Ты что-нибудь знаешь про Шута? – обратилась она к Узору.

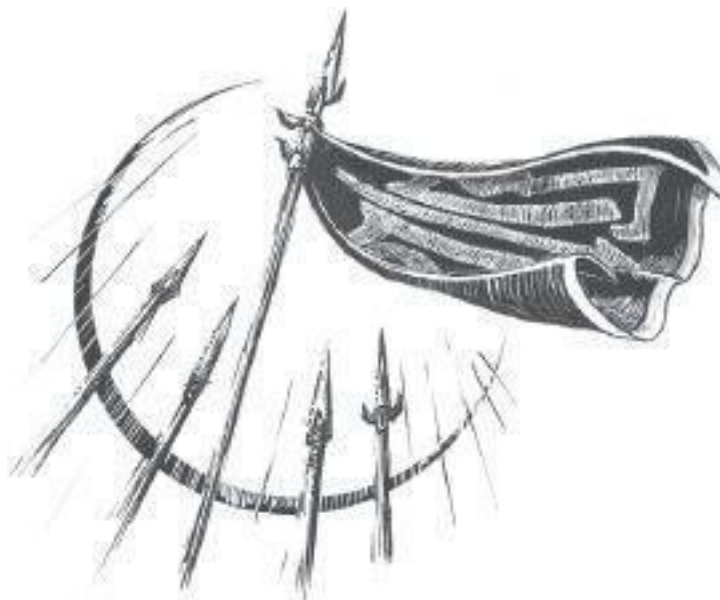
– Нет, – ответил спрен. – Он кажется... мм... одним из нас.

Шаллан покопалась в кошельке в поисках сфер – Шут, как она отметила, украл несколько, – чтобы дать трактирщику на чай. Потом вернулась в портновскую мастерскую, планируя, как использовать свою команду, чтобы получить необходимую еду.

69. Бесплатная еда, никаких обязательств

Увядание растений и общее охлаждение воздуха – это неприятности, да, но некоторые функции баини остаются такими же, как и раньше. Повышенное давление, например, сохраняется.

Из ящика 1-1, второй циркон



Каладин втянул небольшое количество буресвета и пробудил стихию. Эта маленькая буря ярилась внутри, поднимаясь от его кожи и вынуждая глаза светиться. К счастью – хотя он стоял на оживленной рыночной площади, – этого крошечного количества буресвета не хватало для того, чтобы люди заметили его в ярком солнечном свете.

Буря была первобытным танцем, древней песней, вечной битвой, которая бушевала с той поры, как Рошар был юным. Она хотела, чтобы ее использовали. Кэл молча уступил и, присев на корточки, зарядил маленький камень, а потом направил плетение вверх – самую малость, чтобы тот задрожал, но не взмыл в воздух.

Вскоре раздались жуткие вопли. Люди в панике заметались. Каладин заторопился, выдохнув свой буресвет и – как он надеялся – став всего лишь еще одним прохожим. Он спрятался вместе с Шаллан и Адолином за кадкой с растениями. Торговая площадь – с арками со всех четырех сторон, некогда даровавшая приют разнообразным лавочкам, – была в нескольких кварталах от портновской мастерской.

Люди пробирались в дома или ускользали на соседние улицы. Более медлительные просто съжились у стен, закрывая голову руками. Прибыли спрены – две яркие желто-белые линии, завивающиеся друг о друга над площадью. Их невыносимые визгливые вопли были ужасны. Они походили... на звук, который издает раненый зверь, умирая в одиночестве в глуши.

Он не такого спрена видел, когда странствовал с Сахом и другими паршунами. Тот больше походил на спрена ветра; эти выглядели как яркие желтые сферы, искрящиеся энергией. Они не сумели определить точно местонахождение камня и закружились над площадью, словно сбитые с толку, продолжая вопить.

Через некоторое время с неба спустилась фигура. Приносящий пустоту в просторном красно-черном одеянии, которое колыхалось и завивалось на легком ветру. Он нес копье и высокий треугольный щит.

«Необычное копье», – подумал Каладин. Длинное, с тонким наконечником для пробивания доспехов, похожее на копье всадника. Он кивнул. Отличное оружие для использования в полете, когда требуется дополнительная длина, чтобы атаковать врагов на земле или даже тех, кто парит вокруг.

Спрены перестали визжать. Приносящий пустоту огляделся, порхая в воздухе, потом сердито взглянул на спренов и что-то буркнул. Они опять показались сбитыми с толку. Почувствовали, что Каладин использовал бурсвет, вероятно истолковав это как применение фабриала, но не могли точно определить местоположение. Кэл использовал такое небольшое количество света, что камень почти сразу померк.

Спрены рассеялись, исчезли, как это часто делали спрены эмоций. Приносящий пустоту задержался, окруженный темной энергией, пока неподалеку не раздались горны, оповещающая о приближении Стенной стражи. Существо наконец-то унеслось обратно в небо. Люди начали выбираться из укрытий и поспешно уходить, обрадованные тем, что живы.

– М-да, – протянул Адолин, вставая. Он носил иллюзию, изображая – согласно указанию Элокара – капитан-лорда Мелерана Хала, младшего сына Тешав, с мощным телосложением, лысеющего, тридцати с небольшим лет.

– Я могу удерживать бурсвет столько, сколько захочу, не привлекая внимания, – сказал Каладин. – Но если я что-то сплетаю, они появляются и вопят.

– И все-таки, – заключил Адолин, бросив взгляд на Шаллан, – маскировку они не замечают.

– Узор утверждает, мы действуем тише, чем он, – объяснила Шаллан, указывая большим пальцем на Каладина. – Давайте вернемся. Разве у вас, мальчики, на этот вечер не назначена встреча?

– Вечеринка, – проворчал Каладин, расхаживая взад-вперед по залу для клиентов в доме портнихи. Скар и Дрехи прислонились к дверному проему, и каждый на сгибе локтя держал копье. – Так вот они какие на самом деле, – продолжил Каладин. – Город вот-вот вспыхнет. Чем бы заняться? Ну разумеется, устроить вечеринку.

Элокар предложил посетить вечеринку, чтобы связаться со светлоглазыми семьями Холинара. Каладин посмеялся над этой идеей, предполагая, что ничего подобного в городе не найдется. Но, затратив на поиск минимальные усилия, Адолин наскреб с полдюжины приглашений.

– Славные темноглазые трудятся как рабы, выращивая и готовя еду, – возмущался Каладин. – А светлоглазые? У них так много шквального времени, что приходится выдумывать себе занятия.

– Эй, Скар, – бросил Дрехи. – Ты когда-нибудь ходил выпить, даже во время войны?

– Еще бы, – отозвался Скар. – А в моей деревне дважды в месяц устраивали танцы в буревом убежище, даже когда парни воевали в приграничных стычках.

– Это не то же самое, – отрезал Каладин. – Вы что, приняли их сторону?

– А тут есть стороны? – делано удивился Дрехи.

Через несколько минут Адолин спустился по лестнице, громко топая и улыбаясь, как дурак. Он был одет в рубашку с гофрированными манжетами и жакет зеленовато-голубого цвета, который не застегивался полностью и сзади имел хвосты. Его золотая вышивка была лучшей, какую только могла предоставить мастерская.

– Пожалуйста, скажи мне, – взмолился Каладин, – что ты не притащил нас жить у своей портнихи, потому что тебе понадобилось обновить гардероб.

– Кэл, да ладно тебе, – отозвался Адолин, разглядывая себя в зеркале. – Я должен выглядеть согласно роли.

Он проверил манжеты и опять ухмыльнулся.

Пришла Йокска и оглядела его, потом отряхнула плечи.

– Светлорд, по-моему, в груди чуть узковато.

– Это чудесно, Йокска.

– Сделайте глубокий вдох.

Она заставила его поднять руку и ощупала талию, бормоча себе под нос, – словом, вела себя как шквальный лекарь. Отец Каладина даже во время осмотра не щупал пациентов вот так.

– Я-то думал, что прямые куртки по-прежнему в моде, – пробормотал Адолин. – У меня есть фолио из Лиафора.

– Они устарели, – отрезала Йокска. – Я была в Лиафоре на прошлое Средмирье, и они там отказываются от военного стиля. Но фолио сделали, чтобы продавать униформу на Расколотых равнинах.

– Вот буря! Понятия не имел, что я такой немодный!

Каладин закатил глаза. Адолин увидел это в зеркале, но лишь повернулся и поклонился:

– Мостовичок, не переживай. Можешь и дальше носить одежду, которая соответствует твоей мрачной физиономии.

– Выглядишь так, словно споткнулся и упал на ведро с синей краской, – сообщил Каладин, – а потом попытался просушить одежду с помощью охапки сухой травы.

– А ты выглядишь как то, что остается после бури, – парировал Адолин и, проходя мимо, похлопал Каладина по плечу. – Но мы все равно тебя любим. У каждого мальчика есть любимая палка, которую он нашел во дворе после дождя.

Адолин подошел к Скару и Дрехи, каждому пожал руку по очереди.

– Вы двое ждете сегодняшнего вечера с нетерпением?

– Сэр, зависит от того, вкусно ли кормят в палатке для темноглазых, – сказал Скар.

– Прихватите мне что-нибудь с самой вечеринки, – попросил Дрехи. – Я слышал, светлоглазым подают очень хорошую выпечку на этих модных пирушках.

– Конечно. Скар, тебе что-нибудь нужно?

– Череп моего врага в виде пивной кружки, – буркнул тот. – Но если не получится, сойдет и булочка. Штук семь.

– Посмотрим, что я смогу сделать. Соберите информацию о любых хороших тавернах, которые все еще открыты. Мы можем туда пойти завтра. – Он прошелся мимо Каладина и привязал к поясу меч.

Каладин нахмурился, посмотрел на него, потом на своих мостовиков и снова на Адолина.

– Что?

– Что «что»? – спросил Адолин.

– Ты собираешься пойти выпить с мостовиками? – спросил Каладин.

– Конечно, – подтвердил Адолин. – Нас со Скарсом и Дрехи многое связывает.

– Было дело, мы уберегли его высочество от падения в ущелье, – объяснил Скар. – Он отплатил нам вином и хорошей беседой.

Вошел король, одетый не так вычурно, но в том же стиле. Он пронесся мимо Адолина, направляясь к лестнице:

– Готовы? Отлично. Время для новых лиц.

Трое остановились возле комнаты Шаллан, где она рисовала и напевала себе под нос, окруженная спренами творения. Она поцеловала Адолина – поцелуй был куда интимнее всех проявлений их чувств, какие видел Каладин, – а потом снова превратила его в Мелерана Хала.

Элокар стал мужчиной постарше, также лысым, с бледно-желтыми глазами. Это был облик генерала Хала, одного из главных офицеров Далинара.

– Со мной все в порядке, – заявил Каладин, когда она посмотрела на него. – Никто меня не узнает.

Он не был в этом полностью уверен, но такая личина... ему она казалась ложью.

– Шрамы, – напомнил Элокар. – Капитан, ты не должен выделяться.

Каладин неохотно кивнул и позволил Шаллан светоплетением прикрыть рабские клейма на его лбу. Потом она вручила каждому по сфере. Иллюзии были привязаны к бурсвету внутри – стоит сфере погаснуть, и их фальшивые лица исчезнут.

Они пустились в путь в сопровождении Скара и Дрехи, которые держали копья на изготовку. Сил выпорхнула из окна на верхнем этаже мастерской и полетела вдоль по улице впереди них. Каладин чуть раньше попробовал вызвать ее в виде клинка, и это не привлекло крикунов, так что он чувствовал себя хорошо вооруженным.

Адолин немедленно начал шутить со Скаром и Дрехи. Далинару бы не понравилось, узнай он, что они пошли выпивать. Не из-за каких-то особых предубеждений, но потому, что в армии существовала командная иерархия. Генералы не должны были фамильярничать с рядовыми, от этого ослабевала дисциплина.

Принцу такое могло сойти с рук. Прислушиваясь к болтовне, Каладин почувствовал угрызения совести за свое поведение. На самом деле в последнее время ему было гораздо спокойнее. Да, шла война, и да, город был в серьезной опасности, но с тех пор, как он нашел своих родителей живыми и здоровыми, Каладин чувствовал себя лучше. Вообще, дней, когда он чувствовал себя хорошо, было довольно много. Проблема заключалась в том, что в плохие дни он об этом забывал. Тогда по какой-то причине он ощущал себя так, словно всегда пребывал во тьме – и навечно в ней останется.

Почему так трудно запомнить, что это не так? Неужели он должен все время проваливаться во мрак? Почему нельзя остаться здесь, на солнце, где жили другие?

После заката прошло, наверное, часа два. Они миновали несколько торговых площадей – как та, где они проверяли его воздействие на потоки. Свободное пространство большей частью было превращено в жилое: беженцы просто сидели и ждали, что будет дальше.

Каладин немного отстал, и когда Адолин это заметил, то извинился, прервал беседу и пошел медленнее.

– Эй, – окликнул он Каладина. – С тобой все в порядке?

– Я беспокоюсь, что буду слишком выделяться, если призову осколочный клинок, – признался Каладин. – Надо было сегодня вечером прихватить копье.

– Хочешь, научу использовать поясной меч? Сегодня вечером ты притворяешься нашим главой охраны, и ты светлоглазый. Без меча выглядишь странно.

– Может, я из махателей кулаками.

Адолин резко остановился и уставился на Каладина, ухмыляясь.

– Как ты сказал – «махатели кулаками»?

– Ну эти, как их, – ревнители, которые учатся сражаться без оружия.

– Врукопашную?

– Врукопашную.

– Ага, – согласился Адолин. – Ну да, все ж знают, они так и называются – «махатели кулаками».

Каладин посмотрел ему в глаза и невольно сам ухмыльнулся:

– Это научный термин.

– Разумеется. Такой же, как «рассекатели мечами». Или «тыкатели копьями».

– Знал я одного рубителя топором, – подхватил Каладин. – Он был тот еще мозгоправ.

– Мозгоправ?

– Мог любому забраться прямо в голову.

Адолин нахмурился:

– Забраться прямо в... а-а! – Он рассмеялся и похлопал Каладина по спине. – Иногда ты говоришь, как девушка. Э-э... это был комплимент.

– Ну тогда спасибо.

– Однако тебе все-таки надо больше практиковаться с мечом, – продолжил Адолин с растущим возбуждением. – Знаю, тебе нравится копье, и ты с ним хорош. Отлично! Но ты больше не простой копейщик; ты не будешь как все. Ты не станешь сражаться в строю, прикрывать щитом приятелей. Кто знает, с чем тебе придется столкнуться!

– Я немного тренировался с Зайхелем, – признался Каладин. – Я не совсем бесполезен с мечом. Но... какая-то часть меня не видит в этом смысла.

– Если потренируешься сражаться с мечом, будет только лучше, поверь мне. Чтобы быть хорошим дуэлянтом, нужно знать одно оружие, чтобы быть хорошим пехотинцем – ну, наверное, нужна долгая подготовка, и неважно, с каким оружием конкретно. А если хочешь стать хорошим воином, для такого нужно уметь пользоваться лучшими инструментами, которые годятся для твоего дела. Даже если тебе никогда не придется орудовать мечом, ты будешь сражаться с мечниками. Лучший способ понять, как победить противника с оружием в руках, – это поупражняться с ним самому.

Каладин кивнул. Адолин прав. Было странно смотреть на этого юношу в ярком наряде, модном и блестящем от золотой вышивки, и слышать, как он говорит по-настоящему толковые вещи про битвы.

«Когда меня посадили в тюрьму за вызов, брошенный Амараму, из всех светлоглазых только он за меня заступился».

А все дело в том, что Адолин Холин – славный человек, пусть и в вычурных зелено-вато-голубых одеждах. Такого нельзя ненавидеть; шквал, да его просто невозможно не любить.

Дом в конце их пути по меркам светлоглазых выглядел скромно. Высокий и узкий, в четыре этажа, он мог бы вместить с десяток темноглазых семей.

– Итак, – сказал Элокар, когда они приблизились, – мы с Адолином проверим, нет ли среди светлоглазых потенциальных союзников. Мостовики, поболтайте с теми, кого найдете в палатке для темноглазых охранников, – вдруг удастся что-то узнать про культ Мгновений или другие странности, творящиеся в городе.

– Поняли, ваше величество, – отозвался Дрехи.

– Капитан, – продолжил король, обращаясь к Каладину, – ступай в палатку для светлоглазых охранников. Вдруг удастся...

– ...узнать что-то про этого великого маршала Азура, – закончил Каладин. – Из Стенной стражи.

– Да. Мы задержимся допоздна, поскольку пьяные гости могут оказаться разговорчивее трезвых.

Они разделились; Адолин и Элокар предъявили приглашения лакею, который их впустил. Дрехи и Скар отправились на вечеринку для темноглазых охранников, которую устроили в палатке, установленной во дворе.

Была еще одна палатка – для безземельных светлоглазых. Они обладали кое-какими привилегиями, но тех было недостаточно, чтобы попасть на настоящую вечеринку. Поскольку Каладин играл роль светлоглазого охранника, ему там было самое место – но по какой-то причине мысль о том, чтобы туда войти, вызвала тошноту.

Кэл прошептал Скару и Дрехи, что быстро вернется, и одолжил копье Скара – просто на всякий случай. Потом ушел на короткую прогулку. Он решил, что сделает, как велел Элокар, но пока еще достаточно светло, лучше осмотреть стену и проверить, не удастся ли ему прикинуть, сколько на ней стражников.

Потом ему захотелось еще немного прогуляться. Он подошел к основанию городской стены, расположенной неподалеку, сосчитал сторожевые посты на вершине, поглядел на массивную нижнюю часть, которая представляла собой естественную местную скалу. Положил ладонь на гладкий, испещренный стратами камень.

– Эй! – крикнул кто-то. – Эй, ты!

Каладин вздохнул. Ему повстречался патрульный отряд Стенных стражников. Они считали эту дорогу вокруг города – вдоль основания стены – своей юрисдикцией, но в сам Холинар не углублялись.

Чего им надо? Он не сделал ничего плохого. Что ж, если попытается сбежать, то лишь поднимет шум, так что Каладин уронил копье и повернулся, разведя руки. В городе, полном беженцев, вряд ли будут слишком уж приставать к одному конкретному человеку.

Отряд из пяти человек подошел к нему, шумно топая. Возглавлял их мужчина с жидковатой темной бородой и яркими светло-голубыми глазами. Он окинул взглядом форму Каладина без нашивок и посмотрел на упавшее копье, а потом – на лоб Каладина и нахмурился.

Каладин кончиками пальцев прикоснулся к шрамам, которые по-прежнему чувствовал. Но Шаллан прикрыла их иллюзией, ведь так?

«Преисподняя. Он решит, что я дезертир».

– Дезертир, полагаю? – резко спросил солдат.

«Зря не пошел на шквальную вечеринку».

– Послушайте, – начал Каладин, – мне не нужны неприятности. Я просто...

– Поесть хочешь?

– Э-э... поесть?

– Для дезертиров жратва бесплатная.

«Это неожиданно».

Он с неохотой поднял волосы со лба, проверяя, видны ли клейма. Из-за волос детали было почти невозможно рассмотреть.

Солдаты заметно вздрогнули. Да, они видели его шрамы. Иллюзия Шаллан по какой-то причине иссякла? Он понадеялся, что у остальных маскировка держится лучше.

– Светлоглазый с клеймом «шаш»? – изумленно спросил лейтенант. – Клянусь бурей, приятель. У тебя должна быть интересная история. – Он похлопал Каладина по спине и указал вперед, на их казармы. – Я бы хотел ее услышать. Бесплатная еда, без обязательств. Мы не будем насильно тебя вербовать на службу. Даю слово.

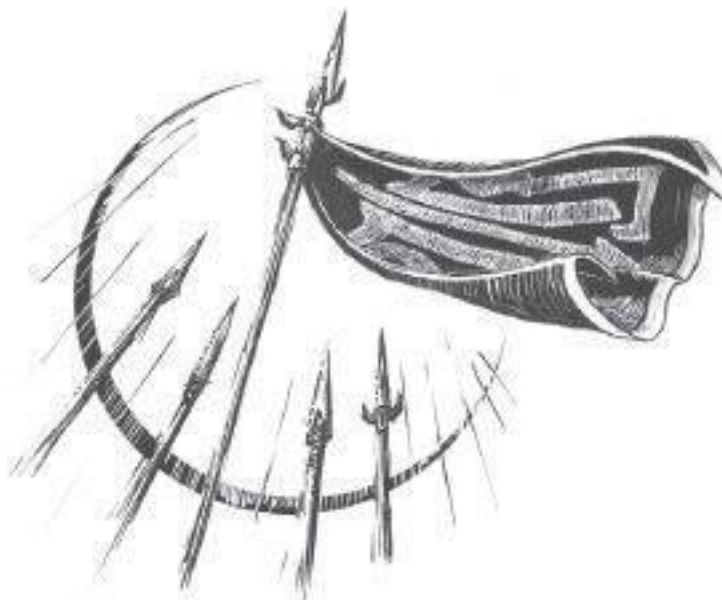
Что ж, он ведь хотел что-нибудь узнать про Стенную стражу, не так ли? Разве можно придумать лучший способ?

Каладин подобрал копье и позволил им увести себя прочь.

70. Великий маршал Азур

Что-то происходит с Сородичем. Я согласен, что это правда, но разлад между Сияющими рыцарями ни при чем. Наше восприятие собственного достоинства – отдельная проблема.

Из ящичка 1-1, третий циркон



В казармах Стенной стражи пахло как дома. Не как в доме отца Каладина – там пахло антисептиком и цветами, которые его мать давила, чтобы сделать воздух приятнее. В его истинном доме. Кожа. Рагу в котле. Толпа мужчин. Масло для полировки оружия.

На стенах висели белые и голубые сферы. Помещение оказалось достаточно большим, чтобы в нем разместились два взвода – нашивки на плечах подтвердили, что так и есть. В общей комнате поставили множество столов, несколько оружейников трудились в углу, шили безрукавки и униформу. Иные же точили оружие – звук был ритмичный, успокаивающий. Звуки и запахи армии, где все шло как надо.

Рагу, судя по запаху, и в подметки не годилось стряпне Камня; повар-рогоед избаловал Каладина. И все же, когда один из стражников пошел за миской для гостя, он невольно улыбнулся. Сел на длинную деревянную скамью возле суетливого маленького ревнителя, который рисовал для солдат охранные глифы на кусочках ткани.

Каладину сразу же понравилось это место и то, как солдаты хвалили великого маршала Азура. Возможно, он и был заурядным офицером, который в хаосе бунтов внезапно оказался командующим, это лишь делало его еще более авторитетным. Азур обеспечил безопасность стены, выдворил паршунов из города и занялся обороной Холинара.

Сил металась вокруг стропил, пока солдаты выкрикивали вопросы о новичке. Лейтенант, который нашел Каладина, – его звали Норомин, но все называли его Норо – с готовностью отвечал. Каладин был дезертиром. У него клеймо «шаш», уродливое. Видели бы вы! Отметина Садеаса. И на светлоглазом, так-то.

Остальные в казарме сочли это любопытным, но не тревожным. Кое-кто даже поприветствовал его радостным возгласом. Вот буря! Каладин не мог себе представить, чтобы какое-нибудь подразделение в армии Далинара так благодушно приняло дезертира, тем более опасного.

Поразмыслив об этом, Каладин вдруг увидел то, что сперва ускользнуло от него. Мужчины точили клинки, в которых были щербины. Оружейники чинили кожу, рассеченную копьями в бою. За многими столами бросались в глаза пустые места, рядом с которыми стояли кружки.

Они несли потери. Пока не огромные, раз солдаты еще могут смеяться. Но, буря свидетельница, в комнате царило напряжение.

– Итак, – сказал Норо. – Клеймо «шаш»?..

Все расселись, и коротышка с волосатыми руками поставил перед Каладином миску с густой похлебкой и лепешкой. Стандартный рацион, с тушеным талью и мясом, нарезанным кубиками. Все духозаклятое, конечно, и без вкуса – но зато сытно и питательно.

– Я повздорил, – пояснил Каладин, – с великим лордом Амарамом. Счел, что он без необходимости убил кое-кого из моих людей. Он со мной не согласился.

– Амарам! – изумленно воскликнул один из мужчин. – Ты целишься высоко, друг.

– Я знаю Амараму, – вставил солдат с волосатыми руками. – Я выполнял для него секретные задания, когда был шпионом.

Каладин изумленно уставился на него.

– Лучше игнорировать Бороду, – посоветовал лейтенант Норо. – Мы все так и делаем.

«Борода» на самом деле не был бородатым. Может, волосатых рук хватало. Он ткнул Каладина локтем в бок:

– Это хорошая история. Когда-нибудь расскажу.

– Нельзя просто взять и заклеить светлоглазого, сделав его рабом, – заметил лейтенант Норо. – Для такого нужно разрешение великого князя. Ты что-то не договариваешь.

– Ага, – не стал спорить Каладин.

И продолжил есть похлебку.

– Ух ты... – протянул высокий солдат, другой член отряда. – Загадка!

Норо улыбнулся и махнул в сторону комнаты:

– Ну и что ты думаешь?

– Ты обещал, что не станешь вербовать меня насильно, – напомнил Каладин, не переставая жевать.

– Я не вербую, но в этом городе ты не найдешь другого места, где так хорошо кормят.

– А откуда вы берете еду? – спросил Каладин, отправляя в рот еще ложку похлебки. – Духозаклинатели использовать нельзя. Явятся крикуны. Складские запасы? Удивлен, что никто из великих лордов не попытался их присвоить.

– Какой проницательный. – Норо улыбнулся. В нем было нечто обезоруживающее. – Это секрет стражи. Но здесь у нас всегда булькает похлебка и печется хлеб.

– По моему рецепту, – встрял Борода.

– Ой, да ладно, – махнул рукой высокий. – Ты теперь еще и повар?

– Шеф-повар, чтоб ты знал. Я выведал рецепт этих лепешек у рогоедского мистика на вершине горы. Но самое интересное заключается в том, как я туда попал...

– Ясное дело, ты там приземлился, – перебил высокий солдат. – После того как кто-то из предыдущего отряда дал тебе пинка.

Мужчины рассмеялись. Здесь, на этой длинной скамье, было тепло – в углу ровно горел хорошо растопленный очаг. Тепло и дружелюбно. Пока Каладин ел, они оставили его в покое, болтая между собой. Норо... этот человек походил не на солдата, а скорее на своего торговца, который пытается продать тебе серьги для любимой. Он явно на что-то намекал Каладину. Говорил о том, как хорошо здесь кормят, как прекрасно быть частью отряда. О теплых постелях, о том, что стоять в дозоре придется не слишком уж часто. Об игре в карты, пока за стеной воеет буря.

Каладин взял себе еще миску похлебки и, усаживаясь на прежнее место, внезапно кое-что осознал с изумлением.

«Вот буря! Они же все светлоглазые!»

Все до единого в помещении, от повара до оружейников и солдат, занятых мытьем посуды. В такой компании у каждого были дополнительные обязанности вроде ухода за оружием или полевой хирургии. Каладин не обратил внимания на их глаза. Здесь все казалось таким естественным и уютным, что мостовик решил – все солдаты темноглазые, как и он сам.

Он знал, что большинство светлоглазых солдат не занимают высокие офицерские посты. Его убеждали, что они обычные люди, – повторяли это снова и снова. Каким-то образом, сидя в этой комнате, он наконец-то осознал, что так оно и есть.

– Итак, Кэл... – проговорил лейтенант Норо. – Что ты думаешь? Может, завербуешься снова? Дашь армии еще шанс?

– А ты не боишься, что я дезертирую? – спросил Каладин. – Или хуже – вдруг я не владею собой? Может, я опасный.

– Нехватка людей опаснее, – проворчал Борода. – Убивать умеешь? Нам этого достаточно.

Каладин кивнул:

– Расскажите мне о вашем командующем. Это важная часть любого войска. Я же только что попал в город. Кто он такой, этот великий маршал Азур?

– Можешь сам с ним повстречаться! – бросил Борода. – Он делает обход каждый вечер после ужина, проверяет все казармы.

– Э-э, ну да, – подтвердил Норо.

Каладин внимательно посмотрел на него. Лейтенант явно что-то скрывал.

– Великий маршал, – быстро продолжил Норо, – просто невероятный человек. Мы потеряли бывшего командира во время бунтов, и Азур возглавил отряд, который удержал стену, когда культ Мгновений попытался в хаосе захватить городские ворота.

– Он сражался как Приносящий пустоту, – добавил другой член отряда. – Я там был. Нас почти одолели, и тут появился Азур с сияющим осколочным клинком. Он сплотил наши ряды, вдохновил даже раненых продолжить битву. Буря свидетельница, было такое чувство, что у нас за спиной спрен, который поддерживает и помогает нам сражаться.

Каладин прищурился:

– Да что ты говоришь...

Доедая похлебку, он вытянул из них еще кое-что. Азура они лишь хвалили, хотя, по рассказам, у него не имелось каких-то других... причудливых способностей, какие Каладин мог бы распознать. Азур был осколочником – возможно, чужаком, которого стража раньше не знала, – но после гибели их командира и исчезновения лорда-покровителя во дворце Азур стал главным.

Было что-то еще. О чем-то они умолчали. Каладин набрал себе третью миску похлебки, большей частью чтобы протянуть время и выяснить, действительно ли великий маршал заглядывает в казарму.

Вскоре от двери донесся шум, и солдаты вскочили. Каладин последовал их примеру и повернулся. Вошел старший офицер в блестящей кольчуге и ярком камзоле, в сопровождении адъютантов, и его появление вызвало череду приветствий. Плащ великого маршала был лазурный – более светлого оттенка, чем традиционный холиновский синий, – на шее лежал кольчужный капюшон, а в руке он нес шлем.

Впрочем, не он, а... она.

Каладин изумленно моргнул и услышал, как наверху ахнула Сил. Великий маршал была среднего роста по меркам алетийских женщин – может, чуть ниже, – ее прямые черные волосы достигали середины подбородка. Глаза у нее были оранжевые, и она носила поясной меч с

серебристым корзинчатым эфесом. Это было оружие не алетийского образца. Может, упомянутый ранее осколочный клинок? В мече и впрямь ощущалось что-то потустороннее, но зачем носить его на поясе не отпуская?

Воительница была поджарой и мрачной, ее лицо украшала парочка серьезных шрамов. Перчатки она носила на обеих руках.

– Великий маршал – женщина?! – прошипел Каладин.

– Мы не раскрываем секреты маршала, – буркнул Борода.

– Секреты? Это же, шквал вас побери, очевидно.

– Мы не раскрываем секреты маршала, – повторил Борода, и остальные закивали. – И ты молчи, ладно?

Молчать о таком? Вот буря! Подобные вещи в воринском обществе попросту не случались. В отличие от баллад и преданий. Он побывал в трех армиях, и нигде не видел женщин с оружием. Даже алетийские разведчицы носили только ножи. Каладин не удивился бы бунту, задумай он вооружить Лин и остальных, хотя Сияющие – Ясна и Шаллан – уже предоставили прецедент.

Азур сказала мужчинам, что они могут сесть. Один предложил ей миску похлебки, и она приняла. Мужчины повеселели после того, как женщина попробовала и похвалила повара.

Азур вручила миску одному из адъютантов, и все пошло своим чередом – солдаты болтали, работали, ели. Великий маршал разговаривала с офицерами. Сперва с командиром взвода, то есть капитаном. Потом – с другими лейтенантами.

Возле их стола она устремила на Каладина проницательный взгляд.

– Кто наш новобранец, лейтенант Норо?

– Это Кэл, сэр! – ответил тот. – Бродил по улице, там его и нашли. Дезертир с клеймом «шаш».

– На светлоглазом? Клянусь бурей, парень. Кого ты убил?

– Сэр, меня заклеил не тот, кого я убил. Это сделал тот, кому я спас жизнь.

– Похоже на заученное объяснение, солдат.

– Это оно и есть.

Каладин решил, что уж она-то попытается выведать больше сведений. Но Азур просто хмыкнула. Он не мог понять, сколько ей лет, хотя из-за шрамов воительница наверняка выглядела старше, чем была на самом деле.

– Присоединишься? – спросила она. – У нас есть еда.

– По правде говоря, сэр, я не знаю. С одной стороны, не верится, что всем наплевать на мое прошлое. С другой стороны, вы явно в отчаянии, и это также заставляет меня колебаться.

Она повернулась к лейтенанту Норо:

– Ты ему не показал?

– Нет, сэр. Мы только и успели, что накормить его похлебкой.

– Тогда я это сделаю. Идем, Кэл.

То, что ему хотели показать, находилось на вершине стены, куда они и поднялись по закрытой каменной лестнице. Каладин хотел больше узнать о предполагаемом «секрете»: почему все молчат о том, что Азур – женщина. Но когда он об этом спросил, лейтенант Норо быстро покачал головой и жестом попросил молчать.

Вскоре они собрались на вершине укреплений. Холинарская стена была мощным оборонительным сооружением, местами высотой более шестидесяти футов, с галереей для солдат наверху, десяти футов шириной. Стена окружала весь город. Ее действительно построили поверх наружных ветролезвий: она прилегала к ним, словно перевернутая корона, чьи зубцы соответствовали расщелинам между скалами.

Стена прерывалась сторожевыми башнями каждые триста футов или около того. Эти сооружения были достаточно большими, чтобы в них разместились отряды – возможно, целые взводы – дозорных.

– Судя по клейму, – бросила Азур Каладину, – ты был в одной из армий, которые набирают рекрутов на севере. Присоединился, чтобы сражаться на Расколотых равнинах, верно? Но Садеас использовал эту армию, чтобы она поставляла ему ветеранов и вдобавок, возможно, время от времени захватывала земли у соперничающих великих князей. В итоге ты сражался с другими алети, перепуганными фермерскими батраками, а не отправился мстить за короля. Что-то в этом духе?

– Что-то в этом духе, – признался Каладин.

– Провалиться мне в Преисподнюю, если я буду обвинять того, кто от такого дезертировал, – сказала Азур. – Солдат, я не держу на тебя зла.

– А как же клеймо?

Азур указала на север. Наконец-то наступила ночь, и Каладин увидел вдали свечение.

– Они возвращаются после каждой бури, – негромко произнесла Азур. – И разбивают лагерь, оставляя там часть войска. В военном смысле это разумно – мы не можем получать припасы и не знаем, когда они нападут. Это ночные кошмары. Настоящая армия Приносящих пустоту. Окажись на их месте армия алети, горожанам особо не о чем было бы беспокоиться. Конечно, на стене будут потери, но ни один претендент на корону Алеткара не сожжет и не разграбит столицу. Но это не алети. Это чудовища. В лучшем случае они обратят все население в рабов. В худшем... – Она не стала договаривать и посмотрела на него. – Твое клеймо меня радует. Оно говорит, что ты опасный, а у нас тут, на стене, жесткие ограничения. Мы не можем насильно вербовать всех пригодных; мне нужны настоящие солдаты – люди, которые знают, что они делают.

– Так я поэтому здесь? – спросил Каладин. – Что я должен увидеть?

– Я хочу, чтобы ты подумал, – объяснила Азур. – Я твержу людям: наша Стенная стража – это искупление. Если ты решишь сражаться тут, всем будет наплевать, что ты делал раньше. Все знают: если мы падем, не будет ни города, ни государства. Ничто не имеет значения, кроме как удержать эту стену, когда начнется штурм. Можешь спрятаться в городе и молиться, чтобы мы оказались достаточно сильны без тебя. Но если не получится, ты будешь всего лишь еще одним трупом. Здесь ты можешь сражаться. Здесь у тебя есть шанс. Мы не будем на тебя давить. Сегодня можешь уйти. Приляг и подумай о том, что надвигается; вообрази ночь, когда здесь, наверху, другие будут умирать за тебя, истекая кровью. Подумай о том, каким бессильным ты окажешься, если монстры прорвутся. А завтра, когда ты вернешься, мы тебе достанем нашивку Стенной стражи.

Это была мощная речь. Каладин посмотрел на Сил, которая приземлилась на его плечо, а потом перевел взгляд на огни на горизонте.

«И ты там, Сах? Тебя и остальных тоже сюда привели?» А что с маленькой дочкой Саха, которая собирала цветы и держала в руках игральные карты, словно драгоценную игрушку? Там ли Хен – паршунья, которая потребовала, чтобы Каладину сохранили свободу, хотя сердилась на него все время, пока они странствовали?

Ради всех ветров, лучше бы их не втягивали в этот бардак.

Он вместе с остальными спустился обратно по лестнице, гремя по ступенькам. После этого Норо и прочие члены отряда попрощались с ним так весело, словно не сомневались, что он вернется. Наверное, так оно и будет – хоть и не по тем причинам, которые они предполагали.

Каладин вернулся в особняк и заставил себя побеседовать с охранниками в палатке для светлоглазых, но ничего не узнал, а его клейма заставили их немного понервничать. Когда наконец-то появились Адолин и Элокар, их иллюзии оказались на месте. Так что же пошло не так с ним? Сфера, которую ему дала Шаллан, осталась заряженной.

Каладин разыскал Дрехи и Скара, и они вместе с королем и Адолином отправились домой.

– Капитан, что такой задумчивый? – спросил Элокар.

– Сдается мне, – сказал Каладин, сузив глаза, – я отыскал для нас еще одного Сияющего.

71. Признак человечности

ОДИННАДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД



Для нападения на Раталас с воды не хватало лодок, поэтому Далинар был вынужден использовать более заурядный штурм. Он спустился с запада – отправив Адолина обратно в Холинар, – а Садеасу и его силам поручил прийти с востока. Они подошли к Разлому вместе.

Далинар провел большую часть путешествия в шлейфе едкого дыма, который выпускала небольшая кафельница на боку кареты Эви. Прошение к Вестникам, чтобы благословили ее брак.

Он часто слышал, как жена плачет внутри, но, покидая карету, она всегда выглядела совершенно спокойной. Эви читала ему письма, писала его ответы и делала заметки на встречах с генералами. Она во всех отношениях была безупречной алетийской супругой – и ее несчастье лежало тяжким бременем у него на душе.

В конце концов они достигли равнин вокруг озера, пересекли русло реки, которое было сухим и наполнялось лишь во время бурь. Камнепочкам здесь воды хватало с избытком, и они разрослись до громадных размеров. Некоторые были выше талии, а тянувшиеся из них лозы оказались толщиной с запястье Далинара.

Он ехал рядом с экипажем, вдыхая дым, и копыта его коня отбивали знакомый ритм по каменной земле. Из бокового окошка высунулась рука Эви и поместила в кафельницу еще один охранный глиф. Ее лица он не увидел, а рука быстро исчезла.

Шквальная женщина. Алетийка бы превратила это в уловку, чтобы его замучила совесть. Но она – не алетийка, хоть и подражала им изо всех сил. Эви слишком искренняя, и ее слезы были подлинными. Она действительно думала, что их размолвка в веденской крепости предвещает неприятности в отношениях.

Это его беспокоило. Больше, чем он хотел бы признать.

Подбежала молодая разведчица с последним донесением: авангард встал возле города, в месте, где Далинар пожелал разбить лагерь. Боев пока не было, да он их и не ждал. Таналан

не осмелится покинуть стены вокруг Разлома, чтобы попытаться взять под контроль земли вне пределов полета стрелы.

Это была хорошая новость, но Далинар все равно едва не наорал на посланницу – ему хотелось сорвать раздражение на ком-нибудь. Буреотец, поскорее бы битва. Он сдержался и отослал женщину, поблагодарив.

Почему обидчивость Эви его так заботила? После ссор с Гавиларом такого не случалось. Буря свидетельница, такого не бывало и после прежних ссор с Эви. Странно. Все его хвалили, его слава простиралась по всему континенту, но вот она им не восхищается – и Далинар чувствовал, что каким-то образом потерпел неудачу. А сможет ли он и впрямь отправиться в бой, испытывая это чувство?

Нет. Не сможет.

«Ну так сделай что-нибудь».

Пока они лавировали по равнине, поросшей камнепочками, он крикнул вознице экипажа Эви, чтобы тот остановился. Потом, передав вожжи коня адъютанту, забрался внутрь.

Эви прикусила губу, когда Далинар устроился на сиденье напротив. Внутри хорошо пахло – благовония здесь ощущались слабее, а кремная пыль дороги не проникала сквозь дерево и ткань. Подушки были плюшевые, а еще здесь имелись сушеные фрукты в тарелочке и даже немного охлажденной воды.

– Что случилось? – резко спросила она.

– Седло натерло.

Она вздернула подбородок:

– Ну так попросил бы мазь...

– Я хочу поговорить, – признался Далинар со вздохом. – Ничего мне не натерло, на самом-то деле.

– А-а.

Она прижала колени к груди. В карете Эви расстегнула и закатала рукав защищенной руки, обнажив длинные изящные пальцы.

– Разве ты не этого хотела? – спросил Далинар, отведя взгляд от защищенной руки. – Ты же без конца молилась.

– Чтобы Вестники смягчили твое сердце.

– Ага. Ну вот, у них получилось. Я здесь. Давай поговорим.

– Нет, Далинар, – заявила она и, протянув руку, с нежностью коснулась его колена. – Я молилась не за себя, но за тех, кого твои соплеменники собираются убить.

– За бунтовщиков?

– Людей, которые отличаются от тебя лишь тем, что их угораздило родиться в другом городе. А что бы ты сделал, если бы вражеская армия пришла, чтобы захватить твой дом?

– Я бы сражался. И они будут сражаться. Победит достойный.

– Кто дал тебе право?

– Мой меч. – Далинар пожал плечами. – Если Всемогущий желает, чтобы мы правили, мы победим. Если нет, проиграем. Честно говоря, мне кажется, Он хочет проверить, кто сильнее.

– Значит, для милосердия места нет?

– Мы тут оказались в первую очередь из-за милосердия. Если они не хотят сражаться, пусть покорятся нашей власти.

– Но... – Она посмотрела на свои руки, сложенные на коленях. – Прости. Я не хочу опять ссориться.

– А я хочу, – заявил Далинар. – Мне нравится, когда ты отстаиваешь свою точку зрения. Нравится, когда ты сражаешься.

Она сморгнула слезы и отвернулась.

– Эви...

– Ненавижу то, что это делает с тобой, – тихо проговорила она. – Я вижу в тебе красоту, Далинар Холин. Вижу великого человека, который сражается с ужасным. И еще иногда у тебя такой взгляд... Жуткая, ужасающая пустота. Как будто ты превратился в бессердечное существо, что пожирает души, желая заполнить пропасть внутри, и оставляет позади себя шлейф спренов боли. Я не могу избавиться от этого образа.

Он поерзал на сиденье кареты. О чем она говорит? Что еще за «взгляд»? Или это вроде того раза, когда Эви заявила, что на коже людей собираются плохие воспоминания и их надо раз в месяц счищать с помощью камня? У западников встречались любопытные суеверия.

– Эви, что ты хочешь, чтобы я сделал? – тихо спросил он.

– Я снова победила? – с горечью проговорила она. – Еще одна битва, в которой я пустила тебе кровь?

– Я просто... мне нужно знать, чего ты хочешь. Чтобы я смог понять.

– Не убивай сегодня. Удержи чудовище.

– А бунтари? Их светлорд?

– Однажды ты пощадил этого мальчика.

– Очевидная ошибка.

– Признак человечности. Ты спросил, чего я хочу. Это глупо, и я вижу, что здесь есть проблемы, а у тебя – долг. Но... я не хочу видеть, как ты убиваешь. Не корми... это существо.

Он накрыл ее руку своей. В конце концов карета снова замедлила ход, и Далинар вышел, чтобы осмотреть открытое пространство, не поросшее камнепочками. Там ждал авангард: пять тысяч солдат выстроились безупречными шеренгами. Телеб знал, как произвести впечатление.

Через поле, на расстоянии выстрела из лука, пейзаж пересекала стена, которая как будто бы ничего не защищала. Город прятался в разломе скал. Ветерок с юго-запада приносил с озера запах буйно разросшихся сорняков и крема.

Подошел Телеб в своем осколочном доспехе. Точнее, в доспехе Адолина.

В доспехе Эви.

– Светлорд, – сообщил он, – не так давно Разлом покинул большой охраняемый караван. У нас не было людей, чтобы осадить город, и вы велели не вступать в бой. Поэтому я послал следом отряд разведчиков, которые знают местность, – но, в общем-то, позволил каравану уйти.

– Ты поступил верно. – Далинар забрал коня у конюха. – Хоть я и предпочел бы знать, кто поставляет припасы разломцам, это могла быть попытка втянуть тебя в стычку. Как бы там ни было, собери свой авангард, и пусть они построятся за мной. Передай остальным. Они должны держать строй – на всякий случай.

– Сэр? – потрясенно спросил Телеб. – Вы не хотите, чтобы армия отдохнула перед штурмом?

Далинар прыгнул в седло и рысью проехал мимо, направляясь к Разлому. Телеб, обычно невозмутимый, выругался и начал выкрикивать указания, а потом поспешил к авангарду, чтобы собрать их и быстро пустить следом.

Далинар позаботился о том, чтобы не слишком оторваться. Вскоре он приблизился к стенам Раталаса, где собрались повстанцы – в основном лучники. Они не ждали нападения так скоро, но Далинар, разумеется, не собирался задерживаться на равнине, где его войско было беззащитно перед бурей.

«Не корми это существо».

Могла ли она знать, что он считал этот внутренний голод, жажду крови чем-то до странности внешним? Компаньоном. Многие из его офицеров чувствовали то же самое. Это было естественно. Ты отправлялся на войну, и Азарт становился твоей наградой.

Прибыли оружейники Далинара, и он спешился, сунул ноги в предоставленные ими латные ботинки и развел руки, давая им возможность быстро пристегнуть нагрудник и другие части доспеха.

– Ждите здесь, – велел он своим людям и, вновь забравшись в седло, повесил шлем на луку. Пустил коня шагом на будущее поле битвы, призвал осколочный клинок и положил на плечо, держа в другой руке вожжи.

Минули годы с его последней атаки на Разлом. Он представил, как Гавилар мчится впереди, а за ним Садеас – ругается и требует «благоразумия». Далинар продвигался вперед, пока не оказался на полпути к воротам. Подойди он ближе, и лучники, скорее всего, начали бы стрелять; он и так уже оказался в пределах их досягаемости. Далинар остановил коня и стал ждать.

На стенах обсуждали происходящее; он видел волнение среди солдат. Примерно через тридцать минут – Далинар все это время сидел в седле, а его конь спокойно лизал камни и жевал траву, какая осмелилась выглянуть, – ворота наконец-то открылись. Вышла рота пехотинцев, сопровождавшая двух мужчин на лошадях. Далинар лишь мельком взглянул на лысого с фиолетовым родимым пятном в половину лица; слишком стар, чтобы оказаться мальчиком, которого он пощадил.

Значит, младший: верхом на белом жеребце, плащ струится следом. Да, в нем ощущалось некое рвение, и его конь грозил опередить охранников. И смотрел он на Далинара так, словно хотел испепелить взглядом... Да, это светлорд Таналан, сын старика Таналана, которого Далинар победил после того, как сам упал в Разлом. Та яростная схватка на деревянных мостах и в саду, подвешенном на стороне ущелья...

Группа остановилась примерно в пятидесяти футах от Далинара.

– Ты пришел вести переговоры? – крикнул мужчина с родимым пятном на лице.

Далинар подвел коня ближе, чтобы не пришлось кричать. Охранники Таналана подняли щиты и копья.

Черный Шип окинул взглядом их, а затем укрепления:

– Вы хорошо подготовились. Багорщики на стенах, чтобы столкнуть меня, если я нападу в одиночку. Верх задрапирован сетями, которые можно срезать, чтобы я запутался.

– Тиран, чего ты хочешь? – рявкнул Таналан. У него был носовой акцент, типичный для всех разломцев.

Далинар отпустил меч и спрыгнул с коня, латные ботинки заскрежетали по камню, когда он ударился о землю.

– Прогуляемся, светлорд? Обещаю не причинить тебе вреда, если не нападешь первым.

– И я должен тебе верить?

– Что я сделал в первый раз, когда мы оказались лицом к лицу? – спросил Далинар. – Когда ты был в моих руках, как я поступил?

– Ты ограбил меня.

– И?... – спросил Далинар, глядя в фиолетовые глаза молодого человека.

Таналан смерил его взглядом, постукивая одним пальцем по седлу. Наконец он спешился. Мужчина с родимым пятном положил руку ему на плечо, но молодой светлорд ее стряхнул.

– Черный Шип, не понимаю, чего ты собираешься этим добиться, – заявил Таналан, присоединяясь к Далинару. – Нам нечего друг другу сказать.

– Чего я хочу добиться? – задумчиво повторил Далинар. – Сам не знаю. Разговорами обычно занимается брат.

Он пошел вперед по «коридору» между двумя враждебными армиями. Таналан чуть задержался, а потом припустил следом.

– Твое войско выглядит хорошо, – похвалил Далинар. – Смело. Вы не утратили решимость перед лицом более сильного противника.

– Черный Шип, у них сильная мотивация. Ты убил многих их отцов.

- Жаль уничтожать и их тоже.
- Это если у тебя получится.

Далинар остановился и устремил внимательный взгляд на юношу, который был ниже ростом. Они стояли на слишком тихом поле, где даже камнепочки и трава благоразумно попрятались кто куда.

– Таналан, разве я проиграл хоть одну битву? – тихо спросил Далинар. – Ты знаешь мою репутацию. По-твоему, она преувеличена?

Молодой светлорд потоптался на месте, оглянулся туда, где остались его охранники и советники. Когда же снова перевел взгляд на Далинара, то казался уже более решительным.

- Лучше умереть, попытаюсь одолеть тебя, чем сдаться.

– Надеюсь, ты понимаешь, что говоришь, – пробормотал Далинар. – Потому что если я одержу здесь победу, то превращу Раталас в пример для остальных. Таналан, я тебя сломаю. Твой жалкий плачущий город ответит за всех, кто бросил вызов моему брату. Ты совершенно уверен, что хочешь сразиться со мной? Ибо, когда все начнется, я буду вынужден оставить в Разломе только вдов и трупы.

Челюсть молодого аристократа медленно опустилась.

- Я...

– Мой брат пытался приструнить тебя с помощью слов и политики, – продолжил Далинар. – Что ж, я хорош лишь в одном. Он строит. Я уничтожаю. Но из-за слез хорошей женщины я решил – вопреки собственному здравому смыслу – предложить тебе альтернативу. Давай придумаем компромисс, который пощадит твой город.

- Компромисс? Ты убил моего отца!

– А однажды кто-то убьет меня, – парировал Далинар. – Мои сыновья будут проклинять его имя, как ты проклинаешь мое. Но я надеюсь, что они-то не потратят впустую тысячи жизней в безнадежной битве из-за этой обиды. Ты хочешь мести. Ладно. Давай устроим дуэль. Ты и я. Одолжу тебе клинок и доспех, и мы сойдемся на равных условиях. Я одержу победу, и твои люди сдадутся.

- А если я одолею тебя, твои войска уйдут?

– Едва ли. Подозреваю, они будут сражаться отчаяннее. Но без меня, а ты вернешь клинок отца. Кто знает? Может, тебе удастся победить армию. По крайней мере, у тебя будет шквальный шанс.

Таналан нахмурился:

- Ты не такой, каким я тебя считал.

- Я такой же, как был всегда. Но сегодня... сегодня этот человек не хочет никого убивать.

Внезапно внутри его вспыхнул огонь, противящийся этим словам. Он и впрямь собирается зайти так далеко, чтобы избежать конфликта, которого так ожидал?

– Один из ваших работает против вас, – внезапно сказал Таналан. – Верные великие князя? Среди них есть предатель.

– Я бы удивился, не окажись их несколько. Но да, мы знаем, что кто-то сотрудничает с вами.

– Жаль, – проговорил Таналан. – Его люди были здесь менее часа назад. Появись раньше, и ты бы поймал их. Может быть, они бы тогда были вынуждены присоединиться ко мне и их хозяин был бы втянут в войну. – Он покачал головой, затем повернулся и пошел назад к своим советникам.

Далинар вздохнул с досадой. Отказ. Что ж, он не особо и надеялся, что это сработает. Князь вернулся к своему коню и забрался в седло.

Таналан также оседлал скакуна. Прежде чем вернуться в свой город, он отсалютовал Далинару и сказал:

– Это прискорбно, но я не вижу другого пути. Черный Шип, я не могу победить тебя в поединке. Пытаться было бы глупо. Но я... ценю твое предложение.

Далинар хмыкнул, надел шлем и развернул коня.

– Если только... – добавил осторожно Таналан.

– Да?

– Если только не представить, что все это с самого начала было уловкой – интригой, которую провернул твой брат с твоим и моим участием, – сказал Таналан. – Фальшивым... восстанием. Целью которого было обманом вынудить вероломных великих князей раскрыть себя.

Далинар поднял забрало и опять развернулся к Таналану.

– Тогда мой бунт мог бы быть притворным, – продолжил тот. – Возможно, мы даже общались друг с другом с того штурма много лет назад. Ты ведь действительно пощадил меня в тот раз.

– Да, – прошептал Далинар, чувствуя внезапный всплеск волнения. – Это объяснило бы, почему Гавилар не сразу послал наши войска против тебя. Мы все это время действовали заодно.

– И лучшее доказательство, вот этот разговор на поле боя. – Таналан посмотрел через плечо на свое войско на стене. – Мои люди, должно быть, думают, что это очень странно. Но все встанет на свои места, когда они узнают правду – узнают, что я рассказал тебе о посланнике, который был здесь, доставил оружие и провиант от одного из самых тайных твоих врагов.

– Твоей наградой, разумеется, – подхватил Далинар, – стало бы признание тебя законным великим лордом. Ты мог бы сделаться великим князем вместо изменника.

– И никаких битв сегодня, – добавил Таналан. – Никаких смертей.

– Никаких смертей. Кроме, может быть, настоящих предателей.

Таналан взглянул на своих советников. Мужчина с родимым пятном медленно кивнул.

– Они направились на восток, к Ничейным холмам, – сообщил Таналан, взмахнув рукой. – Сто солдат и караванщиков. Думаю, они планировали остаться на ночь на постоялом дворе в городке под названием Веделлиар.

– Кто это был? – спросил Далинар. – Кто из великих князей?

– Было бы лучше, если бы ты узнал сам, как...

– Кто? – рявкнул Далинар.

– Светлорд Тороль Садеас.

Садеас?..

– Невозможно!

– Как я и предупреждал, – заметил Таналан. – Было бы лучше, если бы ты убедился сам. Но я все расскажу королю, если ты будешь придерживаться... нашего соглашения.

– Открой свои ворота моим людям. Отзови солдат. Даю слово чести, вам ничего не угрожает.

С этими словами он повернулся и пустил коня рысью к своим войскам, пройдя через коридор людей. Когда он остановился, подбежал Телеб.

– Светлорд! – крикнул он. – Мои разведчицы вернулись, понаблюдав за караваном. Сэр, это...

– Караван великого князя?

– Несомненно, – подтвердил Телеб. – Они не смогли определить, чей именно, однако твердят, что заметили в караване осколочника.

Осколочник? Это бессмысленно!

«Если только он не собирается таким образом обеспечить наше поражение, – подумал Далинар. – Возможно, это не просто караван, а замаскированная сила, которая должна зайти с фланга».

Единственный осколочник, атаковав задние ряды его войска, пока то занято другими вещами, мог принести немыслимый ущерб. Далинар не до конца поверил Таналану. Но... буря свидетельница, если Садеас и впрямь втайне послал одного из своих осколочников на поле боя, Далинар не мог просто отправить отряд солдат, чтобы те с ним разобрались.

– Прими командование, – велел он Телебу. – Таналан собирается отступить; пусть авангард присоединится к местным на укреплениях, но не вытесняйте их. Остальное войско размести лагерем на поле и держи офицеров подальше от Раталаса. Это не капитуляция. Мы притворимся, что он все это время был на нашей стороне, чтобы Таналан смог сохранить лицо и титул. Хоринар, мне нужна рота элитных солдат, самых быстрых, готовых выступить со мной в поход прямо сейчас.

Они повиновались, не задавая вопросов. Гонцы разбежались с сообщениями, и вся равнина превратилась в гудящий улей – все пришло в движение, мужчины и женщины спешили во всех направлениях.

Лишь один человек застыл неподвижно посреди всего, с надеждой прижимая к груди сцепленные руки.

– Что случилось? – спросила Эви, когда он подъехал к ней рысью.

– Вернись в наш лагерь и составь послание моему брату, передай, что мы, возможно, склонили Разлом на нашу сторону без кровопролития. – Он остановился, потом добавил: – И скажи, чтобы никому не доверял. Один из наших ближайших союзников мог предать нас. Я выясню, что к чему.

72. Камнепад

Гранетанцоры слишком заняты перемещением слуг и фермеров из башины, чтобы отправить представителя, который записал бы свои мысли в самосветы.

Тогда я сделаю это вместо них. На них это решение повлияет сильнее всего. Сияющих примут любые государства, но куда теперь денутся все эти люди, оставшиеся без дома?

Из ящика 4-17, второй топаз



У города было сердце. Вуаль слышала его биение, когда закрывала глаза.

Она присела в плохо освещенном помещении, касаясь руками гладкого каменного пола, который истерся от тысяч и тысяч шагов. Если камень встречал человека, камень мог победить, но если камень встречал человечество, то никакая сила не могла сохранить его.

Сердцебиение города было запрятано глубоко внутри этих булыжников, старое и медленное. Город еще не осознал, что нечто темное проникло внутрь. Спрен, такой же древний, как он сам. Опухоль. Люди не говорили об этом; они избегали дворца, упоминали королеву только для того, чтобы выразить недовольство по поводу казни ревнительницы. Все равно что стоять посреди Великой бури и жаловаться на тесные туфли.

Тихий свист привлек внимание Вуали. Она подняла глаза и осмотрела небольшую погрузочную площадку вокруг себя. Здесь были только она, Ватах и их фургон.

– Идем.

Вуаль приоткрыла дверь и вошла в сам особняк. У нее и Ватаха были новые лица. Ее – версия лица Вуали со слишком большим носом и ямочками на щеках.

Он носил лицо грубияна, которого Шаллан видела на рынке. Свист Рэда означал, что горизонт чист, и потому они без колебаний направились по коридору.

Этот экстравагантный каменный особняк построили вокруг квадратного открытого атриума, где цвели камнепочки и сланцекорник, над которыми порхали спрены жизни. Атриум был высотой в четыре этажа, с галереями вокруг каждого уровня. Рэд стоял на втором – свистел, опираясь на парапет.

Но настоящей достопримечательностью особняка был не сад, а водопады. Потому что ни в одном из них на самом деле не текла вода.

Она там была когда-то. Но однажды, давным-давно, кто-то чересчур богатый дал волю воображению. Он нанял духозаклинателей, которые преобразовали большие фонтаны воды,

что лились с верхнего уровня, с четвертого этажа. Их духозакляли в другой материал в тот самый момент, когда вода коснулась пола.

Путь Вуали вывел ее вдоль комнат налево, где впереди нависал балкон атриума первого этажа. Справа от нее лился бывший водопад – теперь он был из хрусталя. Масса текущей «воды» навеки застыла, ударившись о каменный пол, где хлынула вперед блистающей волной. Особняк десятки раз переходил из рук в руки, и люди называли его Камнепадом – несмотря на предпринятые новым владельцем на протяжении последних десяти лет попытки наречь это место невероятно скучным именем Цитадель Хадиал.

Вуаль и Ватах двинулись в путь в сопровождении ободряющего насвистывания Рэда. Следующий водопад походил по форме на первый, но сделан из полированной древесины культяпника. Он выглядел до странности естественно, – казалось, что дерево могло вырасти, имея такие очертания, изливаясь сверху и сбегая вниз волнистой колонной, расплескиваясь наружу у основания.

Скоро они прошли мимо комнаты слева, где Ишна беседовала с нынешней хозяйкой Камнепада. Каждый раз, когда Буря бурь наносила удар, она оставляла разрушения – но они причудливым образом отличались от того, что делала Великая буря. Самой большой опасностью новой стихии оказались молнии. Эти странные красные вспышки не просто становились причиной пожара или опаляли землю; они могли проламывать камни, и от взрывов осколки летели во все стороны.

Один такой удар пробил зияющую дыру в стене этого древнего знаменитого особняка. Ее залатали неприглядной деревянной панелью, которую собирались покрыть кремом, а после наконец заложить кирпичами. Светлость Нананав – алету средних лет, с узлом волос почти той же высоты, что и ее рост, – жестом указала сперва на забитую досками дыру, потом на пол.

– Сделаешь так, чтобы они соответствовали друг другу, – сказала Нананав Ишне, которая была в облике торговли коврами. – Я не потерплю, даже если они будут отличаться на оттенок! Когда вернешься с починенными коврами, положу их рядом с теми, что в других комнатах, и проверю!

– Да, светлость, – забормотала Ишна. – Но ущерб намного больше, чем я...

– Эти ковры были сотканы в Шиноваре! Их создал слепой, который тридцать лет учился у мастера-ткача, прежде чем ему позволили делать собственные ковры! Он умер после завершения моего заказа, потому других таких не существует!

– Мне это хорошо известно, поскольку вы уже в третий раз все повторили...

Вуаль сняла Образ женщины; потом они с Ватахом проскользнули мимо комнаты и продолжили идти по атриуму. Предполагалось, что они – слуги Ишны, которым непозволительно свободно бродить по дому. Рэд – заметив, что они в пути, – собрался вернуться к Ишне. Он отпросился в уборную, но на его слишком долгое отсутствие могли обратить внимание.

Его свист прервался.

Вуаль открыла дверь и затащила Ватаха внутрь, ее сердце колотилось – прямо снаружи пара охранников спустилась по лестнице со второго уровня.

– И все-таки этим надо было бы заниматься ночью, – прошептал Ватах.

– Ночью это место охраняют, как крепость.

Смена караула проходила в середине утра, так что Вуаль и остальные пришли незадолго до этого. Теоретически усталые охранники должны были заскучать после ночи, на протяжении которой ничего не происходило.

Вуаль и Ватах вошли в небольшую библиотеку, освещенную несколькими сферами в кубке на столе. Ватах покосился на них, но не двинулся с места – они проникли сюда не за парой фишек. Вуаль опустила свой ранец на пол и принялась копаться внутри, пока не достала блокнот и угольный карандаш.

Она перевела дух и позволила Шаллан просочиться сквозь собственную суть. Потом нарисовала Нананав, мельком увиденную чуть раньше.

– Я до сих пор удивляюсь тому, что ты все это время была вами обеими сразу, – сказал Ватах. – Вы совсем не похожи друг на друга.

– Вообще-то, в этом весь смысл.

– Хотел бы я сам во всем разобраться. – Он хмыкнул, почесал голову. – Мне нравится Вуаль.

– А я?

– Ты моя хозяйка. Ты и не должна мне нравиться.

Честно, хоть и грубовато. По крайней мере, с Ватахом всегда было понятно, что к чему. Он прислушался у двери, потом приоткрыл ее, следя за охранниками.

– Ладно. Поднимаемся по лестнице, затем идем обратно по галерее второго этажа. Хватаем товар, запикиваем в кухонный лифт – и к выходу. Вот буря! Хотел бы я этим заниматься, когда все спят.

– Ну и что в этом забавного? – Шаллан закончила рисунок широким росчерком и ткнула Ватаха в бок. – Признайся, тебе же все это нравится.

– Я нервничаю, как новобранец в первый день на войне, – признался Ватах. – Руки дрожат, вздрагиваю от каждого шороха. И меня тошнит!

– Видишь? – сказала Шаллан. – Забавно.

Она пробралась мимо него и выглянула через приоткрытую дверь наружу. Шквальные охранники. Устроились в атриуме неподалеку. Отсюда они, несомненно, слышали голос настоящей Нананав, так что, если Шаллан выйдет из этой комнаты с ее лицом, это обязательно вызовет переполох.

Надо пустить в ход воображение. Узор гудел, пока она размышляла. Может, сделать так, чтобы водопады снова потекли? Запустить иллюзии странных спренгов? Нет... нет, не надо ничего театрального. Шаллан надо отойти в сторону, забрав с собой любовь к драматичности.

Проще надо быть, как уже случалось раньше. Надо поступать как Вуаль. Она закрыла глаза и выдохнула, вложила свет в Узора, сплела только звук – голос Нананав, зовущий охранников в комнату, где она читала нотации Ишне. Зачем выдумывать новые трюки, когда старые прекрасно работают? Вуаль не стремилась импровизировать просто ради того, чтобы сделать что-то по-новому.

Узор унес иллюзию прочь, и звук вынудил охранников удалиться по коридору. Шаллан вывела Ватаха из библиотеки, они зашли за угол и направились вверх по лестнице. Она выдохнула бурсвет, который окутал ее, и полностью превратилась в Вуаль. А затем Вуаль сделалась женщиной, которая была не совсем Вуалью, – с ямочками на щеках. И поверх этой маски она надела личину Нананав.

Высокомерная. Разговорчивая. Уверенная, что все вокруг нее только и делают, что ищут повод схалтурить. Когда они вышли на следующий этаж, ее походка стала спокойной и размеренной, а взгляд устремился к перилам. Когда их в последний раз полировали?

– Я не нахожу это забавным, – проворчал Ватах. – Но мне нравится.

– Значит, забавно.

– «Забавно» – это выигрывать в карты. Здесь что-то другое.

Он отнесся к своей роли серьезно, но, право слово, надо бы ей подыскать более утонченных слуг. Ватах все равно что боров в человеческом обличье, вечно пыхтит и о чем-то размышляет.

Разве она не заслуживает лучшего? Она же Сияющий рыцарь, в конце концов. Ей нет нужды терпеть дезертиров, которые и на людей-то почти не похожи, а выглядят как наброски, которые Шаллан могла бы нарисовать после тяжелой ночной попойки и, наверное, держа карандаш зубами.

«Ты слишком вжилась в роль, – прошептал внутренний голос. – Осторожнее». Она оглянулась в поисках Узора, но он все еще был где-то внизу.

Они остановились перед запертой дверью второго этажа. Согласно плану, ее должен был открыть Узор, но у нее не осталось терпения, чтобы ждать. Кроме того, в их сторону шел старший слуга.

Он поклонился, увидев Нананав.

– И это называется поклон? – возмутилась лже-Нананав. – Этот быстрый кивок? Где тебя такому научили?

– Мои извинения, светлость, – сказал слуга и поклонился глубже.

– Я могла бы отсечь тебе ноги у колен, – отрезала Нананав. – Может, тогда появилась бы хоть видимость раскаяния с твоей стороны. – Она постучала по двери костяшками пальцев. – Открывай.

– Почему... – Он осекся, видимо сообразив, что хозяйка не в настроении. Он поспешил разобраться с кодовым замком и открыл для нее дверь. Изнутри пахло пряностями.

– Иди и покайся за то, что оскорбил меня, – велела Нананав. – Заберись на крышу и просиди там ровно час.

– Светлость, если я чем-то вас...

– Если?! – Она ткнула пальцем вверх. – Ступай!

Он снова поклонился – поклон с трудом мог считаться достаточным – и убежал прочь.

– Светлость, сдается мне, вы перегибаете палку, – предупредил Ватах, потирая подбородок. – У нее репутация женщины с трудным характером, а не чокнутой.

– Заткнись, – бросила Нананав, решительно входя в комнату.

Это была кладовая особняка.

Одну стену покрывали стойки, с которых свисали сушеные колбасы. Позади были сложены мешки с зерном, а ящики с длиннокорнем и прочими клубнями стояли на полу тут и там. Мешки с пряностями. Кувшинчики с маслом. Ватах закрыл дверь и начал поспешно набивать колбасками мешок.

Нананав не отличалась торопливостью. Это было хорошее место, чтобы держать тут провиант под замком. Унести его куда-то еще казалось... хм, преступлением.

Может, ей стоит переехать в Камнепад и сыграть роль как следует. А бывшая леди? Ну, она явно всего лишь низкокачественная версия. Надо просто ее ликвидировать и занять освободившееся место. Это ведь будет... правильно, не так ли?

Вздвогнув, Вуаль сбросила один слой иллюзии. Вот же буря... буря! Что это было?

– Светлость, не считите за оскорбление, – язвительно проговорил Ватах, засовывая мешок с колбасками в кухонный лифт, – но вы можете стоять там и наблюдать. А можете, буря бы вас побрала, помочь и получить в два раза больше еды и в половину больше самомнения.

– Прости. – Вуаль схватила мешок с зерном. – Голова этой женщины – пугающее место.

– Ну я же предупреждал, что Нананав печально известна своим трудным характером.

«Ага, – подумала Вуаль. – Но я-то говорила про Шаллан».

Они трудились быстро, заполняя большой кухонный лифт; он требовался для того, чтобы доставлять крупные партии провианта из комнаты внизу, куда их привозили. Они засунули туда все колбаски, почти все ящики с длиннокорнем и несколько мешков с зерном. Когда лифт наполнился, они вдвоем опустили его на нижний этаж. Подождали у двери – и, к счастью, Рэд начал насвистывать. Первый этаж снова был чист. Не доверяя себе с лицом Нананав, она осталась Вуалью, и они с Ватахом поспешили наружу. Там ждал Узор, который с гудением забрался на ее брюки.

По пути вниз они миновали водопад из чистого мрамора. Шаллан бы задержалась, чтобы полюбоваться искусным духозаклинанием. К счастью, этой операцией руководила Вуаль. Шал-

лан... Шаллан легко отвлекалась. Разглядывала детали или парила в облаках, представляя картину в целом. Удобная середина, безопасная умеренность – это была незнакомая ей почва.

Они спустились, присоединились к Рэду в поврежденной комнате и помогли ему донести свернутый ковер до погрузочного помещения. Здесь она попросила Узора быстренько открыть замок в кабинку кухонного лифта, затем послала его отвлекать слуг, которые несли в эту комнату дрова. Они погнались за иллюзией дикой норки с ключом в пасти.

Вуаль, Рэд и Ватах развернули ковер, заполнили его мешками с едой из лифта и засунули в поджидающий фургон. Охранники у ворот не должны были ничего заметить, не считая нескольких ковров.

Они достали второй ковер и проделали с ним то же самое, а потом собрались пойти обратно. Однако Вуаль замерла у двери в погрузочную комнату. Что это такое, на потолке? Склонив голову набок, она уставилась на странную жидкость, которая собиралась лужицами и капала на пол.

«Спрены гнева, – поняла она. – Собираются там и просачиваются сквозь пол». Прямо над ними располагалась кладовая.

– Бежим! – крикнула Вуаль и, развернувшись, метнулась назад, к фургону. Миг спустя наверху поднялся крик.

Вуаль вскарабкалась на сиденье фургона и ударила чулла хлыстом. Ее команда, к которой присоединилась Ишна, попрыгала в фургон, уже начавший двигаться. Очень. Медленно.

Вуаль... Шаллан ударила большого краба по панцирю, вынуждая его ускорить шаг. Но чуллы двигались с чульей скоростью. Фургон выехал во двор, а ворота впереди уже закрывались.

– Шквал! – выругался Ватах и бросил взгляд через плечо. – Это тоже часть «веселья»? За ними из особняка вывалилась Нананав, чья высокая прическа колыхалась.

– Остановите их! Воры!

– Шаллан? – крикнул Ватах. – Вуаль? Кто ты сейчас? Клянусь бурей, у них арбалеты! Шаллан выдохнула.

Впереди них с лязгом закрылись ворота. В небольшой двор вышли охранники, держа оружие наготове.

– Шаллан! – заорал Ватах.

Она встала на фургоне, и вокруг нее закружился буресвет. Чулл остановился, и Шаллан оказалась лицом к лицу с охранниками. Они резко остановились и разинули рот.

Позади Нананав нарушила тишину:

– Что вы делаете, идиоты? Почему...

Она осеклась и застыла, когда Шаллан повернулась в ее сторону. Нананав увидела себя.

Те же волосы. Те же черты. Та же одежда. Копия даже держалась так же высокомерно, вздернув нос. Шаллан / Нананав раскинула руки, и из земли вокруг фургона вырвались спрены. Лужи мерцающей крови неправильного цвета, булькающие слишком уж рьяно. Осыпающиеся дождем кусочки стекла. Спрены предвкушения, похожие на тонкие щупальца.

Шаллан / Нананав позволила своему облику исказиться, чужие черты стекли с ее лица, словно краска со стены. Настоящая Нананав заорала и убежала обратно в здание. Один из охранников нажал на спуск, и стрела из его арбалета угодила Шаллан / Нананав в голову.

Какая досада.

На миг у нее потемнело перед глазами, нахлынула паника – она вспомнила, как ее пронзили мечом во дворце. Но какая разница, что к иллюзорным спренам вокруг нее присоединились настоящие спрены боли? Она выпрямилась и посмотрела на солдат; ее лицо плавилось, а из виска торчал арбалетный болт.

Охранники сбежали.

– Ватах, – сказала она, – пжалста отк’ой во’ота. – Что-то случилось со ртом. Как странно.

Ватах не шелохнулся, и Шаллан сердито взглянула на него.

– Ох! – взвизгнул он и, попятившись, споткнулся об один из ковров в фургоне. Упал рядом с Рэдом, которого окружали спрены страха, похожие на сгустки слизи. Даже Ишна выглядела так, словно увидела Приносящего пустоту.

Шаллан позволила иллюзиям исчезнуть – всем, кроме Вуали. Обычной, привычной Вуали.

– Все в по'ядке, – попыталась успокоить команду Вуаль. – П'осто иллюзии. Ну же, отк'ой во'ота.

Ватах с трудом выбрался из фургона и побежал к воротам.

– Э-э, Вуаль? – осторожно пробормотал Рэд. – Этот арбалетный болт... кровь пачкает твою одежду.

– Я все 'авно соби'алась ее выкинуть, – заявила она, снова усаживаясь на сиденье и чувствуя себя увереннее, оттого что Узор вернулся в фургон и юркнул к ней. – У меня почти готов новый на'яд.

Если так пойдет и дальше, ей придется покупать их оптом.

Они вывели фургон за ворота и подобрали Ватаха. Никто из охранников не бросился следом, и разум Вуали... поплыл, пока они отъезжали.

Арбалетный болт начал ее раздражать. Она не чувствовала свою защищенную руку. Досадно. Вуаль потрогала болт другой рукой; похоже, бурсвет исцелил ее голову вокруг раны. Она стиснула зубы и попыталась вытащить болт, но штуковина застряла. У нее перед глазами снова все расплылось.

– Вы бы не могли помочь мне с этим, па'ни? – спросила она, указывая на болт и дополнительно втягивая бурсвет.

Она полностью отключилась, когда Ватах вырвал болт. Вскоре пришла в себя на переднем сиденье фургона. Коснулась виска кончиками пальцев и не обнаружила отверстия.

– Иногда ты меня пугаешь, – пробормотал Ватах, подгоняя чулла хлыстом.

– Я делаю то, что нужно сделать, – ответила Вуаль, откидываясь назад и забрасывая ноги на переднюю часть фургона. Ей кажется или люди вдоль улицы сегодня выглядят более голодными, чем раньше? Над их головой жужжали спрены голода, будто черные мошки, которые иногда выются над гниющими растениями. Измученные матери держали на руках плачущих детей.

Вуаль отвернулась, пристыженно думая о еде, припрятанной в фургоне. Сколько добра она могла бы принести! Сколько слез осушить, сколько голодных детей утешить!

«Успокойся...»

Проникнуть в культ Мгновений важнее, чем прокормить несколько ртов прямо сейчас. Ей понадобится много еды, чтобы купить пропуск туда. И расследовать... Сердце Бражничества, как его назвал Шут.

Вуаль мало что знала про Несотворенных. Она слишком часто игнорировала ревнителей, особенно если те рассказывали древние предания о Приносящих пустоту. Шаллан обо всем знала немногим больше, но, разумеется, хотела бы разыскать книжку на эту тему.

Прошлой ночью Вуаль вернулась в трактир, где Шаллан встречалась с Королевским Шутом, и хотя его там не оказалось, обнаружилась записка для нее:

Все еще пытаюсь найти для тебя посредника из высших членов культа. Все, с кем я говорил, просто советуют «сделать что-нибудь, что привлечет их внимание». Я бы сделал, но уверен, что нарушать городские законы о запрете непристойного поведения не самое мудрое решение, пускай здесь никто и не следит за порядком как полагается.

Сделать что-нибудь, что привлечет их внимание. Похоже, в этом городе культ Моментов проник повсюду. Почти как Духокровники. Они затаились и наблюдали.

Пожалуй, ей не стоило ждать Шута. И возможно, она в силах решить две проблемы сразу.

– Отвези нас на рынок Рингингтон, – велела она Ватаху, назвав ближайший рынок к портновской мастерской.

– Разве мы не собираемся выгрузить еду, прежде чем вернуть фургон этому торговцу?

– Конечно собираемся.

Ватах посмотрел на хозяйку, но когда она не стала ничего объяснять, повернул фургон. Вуаль взяла шляпу и плащ, надела и прикрыла пятна крови на рубашке светоплетением.

Потом велела Ватаху подъехать к заброшенному зданию на рынке. Когда они остановились, беженцы заглянули в фургон, но увидели только ковры – и бросились врассыпную, когда Ватах сердито на них посмотрел.

– Охраняй повозку, – приказала Вуаль, вытаскивая маленький мешок с едой. Она спрыгнула на землю и неспешно направилась к зданию. Его крышу разрушила Буря бурь, и оттого здесь теперь собирались бездомные. Она нашла Грунда в главной комнате, как обычно.

Вуаль возвращалась сюда несколько раз, получая информацию от этого грязного маленького беспризорника, которого она подкупила едой в свой первый день на рынке. Оказалось, он всегда крутился где-то рядом, а Вуаль отлично знала, как ценен местный беспризорник, если нужно добыть сведения.

Сегодня мальчишка был в комнате один. Другие попрошайки отправились добывать еду. Грунд здоровой рукой рисовал на маленькой доске древесным углем, а деформированную прятал в кармане. Он встрепнулся, увидев Вуаль. Мальчик хотя бы перестал убегать; похоже, городские беспризорники беспокоились, когда кто-то слишком открыто их искал.

Но все менялось, когда они узнавали, что у тебя есть еда.

Он напустил на себя незаинтересованный вид, пока Вуаль не бросила на пол мешок. Оттуда выглянула колбаска. Тут темные глаза беспризорника чуть не вылезли из орбит.

– Целый мешок?! – ахнул Грунд.

– Хороший день, – заявила Вуаль, присев на корточки. – Есть новости по тем книгам?

– Не-а. – Он потрогал сосиску – как будто боялся, что сейчас Вуаль внезапно ее заберет. – Я ничегошеньки не слышал.

– Сообщи, если услышишь. А пока меня интересует вот что: ты не знаешь, кому тут нужна еда? Каким-нибудь особенно хорошим и достойным людям, которых обделяют во время раздачи зерна?

Он уставился на Вуаль, пытаясь понять, к чему та клонит.

– Есть излишки, хочу раздать, – объяснила она.

– Ты хочешь раздать еду. – Грунд повторил это таким тоном, словно она собралась научить кремлецов летать.

– Ну я же не первая. Во дворце раньше раздавали еду беднякам, верно?

– Таким занимаются короли. Не обычные люди. – Он окинул ее взглядом с головы до ног. – Но ты необычная.

– Ага.

– Ну... Швее Мури всегда была добра ко мне. У нее много детишек. Их трудно прокормить. У нее лачуга возле старой пекарни, которая сгорела до основания в первую ночь, когда пришла Буря бурь. И дети-беженцы, которые живут в парке возле тропы Лунного света. Они совсем малыши, знаешь? Никто за ними не присматривает. И башмачник Джом. Он руку сломал... Ты это запишешь или как?

– Я запомню.

Он пожал плечами и выдал ей длинный список. Вуаль поблагодарила и напомнила, чтобы он поискал книгу. Ишна по приказу Шаллан посетила нескольких торговцев, и один из них

упомянул книгу под названием «Мифическое» – довольно новый том, в котором говорилось о Несотворенных. Книготорговец сказал, что у него был один экземпляр, но его лавку ограбили во время бунтов. Оставалось надеяться, что кто-то из городского отребья знал, куда делся его товар.

Вуаль пружинистым шагом вернулась к фургону. Ей же требовалось привлечь внимание культа? Что ж, это она и сделает. Вуаль сомневалась, что список Грунда беспристрастен, но остановиться посреди рынка и вывалить мешки было все равно что спровоцировать бунт. Лучше уж раздать еду вот так.

Оказалось, что у швеи Мури и впрямь много детей, но мало денег, чтобы их прокормить. Дети в парке нашлись именно там, где сказал Грунд. Вуаль оставила им целую гору провизии и быстро ушла, пока они подбегали к ней в изумлении.

К четвертой остановке Ватах все понял:

– Собираешься все раздать?

– Не все. – Вуаль развалилась на своем сиденье, пока они ехали к следующему месту назначения.

– Как насчет платы культу Мгновений?

– Мы всегда можем украсть больше. Самое главное, мой связной говорит, что мы должны привлечь их внимание. Полагаю, сумасшедшая женщина в белом, которая катается по рынку, выбрасывая мешки с едой, обязательно это сделает.

– По крайней мере, «сумасшедшая» – это ты точно подметила.

Вуаль сунула руку в свернутый ковер и достала ему колбаску:

– Съешь что-нибудь, и настроение поднимется.

Он что-то проворчал, но колбаску взял и откусил хвост.

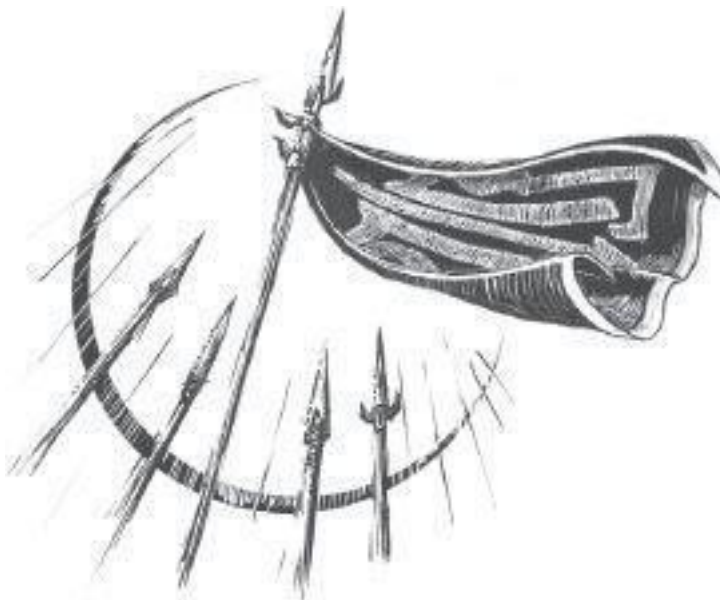
К вечеру повозка опустела. Вуаль не была уверена, сможет ли таким способом привлечь к себе внимание адептов культа, но – буря свидетельница! – было так хорошо, что она сумела хоть что-то сделать. Шаллан пусть себе читает книжки, триндит о планах и плетет интриги. Вуаль позаботится о людях, которые на самом деле голодают.

Впрочем, она же не отдала им все. Она позволила Ватаху оставить себе ту колбаску.

73. Как разбираться в историях

Я переживаю из-за того, что защита баини ослабевает. Если здесь мы не защищены от Несотворенных, то где же?

Из ящика 3–11, гранат



– Борода, хорош заливать, – сказал Вед. – Не встречался ты с Черным Шипом.

– Встречался! – горячо возразил солдат. – Он похвалил меня за униформу и подарил собственный нож. За доблесть.

– Врешь.

– Осторожнее, – предупредил Борода. – Кэл может пырнуть тебя за то, что не даешь рассказать хорошую историю.

– Я?! – удивился Каладин. Вместе с товарищами по отряду он отправился в дозор. – Меня в это не впутывай.

– Да вы только гляньте на него, – продолжил Борода. – У него голодный взгляд. Он хочет узнать, чем все закончилось.

Каладин улыбнулся, остальные тоже. Он официально присоединился к Стенной страже по приказу Элокара и был немедленно зачислен в отряд лейтенанта Норо. Кэл чувствовал себя почти... подлецом из-за того, что так быстро влился в эту компанию после стольких усилий, затраченных на выковывание Четвертого моста.

И все-таки эти люди Каладину нравились, и он наслаждался их болтовней, пока они делали обход стены вдоль внутренней части, у основания. Шестеро мужчин – многовато для обычного патруля, но Азур велела, чтобы они держались группами. Помимо Бороды, Веда и Норо отряд включал грузного Алаварда и дружелюбного Вачеслва – алети, но с явными тайленскими корнями. Эти двое все пытались увлечь Каладина игрой в карты.

Что навевало неприятное напоминание о Сахе и паршунах.

– Ну так вот, вы не поверите, что произошло дальше, – продолжил Борода. – Черный Шип сказал мне... о, пошло все в бурю. Вы не слушаете, верно?

– Верно, – подтвердил Вед. – Слишком заняты, глядим вон туда. – Он кивком указал на что-то, мимо чего они прошли.

Борода фыркнул:

– Ха! Посмотрите-ка на эту курицу! И он думает, что выглядит внушительно?

– Шквальная трата кожи, – согласился Вед.

Кэл ухмыльнулся, бросил взгляд через плечо, высматривая, кого это заметили Борода и Вед. Какого-нибудь дурня, раз уж он вызвал такой сильный...

Это был Адолин.

Принц развалился на углу, надев фальшивое обличье и желтый костюм по последней моде. Его охранял Дрехи, который был на несколько дюймов выше ростом и радостно жевал чулу.

– Какое-то королевство осталось без знамен, – мрачно проворчал Борода, – потому что этот малый их выкупил и пошил себе наряды.

– И где только выдумывают эти вещи? – спросил Вачеслв. – Это же... вот буря! Неужели кто-то просто говорит: «Знаете, что мне нужно для конца света? Что мне на самом деле пригодится? Новый наряд. И чтоб побольше блесток».

Они прошли мимо Адолина – который кивнул Каладину и отвернулся. Это означало, что все в порядке и Каладин мог продолжить дозор со стражами. Если бы Адолин покачал головой, это был бы приказ каким-то образом освободиться и вернуться в портновскую мастерскую.

Борода продолжал посмеиваться.

– Когда я служил лордам-торговцам из Стина, – заметил он, – мне однажды пришлось переплыть цистерну с краской, чтобы спасти дочь князя. Когда я выбрался оттуда, все равно не был таким пестрым, как этот хорохорящийся кремлец.

Алавард хмыкнул:

– Высокородные, буря бы их побрала. Ни на что не годны, кроме как отдавать плохие приказы и лопать в два раза больше честных людей.

– Но как ты можешь такое говорить? – спросил Каладин. – Я хочу сказать, он светлоглазый. Как мы.

Не слишком ли фальшиво прозвучало? «Быть светлоглазым – здорово, и у меня, конечно, светлые глаза – как и у вас, мои глаза светлее, чем темные глаза темноглазых». Каладину приходилось вызывать Сил несколько раз в день, чтобы цвет его глаз не менялся.

– Как мы? – повторил Борода. – Кэл, в какой расщелине ты жил? Разве там, откуда ты родом, от серединников есть какой-то толк?

– Кое-какой.

Борода и Вед – ну, почти весь отряд, кроме Норо, – были десятинниками: обладателями десятого дана, низшего ранга в сословной системе светлоглазых. До этого дня Каладин не обращал на подобные вещи внимания; для него все светлоглазые всегда были аристократами.

Эти люди видели мир совсем по-другому. Серединниками считались те, кто имел дан выше восьмого, но не дотягивал до настоящего великого лорда. С тем же успехом они могли быть существами другого вида, судя по тому, как члены отряда думали о них, в особенности о пятом и шестом дане, которые не служили в армии.

Как получалось, что эти люди окружали себя товарищами того же ранга? Они женились на десятинниках, пили с десятинниками, шутили с десятинниками. У них был особый жаргон и особые традиции. Каладину открылся целый мир, которого он никогда раньше не видел, хотя жил прямо по соседству с ним.

– Некоторые серединники и впрямь полезны, – возразил Каладин. – Кое-кто из них хорошо сражается на дуэлях. Может, надо вернуться и завербовать того парня. При нем был меч.

Остальные смотрели на него как на сумасшедшего.

– Послушай, кип, – попытался объяснить Борода. Смысл жаргонного словечка «кип» Каладин пока что не выяснил. – Ты славный малый. Мне нравится, что ты видишь в людях лучшее. Ты пока что не научился меня игнорировать, что у большинства случается после пер-

вой совместной трапезы. Но ты должен понять, каков мир на самом деле. Нельзя доверять серединникам, если только это не хорошие офицеры вроде великого маршала. Такие люди, как тот, которого мы видели, они будут расхаживать с гордым видом и раздавать приказы направо и налево – но засунь такого на стену во время штурма, и штаны у него сделаются желтые, но не от краски.

– У них есть партии, – согласился Вед. – И так даже лучше. Пусть не лезут в наши дела.

Такие странные смешанные чувства. С одной стороны, он хотел рассказать им про Амарама и со злостью поведать о том, с какой жестокой несправедливостью обошлись с теми, кто был ему дорог. В то же время... они насмеялись над Адолином Холином, который замахнулся на титул лучшего мечника Алеткара. Да, наряд у него немного яркий, но, поговорив с ним хоть пять минут, солдаты бы поняли, что он вовсе не так плох.

Каладин поплелся дальше. Казалось неправильным, что он патрулирует без копья, и он инстинктивно потянулся к Сил, которая оседлала ветер над ним. Ему дали поясной меч, чтобы подвесить справа, дубинку – носить слева, и небольшой круглый щит. Первым делом Стенные стражи научили новичка, как вытаскивать меч из ножен правой рукой, не опуская щита.

Когда Приносящие пустоту наконец-то нападут, они не будут использовать мечи и дубинки; на стене для этого имелись подходящие пики. Внизу все обстояло иначе. Широкая дорога – она окружала город вдоль стены – была свободной и чистой, порядок здесь поддерживала стража. Но большинство улиц, которые примыкали к ней, полнились людьми. Никто не хотел держаться так близко к крепостным стенам, кроме самых бедных и отчаявшихся.

– Ну как же так вышло, – проворчал Вед, – что беженцы не могут взять в толк: мы единственное, что отделяет их от армии снаружи?

Действительно, многие на боковых улицах, мимо которых они шли, провожали патруль откровенно враждебными взглядами. По крайней мере, сегодня никто ничем в них не бросил.

– Они видят, что нас кормят досыта, – ответил Норо. – Чувствуют запах еды из наших казарм. Они думают не головами, а желудками.

– И все равно половина из них вступила в культ, – заметил Борода. – Недалек тот день, когда мне придется туда внедриться. Может, я буду вынужден жениться на их верховной жрице – но, чтоб вы знали, в гареме я ужасен. В последний раз другие мужчины приревновали, потому что жрица уделяла внимание только мне.

– Она так сильно смеялась от твоих подношений, что забывала про все остальное, да? – спросил Вед.

– Вообще-то, есть одна история про...

– Успокойся, Борода, – оборвал его лейтенант. – Давайте подготовимся к доставке. – Он переложил щит в другую руку и снял дубинку с пояса. – Всем принять грозный вид. Только дубинки.

Отряд вытащил деревянные дубинки. Казалось неправильным защищаться от собственного народа – Каладин даже вспомнил, как армия Амарама разбивала лагерь возле городков. Все только и болтали, что о славной службе и битве на Расколотых равнинах. Но как только горожане переставали глазеть, они переходили к враждебности с потрясающей быстротой. Армию любят только тогда, когда она занимается важными делами в другом месте.

Отряд Норо встретился с другим из их взвода – с учетом того, что два отряда дежурили на стене, два были в увольнительной и еще два патрулировали, общее количество достигало примерно сорока человек. Двадцать мужчин построились, чтобы охранять повозку, запряженную чуллами, которая медленно выехала из большого казарменного склада. На повозке громоздилась гора закрытых мешков.

Беженцы столпились вокруг, и Каладин взмахнул дубинкой. Пришлось щитом оттолкнуть мужчину, который подобрался слишком близко. К счастью, это заставило остальных отпрянуть, а не броситься на повозку.

Они проехали всего-то одну улицу, прежде чем остановиться на городской площади. Сил уселась на его плечо:

– Они... похоже, тебя ненавидят.

– Не меня, – прошептал Каладин. – Униформу.

– А что... что ты будешь делать, если они действительно нападут?

Каладин не знал. Он прибыл в этот город не для того, чтобы воевать с местными, но если отказаться защищать отряд...

– Велалант, заberi его буря, опаздывает, – проворчал Вед.

– Еще немного времени, – напомнил Норо. – Все будет хорошо. Славные люди понимают, что еда в конце концов достанется им.

«Да, после того, как они проведут много часов в очередях на распределительных пунктах Велаланта».

Откуда-то из города – его уже не было видно за собирающимися толпами – появилась группа людей в ярко-фиолетовых нарядах и масках, скрывающих лица. Каладин с беспокойством наблюдал, как они стали хлестать самих себя по плечам. Притягивая спренов боли, которые начали выползать из земли вокруг них, похожие на руки без кожи. Только вот они были слишком большие, неправильного цвета и... непохожие на человеческие.

– Я молился спренам ночи, и они пришли ко мне! – провозгласил мужчина во главе процессии, высоко вскинув руки. – Они избавили меня от боли!

– О нет... – прошептала Сил.

– Примите их! Это спрены перемен! Спрены новой бури, новой земли. Новый народ!

Каладин взял Норо за руку:

– Сэр, надо отступать. Доставим зерно обратно на склад.

– У нас есть приказ... – Норо осекся, посмотрев на толпу, которая выглядела все более враждебной.

К счастью, из-за угла появился отряд из полусотни мужчин в синем и красном и принялся грубо, с криками расталкивать беженцев. Вдох Норо был таким громким, что показался почти комичным. Сердитая толпа раздалась, и воины Велаланта окружили повозку с зерном.

– Почему мы делаем это днем? – спросил Каладин одного из офицеров. – И почему вы просто не прибыли к складу и не сопроводили его оттуда? Зачем этот спектакль?

Солдат вежливо, но твердо отодвинул его от повозки. Отряд Велаланта окружил ее и увез прочь, а толпа направилась следом.

Когда они вернулись к стене, Каладину показалось, что он добирался до Тайлены вплавь и наконец-то увидел землю. Он прижал ладонь к камню, чувствуя его холодную, грубую поверхность. Кэл зачерпнул из стены чувство безопасности, как вдыхал бурсвет. Они бы без труда справились с толпой – беженцы в основном были безоружны. Только вот учеба помогала понять, как действуют механизмы битвы, а эмоции – нечто совершенно иное. Сил съежилась у него на плече, глядя в ту сторону, откуда они пришли.

– Во всем виновата королева, – негромко пробормотал Борода. – Если бы она не убила ту ревнительницу...

– Прекрати, – перебил Норо и вздохнул. – Отряд, мы на стене следующие. У вас полчаса, чтобы выпить или поспать, а потом собираемся на посту наверху.

– Слава бурям! – провозгласил Борода и направился напрямик к лестнице, явно собираясь подняться на пост и расслабиться там. – Я с удовольствием проведу время, глаза на вражескую армию, спасибо вам большое.

Каладин поднялся на стену следом за Бородой. Он так и не узнал, как солдат получил прозвище. Норо был единственным в отряде, кто носил бороду, хоть она и не особо впечатляла. Камень бы хохотал над нею до колик, а потом прикончил с помощью бритвы и мыла.

– Борода, почему мы терпим великих князей? – спросил Каладин, пока они поднимались. – Судя по тому, что я увидел, от Велаланта и его собратьев никакого толку.

– Ага. Настоящих великих князей мы потеряли во время беспорядков или во дворце. Но маршал знает, что делает. Подозреваю, если бы мы не делились с людьми вроде Велаланта, нам пришлось бы с ними сразиться, чтобы не дать захватить зерно. По крайней мере, так людей в конце концов кормят, а мы можем сторожить стену.

Они так часто говорили. Удерживать городскую стену – такова их работа, и когда солдаты чересчур усердствовали с поддержанием порядка или противодействием культу, они попросту отвлекались от нее. Город должен выстоять. Даже если он горел изнутри, он должен выстоять. Каладин в какой-то степени с этим соглашался. Армия не всесильна.

И все-таки ему было больно.

– Когда мне расскажут, откуда мы берем еду? – прошептал Каладин.

– Я... – Борода огляделся, словно высматривая на лестнице еще кого-то, потом наклонился к нему. – Я понятия не имею. Но знаешь, что Азур сделала в первую очередь, когда взяла на себя командование? Приказала атаковать монастырь у восточных ворот, далеко от дворца. Я знаю парней из других рот, которые тоже участвовали в том штурме. Монастырь был захвачен бунтовщиками.

– У них был духозаклинатель, верно?

Борода кивнул:

– Единственный в городе, который не находился во дворце, когда... ну, ты понял.

– Но как же мы его используем, не привлекая крикунов?

– Ну, – проговорил Борода изменившимся голосом, – я не могу раскрыть тебе все тайны, но...

И он пустился в болтовню о том, как узнал секрет пользования духозаклинателем от короля Гердаза. Похоже, Борода был не лучшим источником сведений.

– Великий маршал, – перебил Каладин, – ты заметил странность с ее осколочным клинком? У него нет самосвета на эфесе или крестовине.

Борода пристально взглянул на него в свете, падающем из бойниц. Солдаты всякий раз напрягались, когда говорили про великого маршала «она».

– Может, потому великий маршал и не отпускает его, – проговорил Борода. – Может, он сломан?

– Может. – Не считая мечей собратьев Сияющих, Каладин видел один меч, у которого не было самосвета. Клинок Убийцы в Белом. Клинок Чести, который наделял силой Сияющего любого, кто им владел. Если у Азур было оружие, которое наделяло ее силой духозаклинания, это объясняло, почему крикуны до сих пор ничего не обнаружили.

Они наконец-то поднялись на стену и вышли на свет. Остановились там вдвоем, глядя на раскинувшийся за стеной город с рассекающими его ветролезвиями и холмами. Вдали высился дворец, пусть и погруженный в полумрак. Стенная стража редко патрулировала часть стены, которая простиралась за ним.

– Ты знал кого-нибудь из дворцовой стражи? – спросил Каладин. – Кто-нибудь оттуда связывается с родней или кем-то еще?

Борода покачал головой:

– Я недавно подобрался поближе и услышал голоса. Они шептали, чтобы я к ним присоединился. Великий маршал говорит, не надо их слушать. Голоса не причинят вреда, если мы не будем прислушиваться. – Он положил руку Каладину на плечо. – Кэл, ты задаешь искренние вопросы. Но не надо так переживать. Мы должны сосредоточиться на стене. Лучше не говорить слишком много о королеве или дворце.

– Как мы не говорим о том, что Азур – женщина.

– Ее секрет... – Борода поморщился. – Я имею в виду секрет великого маршала был доверен нам, чтобы мы его хранили и защищали.

– Значит, буря свидетельница, у нас это получается плохо. Надеюсь, с защитой стены дела обстоят лучше.

Борода пожал плечами. Каладин впервые кое-что заметил:

– Ты не носишь охранные глифы.

Борода покосился на свою руку, где была традиционная белая повязка, к которой прикрепляли охранный глиф. Его была пустой.

– Ага, – подтвердил он и сунул руку в карман куртки.

– Почему?

Борода пожал плечами:

– Скажем так, я хорошо разбираюсь в выдуманных историях. Никто не глядит на нас с небес.

И он направился к их пункту сбора: к одной из башенок, которые венчали стену. Сил встала на плече Каладина, а потом поднялась по невидимым ступенькам и остановилась в воздухе на одном уровне с его глазами. Она посмотрела вслед Бороде, и ее платье трепетало на ветру, которого Каладин не ощущал.

– Далинар считает, что бог не мертв, – сказала она. – Он просто полагает, что Всемогущий – Честь – на самом деле никогда не был богом.

– Ты часть Чести. Тебя это не оскорбляет?

– Каждый ребенок в конце концов понимает, что его отец – не бог. – Она посмотрела на Каладина. – А ты как думаешь, кто-то смотрит на нас? Ты правда веришь, что там никого нет? «Странно отвечать на такой вопрос, когда его задает частица божественного».

Каладин задержался в дверном проеме сторожевой башенки. Внутри солдаты из его отряда – «седьмой взвод, второй отряд» звучало совсем не так громко, как Четвертый мост, – смеялись и шумели, собирая снаряжение.

– Раньше я считал ужасы, которые со мной происходили, – проговорил он, – свидетельством того, что бога не существует. Потом в один из самых темных моментов решил, что моя жизнь – доказательство обратного, поскольку все случившееся можно объяснить лишь преднамеренной жестокостью.

Он тяжело вздохнул и посмотрел на облака. Его вознесли на небо, где он нашел великолепие. Его наделили силой охранять и защищать.

– Теперь... – продолжил он. – Теперь не знаю. При всем уважении к Далинару я думаю, что его вера слишком удобна. Когда одно божество оказалось с изъяном, он стал настаивать, что Всемогущий никогда не был богом? Что существует нечто другое? Мне это не нравится. Так что... может быть, мы просто не в силах ответить на этот вопрос.

Каладин вошел в башенку. С обеих сторон в нее можно было попасть через широкие дверные проемы, на наружной стене и на крыше имелись бойницы для лучников. Справа от Каладина были стойки с оружием и щитами, а также обеденный стол. Над ним – большое окно с видом на город, через которое солдаты в башенке могли получать приказы с помощью сигнальных флажков внизу.

Он опускал щит на стойку, когда раздался барабанный бой: сигнал тревоги. Сил взмыла вверх позади него, словно струна, которую внезапно туго натянули.

– Нападение на стену! – крикнул Каладин, читая сообщение в звуке барабанов. – К оружию!

Он ринулся через комнату и схватил пику из тех, что стояли у стены. Бросил первому подошедшему солдату и продолжил раздавать пики, пока стражники спешили выполнить приказ, переданный сигнальщиками. Лейтенант Норо и Борода выдавали щиты – не маленькие

круглые, которыми они пользовались во время патрулирования внизу, а большие прямоугольные.

– Построиться! – скомандовал Каладин, опередив Норо.

«Вот буря, я же не их командир». Чувствуя себя идиотом, Каладин взял пику для себя и, уравновесив длинное древко, вынес ее из башенки перед Бородой, у которого был только щит. На стене четыре отряда построились, сомкнув щиты со всех сторон и выставив наружу копья. Некоторые солдаты в центре – вроде Каладина и Норо – держали только пики, вцепившись обеими руками.

По вискам Каладина потекли струйки пота. Его обучали блокам с пиками в армии Амарамы. Они использовались в качестве противодействия тяжелой кавалерии, которая была новым способом ведения войны, придуманным алети. Он не рассчитывал, что подобное окажется слишком уж эффективным на стене. Построение отлично подошло бы для удара по вражескому подразделению, но ему было трудно удерживать пику обращенной вверх. Она была для такого плохо сбалансирована – но как еще сражаться со Сплавленными?

Другой взвод, который делил с ними позицию, построился на вершине башенки с луками в руках. Оставалось надеяться, что прикрытие лучников в сочетании с защитным построением с пиками будет достаточно эффективным. Каладин наконец-то увидел, как Сплавленный мчится с небес... к другой части стены.

Солдаты в его взводе ждали, нервничали, поправляя охранные глифы или перемещая щиты. Вдалеке Сплавленный схлестнулся со стражами стены; Каладин едва мог разобрать вопли. Барабанный бой звучал неустанно, сообщая всем, чтобы оставались на местах.

Прилетела Сил, взволнованно металась из стороны в сторону. Несколько солдат в построении высунулись наружу, словно им хотелось покинуть свое место и броситься туда, где сражались товарищи.

«Спокойно», – едва не произнес Каладин, но прикусил язык. Он здесь не командует. Капитан Диданор, командир взвода, еще не прибыл, значит старшим по званию был Норо, которому подчинялись остальные лейтенанты. Каладин стиснул зубы, напрягаясь, удерживая себя от того, чтобы не отдать какой-нибудь приказ, пока Норо наконец-то не заговорил.

– Эй, Хид, не вздумай вылезти, – позвал лейтенант. – Парни, держите щиты сомкнутыми. Если мы сейчас поспешим, станем легкой добычей.

Солдаты неохотно вернулись в строй. В конце концов Сплавленный улетел. Их атаки никогда не длились долго; они наносили мощный удар, проверяя скорость реакции защитников. Красноглазые еще нередко врывались в ближайшие башенки, обыскивая их. Готовились к настоящему штурму и, как догадывался Каладин, пытались выяснить, каким образом Стенная стража добывает пропитание.

Барабаны просигналили отбой, и соратники Каладина по взводу устало поплелись обратно в башню. Их охватила досада. Затаенная агрессия. Все это беспокойство, спешка битвы – только для того, чтобы стоять и потеть, пока другие погибают.

Каладин помог разобрать оружие по стойкам, а потом налил себе миску похлебки и присоединился к лейтенанту Норо, который ждал на стене, прямо рядом с башней. Посланница с помощью сигнальных флажков сообщала тем, кто остался в городе, что взвод Норо в схватке не участвовал.

– Сэр, приношу свои извинения, – негромко проговорил Каладин. – Это больше не повторится.

– Э-э... «это»?

– В самом начале я поспешил, – напомнил Каладин. – Кинулся отдавать приказы вместо вас.

– А! Кэл, что ж, ты соображаешь на ходу! Я бы сказал, так и рвешься в бой.

– Возможно, сэр.

– Хочешь проявить себя перед отрядом, – продолжил Норо, потирая свою жиденькую бородку. – Что ж, мне нравятся воодушевленные люди. Так держать – полагаю, ты очень скоро будешь командиром отряда. – Он произнес это с интонацией гордого родителя.

– Сэр, разрешите освободиться от наряда? Возможно, дальше на стене есть раненые, которым понадобится моя помощь.

– Раненые? Кэл, я помню, ты сказал, что обучался полевой медицине, но наши военные лекари уже должны быть там.

Точно, у них есть настоящие лекари.

Норо похлопал его по плечу:

– Иди и съешь похлебку. Позже наступит время действовать. Не слишком быстро беги навстречу опасности, хорошо?

– Сэр, я... постараюсь это запомнить.

Как бы там ни было, ему оставалось лишь вернуться в башню с Сил на плече и сесть за стол, чтобы съесть свою похлебку.

74. Спрен проворства

Сегодня я прыгнул с башни в последний раз. Я чувствовал, как ветер пляшет вокруг меня, когда падал вдоль восточной стороны башни к предгорьям, расположенным ниже. Мне будет этого не хватать.

Из ящика 10–1, санфир



Вуаль сунула голову в разбитое окно заброшенной рыночной лавки. Беспризорник Грунд сидел на своем обычном месте, аккуратно сдирая со старых туфель полоски свиной кожи. Услышав шорох, он бросил инструмент и потянулся здоровой рукой за ножом.

Потом мальчик увидел, что это она, и поймал брошенный пакет с едой. На этот раз ее было меньше, зато имелись фрукты – редкость в нынешнем Холинаре. Беспризорник прижал к себе пакет и закрыл темно-зеленые глаза, вид у него сделался... замкнутый. До чего странное выражение лица.

«Он все еще мне не доверяет. И задается вопросом, что я потребую взамен».

– Где Ма и Силанд? – поинтересовалась Вуаль. Она приготовила пакеты для двух женщин, которые жили здесь вместе с Грундом.

– Переселились в дом старого жестянщика. – Грунд большим пальцем указал на проседающий потолок. – Решили, что тут становится слишком опасно.

– Уверен, что не хочешь сделать то же самое?

– Не-а. Наконец-то я могу двигаться, ни на кого не натыкаясь.

Она оставила его в покое и вышла, сунув руки в карманы нового плаща, надвинув шляпу на лицо. Воздух был холодный. Вуаль надеялась, что в Холинаре будет теплее, чем на Расколотых равнинах или в Уритиру, где пришлось провести столько времени. Но здесь тоже было холодно – наступил зимний сезон. Наверное, во всем виновата Буря бурь.

Следом она зашла к Мури, бывшей швее с тремя дочерьми. Мури принадлежала ко второму нану – высокий ранг для темноглазой, и раньше в городишке неподалеку от Револара у нее было успешное дело. Теперь она рыскала по канавам после бурь в поисках дохлых крыс и кремлецов.

Мури всегда могла поделиться забавными, но в целом бессмысленными слухами. Вуаль ушла примерно через час и покинула рынок, бросив последний пакет с едой на колени случайному нищему.

Старый нищий обнюхал пакет, а потом взволнованно закричал, ткнув локтем собрата:

– Спрен Проворства! Погляди, Спрен Проворства!

Он с коротким смешком принялся копать в пакете, и его приятель, проснувшись, схватил лепешку.

– Спрен Проворства? – переспросила Вуаль.

– Это же ты! – воскликнул он. – Тра-ля-ля! Я о тебе слышал. Ты грабишь богачей по всему городу, ага! И никто не может тебя остановить, патаму шта ты спрен. Умеешь проходить сквозь стены, да-да. Белая шляпа, белый плащ. Всегда выглядишь по-разному, верно?

Нищий с жадностью накинулся на еду. Вуаль улыбнулась – ее репутация набирала силу. Она ее укрепила, послав Ишну и Ватаха в обличье Вуали, чтобы они раздавали еду. Конечно, культ скоро перестанет ее игнорировать. Узор загудел, когда она потянулась, и вокруг взвились спрены изнеможения – все искаженные – в виде маленьких красных вихрей. Торговец, которого она обокрала чуть раньше, погнался за ней сам, но для своего возраста он был не слишком шустрим.

– Почему? – спросил Узор.

– Что «почему»? Почему небо синее, солнце яркое? Почему дует ветер или идет дождь?

– Мм... Почему ты так радуешься, что накормила так мало людей?

– Накормить немногих – это то, что мы можем сделать.

– А еще мы можем спрыгнуть с крыши, – ответил он таким искренним тоном, словно не понимал сарказма. – Но мы этого не делаем. Шаллан, ты лжешь.

– Вуаль.

– Твои обманы прячут другие обманы. Мм... – Он казался сонным. А спрены могут быть сонными? – Помнишь твой Идеал – истину, которую ты произнесла?

Она сунула руки в карманы. Приближался вечер, солнце плавно опускалось к западному горизонту. Как будто убегало от Изначалья и бурь.

На самом деле ее волновал свет в глазах каждого отдельного человека, которому она что-то давала. Накормить их было гораздо более реально, чем весь план по внедрению в культ и обследованию Клятвенных врат.

«Этого мало. Я мыслю слишком приземленно». Так сказала бы Ясна.

На улице Вуаль видела людей, которые явно страдали, даже плакали. В воздухе летало слишком много спренов гнева, а спрены страха встречались почти на каждом углу. Она должна была сделать хоть что-нибудь, чтобы помочь.

«Все равно что тушить костер, выплеснув в него наперсток воды».

Она стояла на перекрестке, опустив голову, а тени становились все длиннее, и надвигалась ночь. Из транса ее вырвали песнопения. Сколько времени она здесь провела?

На улице слева от нее показался странный оранжевый мерцающий свет. Сферы так не светятся. Вуаль направилась туда, сняв шляпу и втянув бурсвет. Она выпустила его облаком и вошла в него – и завитки тумана окутали ее тело, преобразили его форму.

Как всегда во время процессии культа Мгновений, вокруг собрались люди. Спрен Проворства рассекла толпу, одетая в «костюм» спрена из ее заметок – тех самых, что утонули в море. Подобный спрен выглядел как светящийся наконечник стрелы, который летел рядом с небесными угрями.

У нее за спиной струились золотые ленты – длинные, со стрелками на концах. Ее тело было полностью облачено в ткань, которая волочилась позади; руки, ноги и лицо закрыты. Спрен Проворства плавной походкой шла среди культистов, и даже они поглядывали на нее с удивлением.

«Я должна сделать нечто большее, – подумала она. – Мои замыслы должны быть грандиознее».

Может ли ложь помочь сломленной девушке из сельской местности Йа-Кевода стать кем-то большим? В глубине души Шаллан терзал страх: она не была уверена, к чему приведут ее действия.

Культисты тихо напевали, повторяя слова предводителей в первом ряду:

- Наше время прошло.
- Наше время прошло.
- Явились спрены.
- Явились спрены.
- Отдайте им наши грехи.
- Отдайте им наши грехи.

Да... она чувствовала. Свобода, которую ощущали эти люди. Это было умиротворение капитуляции. Они слонялись по улицам, протягивая факелы и фонари к небесам, одетые в спренов. Зачем тревожиться? Прими освобождение, прими переход, прими пришествие бури и спренов.

Прими конец.

Спрен Проворства вдохнула их песнопения и впитала их идеи. Она превратилась в одну из них, и да – она слышала голос, который шептал где-то на задворках сознания:

Сдайся.

Отдай мне свой пыл. Свою боль. Свою любовь.

Отдай угрызения совести.

Прими конец.

Шаллан, я тебе не враг.

Последние слова выделялись – резко, будто шрам на лице красивого человека.

Она пришла в себя. Вот буря! Сперва Вуаль думала, что с этой группой сможет попасть на празднество на платформе Клятвенных врат, но... она позволила себе увлечься тьмой. Дрожа, девушка застыла на месте.

Вокруг нее все остановились. Иллюзия – похожие на спренов ленты позади нее – продолжила струиться, хоть она больше не двигалась и ветра не было.

Песнопения культистов стихли, и вокруг нескольких из них появились искаженные спрены благоговения. Облачка, черные как сажа. Некоторые упали на колени. Окутанная струящейся тканью, со спрятанным лицом, вне власти ветра и гравитации, она должна была показаться им настоящим спреном.

– Существуют спрены, – проговорила Шаллан, обращаясь к собравшейся толпе и с помощью светоплетения искажая собственный голос, – и... другие спрены. Вы последовали за теми, что пришли из тьмы. Они нашептывают вам забыть самих себя. Они лгут!

Культисты ахнули.

– Не нужна нам ваша преданность. Разве когда-нибудь спрены требовали от вас преданности? Прекратите плясать на улицах, станьте снова мужчинами и женщинами. Снимите эти идиотские костюмы и вернитесь к своим семьям!

Они продолжали пялиться на нее, и потому Вуаль заставила свои ленты взмыть вверх, завиться друг о друга, сделаться длиннее. Ее поглотила мощная вспышка света.

– Ступайте! – крикнула она.

И они побежали – кое-кто на ходу сдирал с себя маскарадный костюм. Шаллан ждала, дрожа, пока не осталась в одиночестве. Она позволила свечению угаснуть и покинула улицу.

Выйдя из тьмы, снова сделалась Вуалью. Вот буря... она запросто превратилась в одну из них! Неужели ее разум так легко подчинить?

Обхватив себя руками, она поплелась по улицам и рынкам. Ясне бы хватило сил, чтобы дойти с ними до самой платформы. А если бы их туда не пустили – большинство адептов, что бродили по улицам, не обладали достаточными привилегиями, чтобы присоединиться к празднеству, – она бы придумала что-то еще. Может быть, подменила бы одного из охранников пиршества.

Правда была в том, что ей доставляло удовольствие воровать и кормить людей. Вуаль хотела превратиться в героя улиц, как в старых преданиях. Но это навредило Шаллан, помешав ей воплотить в жизнь более важную и логичную задумку.

Впрочем, не так уж часто художница совершала логичные поступки. Это было свойственно Ясне, а вовсе не Шаллан. Может... может, ей следует стать Сияющей, и тогда...

Она прижалась к стене, обхватив себя руками. Потая, дрожа, отправилась искать свет. Нашла на соседней улице: спокойное, ровное сияние. Дружественный свет сфер, а вместе с ним и звук, который казался невозможным. Смех?

Девушка погналась за ним, голодная, пока не достигла компании, которая пела под лазурным взглядом Номон. Они перевернули ящики, расставили кольцом, и один из них руководил веселым пением.

Шаллан смотрела, упиравшись рукой в стену здания, и шляпа Вуали свисала из ее защищенной руки в перчатке. Разве в их смехе не должно звучать отчаяние? Как они могли быть такими счастливыми? И петь? Эти люди вдруг показались странными зверями, вне ее понимания.

Иногда Шаллан чувствовала саму себя неким существом в человеческом обличье. Она была той тварью из Уритиру – Несотворенной, которая рассылала повсюду своих марионеток, чтобы те подражали людям.

«Вот он, – рассеянно подметила она. – Пением руководит Шут».

Он больше не оставлял ей сообщений в трактире. Когда девушка наведлась туда в последний раз, трактирщик пожаловался, что он съехал, и вынудил оплатить счет.

Вуаль натянула шляпу, затем повернулась и медленно ушла по рыночной улочке.

Она превратилась в Шаллан прямо перед тем, как добралась до портновской лавки. Вуаль не спешила уходить – ей хотелось пойти и разыскать Каладина среди Стенных стражей. Мостовик бы ее не узнал, так что она смогла бы подойти и «познакомиться». Может, немного пофлиртовать...

Сияющую ошеломила сама мысль об этом. Ее клятвы Адолину были не завершены, но много значили для нее. Шаллан уважала его и наслаждалась тем временем, которое они провели вместе, пока он учил ее обращаться с мечом.

А Шаллан... да, кстати, чего же хотела Шаллан? Имело ли это значение? Зачем вообще о ней беспокоиться?

Вуаль наконец-то ушла. Она сложила шляпу и плащ, а затем с помощью иллюзии замаскировала их под сумку. Поверх штанов и рубашки разместила иллюзию Шаллан в хаве, после чего вошла в дом, где обнаружила Дрежи и Скара, которые играли в карты и спорили, какой вид чуфы вкуснее. Хм, так она бывала разных видов?

Шаллан приветствовала их кивком и начала подниматься по лестнице, совершенно измученная. Однако несколько спренов голода напомнили, что она ничего не приберегла для себя из дневных воровских трофеев. Спрятав одежду, девушка спустилась на кухню.

Там сидел Элокар и пил из бокала, куда бросил сферу. Неяркий красно-фиолетовый свет озарял кухню. На столе перед королем лежал лист с глифами: список названий Домов, чьи вечеринки он посетил. Некоторые имена были зачеркнуты, но другие король обвел и записал количество солдат, которое те могли бы предоставить. Пятьдесят воинов тут, тридцать там.

Он отсалютовал ей светящимся бокалом, пока Шаллан искала лепешки и сахар.

– Что это за узор на твоей юбке? Выглядит... знакомо.

Шаллан посмотрела вниз. На подоле иллюзорной юбки красовалась копия Узора, который обычно цеплялся к ее плащу.

– Знакомо?

Элокар кивнул. Он не выглядел пьяным, но погрузился в созерцание.

– Я раньше воображал себя героем, как ты. Представлял, что отвоюю Расколотые равнины во имя отца. Отомщу за пролитую кровь. А теперь это уже не имеет значения, да? То, что мы победили?

– Конечно имеет, – возразила Шаллан. – У нас есть Уритиру, и мы одержали верх над большой армией Приносящих пустоту.

Он хмыкнул:

– Иногда кажется, что нужно лишь стоять на своем достаточно долго – и мир изменится. Но желать и ожидать – это что-то из Стремлений. Ересь. Хороший воринец должен беспокоиться о том, чтобы изменить самого себя.

«Отдай свой пыл...»

– Есть ли новости о Клятвенных вратах или культе Мгновений? – спросил Элокар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.